

**The branch of the Federal State Autonomous institution of Higher education
“Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”
in the town of Odintsovo**

LANGUAGE. CULTURE. TRANSLATION:

research paradigms and practical aspects

Part 1

Edited by
Dr. Valentina A. Ikonnikova,
Dr. Natalia D. Parshina

Moscow
Odintsovo Campus of MGIMO University
2020

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
ОДИНЦОВСКИЙ ФИЛИАЛ

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ПЕРЕВОД:

научные парадигмы и практические аспекты

Сборник научных трудов

В двух частях
Часть 1

Под редакцией В.А. Иконниковой, Н.Д. Паршиной

Москва
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
2020

УДК 80/81

ББК 81

Я41

Рецензенты:

зав. кафедрой теории и практики перевода и коммуникации

Института иностранных языков МПГУ

кандидат филологических наук, доцент *Е.И. Ковалева*,

и.о. зав. кафедрой английского языка

факультета лингвистики и межкультурной коммуникации

Одинцовского филиала МГИМО МИД России

кандидат филологических наук *Н.В. Русинова*

Язык. Культура. Перевод : научные парадигмы и практические аспекты :

Я41 сборник научных трудов. В двух частях. Часть 1 / под редакцией В.А. Иконниковой, Н.Д. Паршиной ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал МГИМО МИД России. – Москва : Одинцовский филиал МГИМО МИД России, 2020. – 304 с.

ISBN 978-5-9228-2388-3 (ч. 1)

ISBN 978-5-9228-2390-6

В сборник, подготовленный по материалам Международной научно-практической конференции (Одинцово, 20–21 февраля 2020 г.), включены статьи ведущих российских и международных экспертов по следующим направлениям современной лингвистики: терминоведение и языки для специальных целей; лингвострановедение и межкультурная коммуникация; лексикология и фразеология: новые подходы и методы исследования; когнитивные исследования языка; дискурсивные исследования; проблемы теории и практики перевода; методика обучения иностранным языкам; актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного; современное литературоведение: теоретические и прикладные проблемы; компьютерная лингвистика; корпусные исследования; лингвистический аспект цифровой обработки данных.

Для лингвистов, переводчиков, специалистов в области лингвистики и перевода.

The Proceedings include articles by leading Russian and international experts on the following fields of modern linguistics: Terminology Science and LSP. Cross-Cultural Communication and Area/Culture Studies. Lexicology and Phraseology: New Approaches and Research Methods. Cognitive Linguistics. Discourse and Textual Data Analysis. Translation Studies. Teaching Modern Languages. Teaching Russian as a Foreign Language. Theory and Practice of Literature Studies. Digital and Corpus Linguistics: Linguistic Aspects of Data Processing.

The materials of the international conference are aimed at linguists, interpreters and translators, other specialists in the fields listed above.

УДК 80/81

ББК 81

ISBN 978-5-9228-2388-3 (ч. 1)

ISBN 978-5-9228-2390-6

© Одинцовский филиал МГИМО, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Contents

Введение	
INTRODUCTION	12
Пленарное заседание	
PLENARY SESSION	18
<i>Джейн Сеттер</i>	
<i>Setter, Jane</i>	
<i>Английская речь имеет значение</i>	
<i>ENGLISH SPEECH MATTERS</i>	<i>18</i>
<i>Э. Якушнэ Харнос</i>	
<i>Harnos, E. Jakusne</i>	
<i>Конструирование концепта как инструмент убеждения</i>	
<i>CONCEPT ENGINEERING AS A TOOL OF PERSUASION</i>	<i>29</i>
<i>И.С. Алексеева</i>	
<i>Alekseeva, I.S.</i>	
<i>Новое в методике подготовки переводчиков</i>	
<i>NEW TRENDS IN INTERPRETER TRAINING</i>	<i>35</i>
<i>В.И. Карасик</i>	
<i>Karasik, V.I.</i>	
<i>Эмблематические характеристики лингвокультурных скриптов</i>	
<i>EMBLEMATIC PROPERTIES OF LINGUISTIC CULTURAL SCRIPTS</i>	<i>43</i>
<i>А.А. Беликова</i>	
<i>Belikova, Anna</i>	
<i>Russian and oriental languages: how the intercultural influence can be used in the process of language teaching?</i>	
<i>РУССКИЙ И ВОСТОЧНЫЙ ЯЗЫКИ: КАК ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР МОЖЕТ ПРИМЕНЯТЬСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ?</i>	<i>47</i>
<i>Асен Кирин</i>	
<i>Kirin, Asen</i>	
<i>Телемост с университетом Джорджии (США)</i>	
<i>TELEBRIDGE WITH THE UNIVERSITY OF GEORGIA (USA)</i>	<i>51</i>
Секция 1. Терминоведение и языки для специальных целей	
TERMINOLOGY SCIENCE AND LSP	56
<i>В.А. Иконникова</i>	
<i>Ikonnikova, V.A.</i>	
<i>Роль культурного компонента значения терминов американской юстиции и политкорректности в межкультурной коммуникации</i>	
<i>THE ROLE OF THE CULTURAL COMPONENT OF MEANING OF AMERICAN</i>	

<i>JUSTICE AND POLITICAL CORRECTNESS TERMS IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION</i>	56
<i>Ю.Г. Кокорина Kokorina, Yu. G. Проблема номинации в археологической терминологии THE PROBLEM OF NOMINATION IN ARCEOLOGICAL TERMINOLOGY</i>	63
<i>Е.В. Крымова Krymova, E. V. Специфика номинаций лиц-участников уголовного судопроизводства в немецком языке PECULIARITIES OF NOMINATION OF CRIMINAL PROCESS PARTICIPANTS IN THE GERMAN LANGUAGE</i>	67
<i>И.С. Кудашев, О.В. Семёнова Kudashov, I. S., Semyonova, O. V. Проблемы составления тематического словаря медицинской лексики для целей социального перевода THE PROBLEMS OF COMPILING A THEMATIC DICTIONARY OF MEDICAL VOCABULARY FOR SOCIAL TRANSLATION PURPOSES.....</i>	73
<i>К.А. Логунова Logunova, K.A. Документ как тип текста DOCUMENT AS A TYPE OF TEXT</i>	77
<i>С.Л. Мишланова, Н.В. Бисерова, Д.Д. Курушин Mishlanova, S.L., Biserova, N.V., Kurushin, D.D. Особенности восприятия терминов миграционного права студентами неправовых специальностей: перспектива создания волонтерского словаря PERCEPTION OF MIGRATION LAW TERMINOLOGY BY THE STUDENTS OF NON-LAW SPECIALTIES: PROSPECTS OF VOLUNTEER DICTIONARY CREATION.....</i>	83
<i>Н.С. Патрикеева Patrikeeva, N.S. Экстраглоссические факторы развития терминологии трансплантологии EXTRALINGUISTIC FACTORS OF TRANSPLANTATION TERMINOLOGY DEVELOPMENT.....</i>	90
<i>Е.П. Попова Popova, E.P. Деформализация стиля правовых норм: реалии современного юридического английского языка SIMPLIFICATION OF LEGAL REGULATIONS STYLE: REALITY OF MODERN LEGAL ENGLISH.....</i>	96

<i>Э.М. Рафикова</i> <i>Rafikova, E.M.</i>	
<i>Особенности современной криминологической терминологии русского и английского языков</i> <i>THE PECULIARITIES OF MODERN CRIMINOLOGICAL TERMINOLOGY OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES.....</i>	<i>103</i>
<i>A B. Синелева</i> <i>Sineleva, A.V.</i>	
<i>Определение существенных признаков понятий, отраженных в сознании и носителей языка, представляющих разные профессиональные группы, методом ассоциативного эксперимента</i> <i>IDENTIFICATION OF THE SIGNIFICANT FEATURES OF THE CONCEPTS REFLECTED IN THE CONSCIOUSNESS OF NATIVE SPEAKERS BELONGING TO DIFFERENT PROFESSIONAL GROUPS BY AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT ..</i>	<i>107</i>
<i>M.A. Соколова</i> <i>Sokolova, M.A.</i>	
<i>Терминотворчество в современном американском политическом дискурсе</i> <i>TERM CREATION IN THE MODERN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE.....</i>	<i>112</i>
<i>И.Л. Ульянова, Н.В. Маршалок</i> <i>Ulyanova, I.L., Marshalok, N.V.</i>	
<i>Метафора в латинской терминологии международного права: <i>vade tecum</i></i> <i>METAPHOR IN LATIN TERMINOLOGY OF INTERNATIONAL LAW: VADE MECUM.....</i>	<i>116</i>
<i>Ю.Б. Цверкун</i> <i>Tsverkun, Yu.B.</i>	
<i>Особенности семантического терминообразования (на материале терминологических единиц, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании)</i> <i>PECULIARITIES OF SEMANTIC TERM FORMATION (ON THE MATERIAL OF TERMINOLOGICAL UNITS OF THE UK HIGHER EDUCATION).....</i>	<i>120</i>
<i>Т.Д. Четверикова</i> <i>Chetverikova, T.D</i>	
<i>Об одном терминологическом заблуждении: Гражданский брак</i> <i>A TERMINOLOGICAL MISUNDERSTANDING: THE TERM ‘CIVIL MARRIAGE’ IN THE RUSSIAN LANGUAGE</i>	<i>126</i>
<i>С.Д. Шелов</i> <i>Shelov, S.D.</i>	
<i>Дефиниционный анализ терминологии: в поисках родо-видовой структуры терминов</i> <i>ANALYSIS OF TERM DEFINITIONS: IN SEARCH OF DOMAIN GENUS-SPECIES STRUCTURE.....</i>	<i>133</i>

<i>E.A. Барсукова</i> <i>Barsukova, E.A.</i>	
<i>Лексикографические источники в формировании концептуальной основы курса «музыкальная культура США» для студентов-регионоведов</i> <i>LEXICOGRAPHIC SOURCES IN THE FORMATION OF THE CONCEPTUAL BASIS OF THE COURSE "MUSIC CULTURE OF THE USA" FOR REGIONAL STUDIES STUDENTS</i>	<i>141</i>
<i>Л.М. Босова</i> <i>Bosova, L.M.</i>	
<i>Английские паремии о труде в лингвокультурологическом аспекте</i> <i>ENGLISH WORK SAYINGS IN THE LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT</i>	<i>145</i>
<i>E.B. Власова</i> <i>Vlasova, E.V.</i>	
<i>Гиперболическая метафора как средство выражения переоценки в речи современных англичан (на материале художественной литературы начала XXI века)</i> <i>HYPERBOLIC METAPHOR AS A MEANS OF EXPRESSING OVERESTIMATION IN THE SPEECH OF MODERN ENGLISH PEOPLE (BASED ON THE FICTION SOURCES OF THE EARLY XXI CENTURY)</i>	<i>155</i>
<i>O.B. Вострикова</i> <i>Vostrikova, O.V.</i>	
<i>Стилизованная речь инофонов различных культур как отражение рече-языковых авто- и гетеро-стереотипов</i> <i>STYLIZED SPEECH OF FOREIGN SPEAKERS OF DIFFERENT CULTURES AS A REFLECTION OF SPEECH AND LANGUAGE, AUTO-AND HETERO-STEREOTYPES</i>	<i>160</i>
<i>A.A. Горностаева</i> <i>Gornostaeva, A.A</i>	
<i>Ирония и коммуникативные ценности: межкультурный аспект</i> <i>IRONY AND COMMUNICATIVE VALUES: CROSS-CULTURAL ASPECT</i>	<i>171</i>
<i>M.B. Григоренко</i> <i>Grigorenko, M.V.</i>	
<i>Роль экстралингвистических факторов в формировании коммуникативной компетенции</i> <i>THE ROLE OF EXTRALINGUISTIC FACTORS IN THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE.....</i>	<i>178</i>

<i>A.B. Зыкова</i> Zykova, A.V.	
<i>Языковая политика обучения французскому языку в контексте применения новых правил правописания</i> <i>LANGUAGE POLICY IN THE PROCESS OF TEACHING FRENCH IN THE CONTEXT OF APPLYING NEW SPELLING RULES.....</i>	181
<i>A.C. Суханова</i> Sukhanova, A.S.	
<i>Англоязычный научный экологический дискурс и способы концептуализации представлений со словом environment</i> <i>ENGLISH SCIENTIFIC ECOLOGICAL DISCOURSE AND WAYS TO CONCEPTUALIZE REPRESENTATIONS WITH THE WORD “ENVIRONMENT”</i>	189
<i>O.O. Кириллова</i> Kirillova, O.O.	
<i>Австрализмы – ключ к пониманию особенностей австралийской культуры</i> <i>AUSTRALISMS: A KEY TO COMPREHEND FEATURES OF THE AUSTRALIAN CULTURE</i>	194
<i>E.S. Колягина</i> Kolyagina, E.S.	
<i>Лексико-семантические средства выражения категорий «бытия» и «обладания» в индоевропейских языках</i> <i>LEXICAL AND SEMANTIC MEANS OF EXPRESSING THE CATEGORIES OF "BEING" AND "HAVING" IN INDO-EUROPEAN LANGUAGES.....</i>	202
<i>M.A. Кузина</i> Kuzina, M.A.	
<i>Языковые способы представления современного терроризма в мультикультурном романе на английском языке</i> <i>LANGUAGE METHODS OF PRESENTING MODERN TERRORISM IN A MULTICULTURAL ENGLISH NOVEL</i>	208
<i>E.A. Литягина</i> Lityagina, E.A.	
<i>Сопоставление лингвокультурологических особенностей деловой лексики язиков смежных регионов на примере США и стран Латинской Америки</i> <i>COMPARISON OF LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF BUSINESS LEXICON OF NEIGHBORING REGION LANGUAGES ON THE EXAMPLE OF THE UNITED STATES AND LATIN AMERICA</i>	212
<i>В.С. Лукьянова, М.Н. Москавец</i> Lukyanova, V.S., Moskavets, M.N.	
<i>Прагматика нелексических французских включений в англоязычном детском анимационном фильме</i> <i>PRAGMATICS OF FRENCH NON-LEXICAL INCLUSIONS IN ENGLISH CHILDREN'S ANIMATED MOVIES</i>	217

<i>E.B. Поканинова</i> <i>Pokaninova, E.B.</i>	
Влияние религиозного фактора на межкультурную коммуникацию в условиях глобализации THE INFLUENCE OF THE RELIGIOUS FACTOR ON THE INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION.....	223
<i>E.A. Попова</i> <i>Popova, E.A.</i>	
Guajiro и jíbaro: образ сельского жителя Кубы и Пуэрто-Рико GUAJIRO AND JÍBARO: THE IMAGE OF A RURAL RESIDENT OF CUBA AND PUERTO RICO.....	229
<i>M.Z. Сафарян</i> <i>Safaryan, M.Z.</i>	
Франкоязычные заимствования в русском языке как результат межъязыкового взаимодействия в контексте межкультурной коммуникации FRENCH BORROWINGS IN RUSSIAN AS A RESULT OF CROSS-LANGUAGE INTERACTION IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION	233
<i>T.A. Таганова</i> <i>Taganova, T.A.</i>	
Ксенонимы-руси兹мы в англоязычной прессе XXI века XENONYMS-RUSISMS IN THE ENGLISH LANGUAGE PRESS OF THE XXI CENTURY.....	239
<i>M.T. Шабанова</i> <i>Shabanova, M.T.</i>	
Использование интернет-ресурсов в обучении иностранному языку THE USE OF THE INTERNET RESOURCES IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE.....	243
Секция 3. Проблемы теории и практики перевода TRANSLATION STUDIES.....	248
<i>O.B. Беляева, М.В. Михайлова, К.Р. Солодкина</i> <i>Belyaeva O.V., Mikhailova M.V., Solodkina K.R.</i>	
Практические аспекты анализа текста для перевода PRACTICAL ASPECTS OF TEXT ANALYSIS FOR TRANSLATION PURPOSES ...	248
<i>K.YU. Игнатов</i> <i>Ignatov, K.Yu.</i>	
Использование коэффициентов М.Л. Гаспарова для оценки стихотворного перевода M.L. GASPAROV'S QUOTIENTS FOR ANALYSIS OF POETIC TRANSLATION ...	258

<i>H.E. Лисичкина, Д.С. Лисичкина</i> <i>Lisichkina, N.E., Lisichkina, D.S.</i>	
<i>Испанский язык Латинской Америки. Выражение волеизъявления.</i> <i>LATIN AMERICAN SPANISH. WILL EXPRESSION</i>	263
<i>Л.С. Плющева</i> <i>Plushcheva, L.S.</i>	
<i>Перевод на русский язык лексики итальянских диалектов (на материале современных итальянских художественных фильмов и телевизионных сериалов)</i> <i>TRANSLATING INTO RUSSIAN THE VOCABULARY OF ITALIAN DIALECTS (ON THE BASIS OF MODERN ITALIAN FEATURE FILMS AND TELEVISION SERIES)</i>	270
<i>M.B. Прилепская</i> <i>Prilepskaya, M.V.</i>	
<i>Культурно-языковые коды в книге Сильвена Тессона «В сибирских лесах» (на французском языке)</i> <i>CULTURAL AND LINGUISTIC CODES IN THE BOOK BY SYLVAIN TESSON “IN THE SIBERIAN FORESTS” (in French).....</i>	278
<i>H.B. Тимко</i> <i>Timko, N.V.</i>	
<i>Переводческие ошибки vs. Переводческие находки при лингвокультурной трансляции в переводе</i> <i>TRANSLATION FAILURES VS TRANSLATION FINDINGS IN OVERCOMING LANGUAGE-CULTURAL BARRIER.....</i>	286
<i>H.C. Токмакова</i> <i>Tokmakova, N.S.</i>	
<i>Особенности употребления и перевода метафоры в текстах выступлений глав государств и официальных представителей дипломатических ведомств</i> <i>PECULIARITIES OF USING AND TRANSLATING METAPHORS IN THE SPEECHES BY HEADS OF STATE AND OFFICIAL REPRESENTATIVES OF DIPLOMATIC DEPARTMENTS</i>	292
<i>B.I. Хайруллин</i> <i>Khairoulline, V.I.</i>	
<i>О брутальности перевода</i> <i>TO THE QUESTION OF THE BRUTALITY OF TRANSLATION</i>	298

ВВЕДЕНИЕ

В целях дальнейшего развития образовательной и научной деятельности по направлениям «Лингвистика» и «Современные языки», активного вовлечения преподавателей, студентов бакалавриата и магистратуры, учащихся Колледжа и Горчаковского лицея в научно-исследовательскую деятельность, повышения академической мобильности студентов и преподавателей, развития международного сотрудничества 20 и 21 февраля 2020 г. факультет лингвистики и межкультурной коммуникации провел в Одинцовском кампусе МГИМО Международную научно-практическую конференцию "Язык. Культура. Перевод: научные парадигмы и практические аспекты".

Открывая конференцию, ректор МГИМО А.В. Торкунов отметил: «Специалисты, которые владеют языковыми навыками и инструментами коммуникации, будут цениться всегда. Никакие технологии не заменят человеческого общения. Сегодняшняя конференция, которая проходит в Одинцово, – тому яркое свидетельство».

В конференции приняли участие более 350 участников из 10 стран, более 200 из них выступили с докладами на 2 пленарных заседаниях, 20 секционных заседаниях по 8 тематическим направлениям; 3 круглых столах; 14 мастер-классах и 1 телемосте (с Университетом Джорджии, США, на английском языке). В заявленных докладах исследования проводились на материале 10 языков: английского, итальянского, немецкого, французского, испанского, китайского, корейского, японского, узбекского, русского. Рабочими языками конференции стали русский и английский.

Семь докладов на пленарном заседании были заслушаны на английском и русском языках и сопровождались синхронным переводом, который обеспечили кафедра лингвистики и переводоведения и кафедра английского языка Одинцовского филиала МГИМО.

Основные векторы научных дискуссий были заданы такими экспертами, как **Джейн Сеттер** (Университет Рединга, Великобритания), **Эва Якушне Харнос** (Национальный университет государственной службы, Будапешт, Венгрия), **Ирина Сергеевна Алексеева** (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия), **Владимир Ильич Карасик** (Институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия), **Анна Алексеевна Беликова** (Russia Today, Middle Eastern studies specialist); **Людмила Георгиевна Веденина** (МГИМО, Москва, Россия), **Марк Яковлевич Блох** (Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия), **Сергей Дмитриевич Шелов** (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия).

Плодотворно прошел телемост на английском языке с Университетом Джорджии (США), в ходе которого в лекции-дискуссии с профессором **Асеном Кирином** приняли участие гости конференции.

В данный Сборник включены 95 статей участников конференции.

Оргкомитет конференции получил десятки благодарственных отзывов, в том числе и о работе волонтеров-студентов, высоком уровне научной дискуссии и межкультурной коммуникации.

Успешное проведение конференции позволяет заявить о МГИМО-Одинцово как о новой *международной площадке для проведения научно-практического форума* по актуальным теоретическим и практическим вопросам современной лингвистики. МГИМО-Одинцово стал новым центром научно-исследовательской работы в области языкознания, практики перевода, разработки и применения современных технологий в лингвистике; прикладных исследований в области преподавания родного и иностранных языков и культур.

На конференции были представлены как традиционные лингвистические и методические направления дискуссии, так и инновационные – обсуждение *перспективных тенденций прикладной лингвистики*: корпусной лингвистики и цифровой обработки лингвистических данных, а также современных технологий в лингвистике, что позволит развивать образовательные программы по лингвистике и научные исследования по новым направлениям, а также отвечать новым вызовам, с которыми столкнулся мир в условиях дистанционного обучения и онлайн-коммуникации.

Широкий круг обсуждаемых вопросов на пленарных и секционных заседаниях, на мастер-классах и круглых столах позволил привлечь к работе конференции большое количество студентов, преподавателей, учителей, экспертов-лингвистов, переводчиков, ученых.

Став регулярной, конференция позволит МГИМО-Одинцово стать флагманом в области обсуждения вопросов языковой политики, межкультурной коммуникации в профессиональном и медийном общении, лингвистических методов цифровой обработки онлайн-запросов, распознавания речи, дистанционной коммуникации и смешанного обучения (*remote/ blended learning*) и т.д.

Сотрудничество с ведущими российскими и зарубежными центрами лингвистических исследований, бизнес-партнерами, разрабатывающими цифровые продукты и технологии по указанным стратегическим направлениям, обогащает образовательную и научно-исследовательскую среду кампуса МГИМО-Одинцово, дает бесценный научный и практический материал и возможность обмена опытом и новыми идеями участникам конференции.

Introduction

International Linguistic Conference at MGIMO-Odintsovo

The international practical science conference “Language. Culture. Translation: research paradigms and practical aspects” was held at MGIMO-Odintsovo on February 20-21, 2020. More than 200 speakers from more than 10 countries took part in the conference: speakers from the USA, the UK, Italy, Finland, Hungary, Poland, China, South Korea, Kazakhstan and other countries, representatives of the leading Russian universities – linguists, interpreters, authors of textbooks on second and foreign languages, students, graduate and postgraduate students. More than 350 participants attended 2 plenary discussions, 20 session meetings on 8 main topics, 3 round tables, 14 work-shops and an online telebridge with the University of Georgia (USA). The presented reports displayed the analysis of 10 languages: English, Italian, German, French, Spanish, Chinese, Korean, Japanese, Uzbek and Russian. The working languages of the conferences were Russian and English.

Academician Anatoly V. Torkunov, Rector of MGIMO University, opened the conference and said, “Specialists who have foreign language skills and communication tools will always be in demand. No technology will be able to substitute human interaction. Today’s conference that is held in Odintsovo, is a true evidence of this fact”.

Dr. Valentina A. Ikonnikova, Dean of the School of Linguistics and Cross-Cultural Communication, emphasized that holding the International conference at MGIMO-Odintsovo shows that the Campus has fully become an international platform for a practical science forum in the field of up-to-date theoretical and practical issues. Today MGIMO campus in Odintsovo has become a new center for research in linguistics, translation practice and foreign languages teaching.

7 plenary talks in English and Russian were accompanied by simultaneous interpretation provided by the staff of the Chair of Linguistics and T&I and the Chair of the English language.

Basic trends of the Conference discussions were determined by such experts as **Dr. Jane Setter** (University of Reading, UK), **Dr. Eva Jakusne Harnos** (National University of Public Service, Budapest, Hungary), **Dr. Irina S. Alekseeva** (Hertzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia), **Dr. Vladimir I. Karasik** (Pushkin State Institute of the Russian Language, Moscow, Russia), **Dr. Anna A. Belikova** (Russia Today, Middle Eastern studies specialist, Moscow, Russia), **Dr. Lyudmila G. Vedenina** (MGIMO University, Honoured Professor, Moscow, Russia), **Dr. Mark Ya. Blokh** (Moscow State Pedagogical

University, Honoured Professor, Moscow, Russia), **Dr. Sergey D. Shelov** (V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

The guests of the Conference appreciated the online lecture-discussion during the telebridge with **Dr. Asen Kirin** (University of Georgia, USA).

During the plenary session **Dr. Jane Setter**, Professor at the University of Reading (Great Britain), presented her book «Your Voice Speaks Volumes» for the first time in Russia. The book was published by Oxford University Press. International and Russian speakers discussed new methods of translators and interpreters' training and other important issues related to Area and Cultural Studies through Language.

The list of participants of the round tables and workshops includes the staff of RT media-holding, Translation Memory “TRADOS” – the company developing digital linguistic technologies, Margarita Rudomino Library for Foreign Literature, publishing houses Pearson, Oxford University Press, teachers of the best Moscow and Moscow region schools, gymnasiums and lyceums.

The Conference Proceedings contain 95 articles by Conference speakers.

The Conference Team received dozens of letters of appreciation, including the ones about the work of volunteer students, the high level of scientific discussion and intercultural communication.

Fruitful and promising cooperation with leading international centers of Linguistic research, as well as strategic business partners from the digital technologies industry, enriches the educational and research environment of the MGIMO-Odintsovo Campus, gives invaluable experience and the opportunity to share the best practices and new ideas.

The Conference Team of the School of Linguistics and Cross-Cultural Communication MGIMO-Odintsovo believes that future regular conferences on Language, Culture and Translation will focus on new digital challenges and word-oriented responses, modern technologies and tools in Linguistics, remote / blended learning strategies and maintaining human relations through cross-cultural communication in the changing world.

Пленарное заседание
PLENARY SESSION

Dr. Jane Setter
University of Reading, UK

ENGLISH SPEECH MATTERS

*Your Voice Speaks Volumes. Oxford University Press, October 2019.
The 1st Book Presentation in Russia*

Abstract: Jane Setter is an internationally-renowned Professor of Phonetics and science communicator. Her profile means she is regularly involved in "research engagement" activities outside of a university setting. In this paper, she looks at the aspects of speech and pronunciation which she is most asked about by the media and members of the public. These include accent prejudice, male and female speaker differences, and forensic speech analysis. Finally, she reflects on the relevance of her research engagement to language teaching in an international context.

Keywords: speech, pronunciation, accent prejudice, forensic phonetics, gender

Джейн Сеттер
Университет Рединга, Великобритания

АНГЛИЙСКАЯ РЕЧЬ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ
*«Ваш голос говорит за сам за себя». Оксфорд, 2019.
Первая презентация книги в России*

Аннотация: Джейн Сеттер – всемирно известный профессор фонетики и эксперт в области научной коммуникации, регулярно участвующий в научно-исследовательской деятельности за пределами своего университета. В данной статье автор рассматривает вопросы, связанные с речью и произношением, о которых ее чаще всего просят рассказать СМИ и представители общественности. К таким темам относятся предрассудки в отношении акцента, особенности речи женщин и мужчин, судебная экспертиза. В заключение автор показывает значимость своего исследования для обучения языку в контексте межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: речь, произношение, предрассудки в отношении акцента, судебная фонетика, гендер

Introduction

As an expert on English pronunciation (Setter & Jenkins, 2005; Jones, 2011), I am often asked for comment by the print, digital and broadcast media on aspects of speech. This is termed “research engagement” in the UK, although almost all the things I have been asked to comment on are nothing to do with my funded research, which focuses on speech prosody in atypical and global English populations (see, e.g., Stojanovik et al., 2018; Mat Nayan & Setter, 2016).

In recent years, I have contributed to discussion on accent prejudice, the Yanny/Laurel audio clip (see <https://www.theguardian.com/global/video/2018/may/16/what-do-you-hear-in-this-audio-clip-yanny-or-laurel-takes-internet-by-storm-video>), whether the Duchess of Sussex has changed her accent since becoming part of the British royal family (Leeman, Setter & Kirkham, 2019), how one should pronounce the word for a public outdoor swimming pool, *lido* (I was brought up saying /'laɪdəʊ/ but the alternative – and more accurate – pronunciation is /'li:dəʊ/), why people sing and speak in different accents, what terrorist Jihadi John’s accent could tell us about him, and why it is that men can’t make their voices sound sexy. Because of my background and interest in English as a global language, I have also written for the UK’s *Guardian* newspaper on whether English is likely to remain an official language of the European Parliament after Brexit (Setter, 2019b).

My background and training in phonetics and phonology and my experience working with speakers from around the world means that, while I might have rather niche research publications, I feel confident that I am qualified to comment publicly on a range of topics which are of interest to a more general audience. Added to this, my status as a National Teaching Fellow of the UK Higher Education Academy/Advance HE is an indication that I have a talent for conveying complex ideas effectively.

It occurred to me from all these media requests that the general public is interested in aspects of speech, and so I have written a popular science book on this topic, *Your Voice Speaks Volumes*, published in 2019 in the UK and 2020 in the USA by Oxford University Press (Setter, 2019a). In it, I draw on my academic and media experiences and further research to bring to life the study of phonetics and what our understanding of this area can contribute to how different speech patterns are viewed in society. This paper looks at some of those societal attitudes, including a short history of how England came to have such a diversity of accents, and how our speech patterns can divide as well as unite us. I finish with some implications for those teaching English to speakers of other languages.

1. Accents and tribalism

English is not a pure language. It is not even the indigenous language of England, or of Britain. What we know as English today is the result of migration and invasion, and is mainly a mixture of Germanic, Scandinavian and French languages with scholarly influence from the Classics.

English was first brought to the British Isles by the Anglo-Saxons and quickly came to replace Insular Celtic languages, which had also been brought to the region by earlier migrants. The main migration of the Anglo-Saxons to Britain appears to have taken place from the fifth century AD onwards. While early historical accounts suggested that they came as invaders, more recent archaeology indicates that the Anglo-Saxons settled peacefully, and were in some cases invited by the existing Britons or by the Romans. They were not a homogeneous group, however, and the resulting language, known as “Old English”, had different varieties depending on which group brought it and where they settled.

We have to bear in mind that the world population around this time was extremely sparse in comparison with now. People would have lived in relatively small groups, quite distant from each other, and would not have moved around very much. There were a large number of tribal “Kings” in different regions, each of whom commanded loyalty. This is a situation in which speech differences are highly likely to develop. The variety of a language you speak is a strong marker of whether or not you belong to a particular social group or community, and it is at this time that we see the seeds of British English language variation (particularly in England) and prejudice being sown. If people are outsiders, this is easily identifiable from the way they speak. Outsiders – who may easily be part of a raiding party – can often be treated with suspicion, fear and prejudice rather than warmth, interest and openness. This state of affairs still obtains.

Later, in the eighth and ninth centuries AD, Britain was invaded by the Vikings. The Anglo-Saxons mainly lost ground in the East of England, including what is now modern Yorkshire, East Anglia and the East Midlands. Lancashire and the north of England also fell to the Vikings, but there were Anglo-Saxon strongholds in the far north-east of England and between what is now Lancaster and Manchester and the west coast. The resulting line across the country from London to Chester is known as the Danelaw and marked by the modern A5 trunk road, originally the longest section of the Roman road known as Watling Street. This settlement had further effects on accents of English developing around that time, effects which could be seen right up to the Survey of English Dialects (SED) (Orton et al., 1962-71) which was carried out in England in the 1950s and 1960s.

One particularly striking effect is the pattern of production of /r/ sounds. In a modern English reference accent like General British (GB) (Cruttenden, 2014), /r/

sounds are only produced before a vowel sound and do not occur in word-final position or before a consonant. Languages in which /r/ is produced in all positions are known as “rhotic”, whereas GB is a non-rhotic variety of English, as are the majority of English varieties now spoken in England. This seems to have been initiated at the time of the Vikings, but it took a long time – and various socio-economic and political developments – to have a widespread effect. Old Norse was not a rhotic language, but Old English was. If you compare a map of the Danelaw with the SED data showing distribution of speakers whose accents were rhotic or non-rhotic at the time that data was collected, the similarity is truly striking, indicating that there was not much change in the period from the establishment of the Vikings in the tenth century AD to the 1950s. When, in the late 2010s, new data was collected (Leeman et al., 2018), it was demonstrated that very few areas of England remained in which English was a rhotic variety.

Why is this the case, particularly when non-rhotic prestige variety Received Pronunciation (RP), initially called Public School Pronunciation, had been around since at least the turn of the twentieth century (Jones, 2011)?

In part, we can probably attribute the changes taking place from the 1950s onwards to improved and affordable transport networks (higher-speed trains; motorways), the affordability of technologies such as radio and television – many people bought a television set just to see the coronation of Queen Elizabeth II in 1952 – and upward social mobility, all of which would have exposed people more readily to the accents of influential speakers with a prestige accent. In order to fit in with the people whose lifestyle one aspires to and not suffer prejudice based on assumptions about you formed from your accent, it is necessary to adopt an accent which is more like theirs.

In my opinion, accent prejudice has become a real problem in the UK, and particularly in England. Giles's (1970) famous matched guise experiment showed how a single speaker producing the same spoken text in a number of different British accents was judged positively or negatively in a number of personality traits on that accent alone. Urban accents, such as Birmingham, Liverpool and London's Cockney, did particularly badly in terms of judgements of intelligence and intrinsic beauty, while accents associated with rural regions, like Welsh or Yorkshire, were judged to be more pleasant, friendly and trustworthy but not educated or intelligent. The RP accent was judged to be the most intelligent and authoritative, but not friendly.

One might hope that, since the 1970s and the greater exposure British listeners now have to accents from around the country, these judgements and prejudices would have changed. Sadly, they have not. For example, comments on Twitter on a recent series of the reality television programme *Love Island* were extremely

negative about two of the contestants and made particular reference to their Liverpool and Birmingham accents. A recent survey by an online dating service found that customers were more favourably inclined towards RP and Edinburgh accents in their search for a potential life-partner, and that the Liverpool accent was preferred if people were looking for someone with a good sense of humour.

To a great extent, the television and film industries are probably responsible for the continuation of negative stereotypes and prejudices. I have seen numerous movies and programmes in which incompetent henchmen are cast as people with Liverpool accents, for example. But TV and film can also break down barriers by presenting positive images of speakers with accents which had previously been judged negatively. Singer Cheryl Tweedy/Cole, for example, who has a Newcastle-upon-Tyne accent, was taken to the nation's heart as long-suffering footballer's wife and popular judge on the talent show *The X-Factor*; this kind of exposure can improve people's opinions of an entire group of speakers with a particular accent. I note that even the BBC is now using continuity announcers on its flagship channel, BBC One, who have accents from all over the UK. What we really need is more positive role models from a range of backgrounds with a range of speech styles. The single most important criterion, in my opinion, is intelligibility, not accent.

2. UK teachers and accent prejudice

One might think that the best type of role model a child could have is their teacher. However, accent prejudice is apparently rife in the UK state school sector. While you might think that a teacher's accent was less important than their ability to convey complex ideas and support the learning development of our young people, there is evidence to indicate that this is not the case.

A study by Baratta (2018) showed that teachers from the Midlands, the West Country and North of England felt under pressure to change their accents to sound less regional. The guidelines from the British government do not state that teachers cannot have accents which differ from the region in which they are teaching; they are required to promote the correct use of standard English. Trudgill (1999) and Strevens (1985) have noted that standard English does not have a specific accent, so it is possible to promote the correct use of standard English in a range of accents, as long as the teachers are clearly spoken.

In one incident reported in the British press, a teacher from Cumbria in the North of England working in Reading was told by the school to change her accent after an inspection of the school by the Office for Standards in Education (Ofsted). The school set this as a performance indicator for the teacher, the implication being that she could lose her job if she didn't change her accent. This seems highly unreasonable.

One participant in Baratta's (2018) study who had a Bristol accent claimed that he changed the way he spoke to avoid sounding like "a village idiot". As some accents are associated with uneducated people from rural areas who are perceived to be likely to have unskilled jobs, the motivation for doing so was probably as much to protect himself as anything else. As prejudices are learned, any comment from a parent that a particular teacher sounds uneducated is likely to have a negative effect on their child, leading to possible problems with classroom management if the child perceives the teacher to lack authority. Also, as we are driven by league tables in UK education, poor perceptions of teaching quality based on no more than the accent of a particular teacher is likely to affect the league-table standing of the school. It seems ridiculous, but accent really does matter that much in the UK.

There is, however, a reverse side to this coin: a state school teacher with an RP-type accent could be perceived as aloof and distant if the students do not have a similar-sounding accent. A colleague of mine purposefully changes her speech away from RP and adopts some of the accent features of the children she is teaching. By so doing, she believes the students perceive her as part of their speech community, and that this helps to remove any barriers to communication that might impede learning.

3. Your voice can give you away

In 2014, I was called upon by Associated Press and the BBC News Channel to comment on the spoken features of the terrorist known as "Jihadi John" from video footage as, based on his accent, it had been suggested that the jihadist was British. The speaker displayed many of the features of a British accent known widely as Multicultural London English (MLE), described by Cheshire et al. (2011). What I performed was a very basic speaker profile.

MLE is a recently developed accent, thought to have originated in or around the north-east London borough of Hackney. It has influences from Jamaican, South Asian and Greek, among others. It is impossible to say exactly how many speakers there are of this accent, but it is common among younger working-class speakers in the London area, and features of the accent have also been observed in other urban areas of the UK. While the British press seems to think the variety is exclusive to speakers from an Afro-Caribbean background, sometimes calling it "Jafaican" for this reason, this is not the case; it is also spoken extensively by, e.g., white and South Asian speakers wishing to identify with a certain demographic / social group. As this is an urban accent, it suffers to some extent from negative stereotyping; I have noticed it being associated with youth gang culture, for example, which in turn is associated with drug and knife crime.

Pronunciation features include producing vowels in e.g. FACE and PRICE as monophthongs, not dropping /h/ sounds (/h/-dropping is common in London accent

Cockney) and pronouncing voiced dental fricatives in e.g. *the* as a [d]. There are glottal stops, which are less common in Afro-Caribbean or African English accents, and /l/-vocalisation. From a rhythmic perspective, the variety is more syllable-timed than, e.g., RP.

My conclusions about the speaker in the video footage were as follows:

- He is probably a UK or fully bilingual speaker of English rather than a second language learner or someone with an indigenised variety of English (e.g., Nigerian English);
- If he was an immigrant to the UK, this would have happened in childhood;
- He probably grew up in or near inner London;
- It was likely that he was educated in the UK system to degree level, based on his use of English.

It should be noted, however, that we could not actually see him speak in the film. Most of his face including his mouth was covered. It could, therefore, be a voice-over.

When the identity of the speaker was finally revealed, what I had suggested above was correct. Mohammed Emwazi had entered the UK during childhood, accompanying his parents. They settled in north-east London and he attended the University of Westminster.

When I appeared on the BBC News Channel, I was asked about forensic phonetic analysis of this speaker's voice. What we would have needed to be able to do this is a reference sample of a known speaker in order to make comparisons between that and the video. As one of my colleagues pointed out at the time, unless this speaker had spoken into a police microphone, it would be almost impossible to carry out forensic speaker comparison successfully. To this day, I do not know whether this kind of analysis played a part.

4. Men, women, and sexy voices

Something else I got involved with in 2014 was presenting expert evidence on a television programme called *Duck Quacks Don't Echo*. This is a celebrity panel programme in which contestants are presented with an odd or interesting fact – like whether duck quacks echo or not – and have to discuss whether they think the fact is true. If it is true, an expert appears in a short, pre-recorded video explaining the research behind the fact.

The fact I was asked to explain was based on a study by Hughes et al. (2014) which found that men could not manipulate their voices to sound sexy. Hughes and colleagues' study made recordings of twenty men and twenty women counting from one to ten. First, they were asked to count from one to ten in their normal voices.

Then, they were asked to do it again four more times, each time intentionally changing their voices to sound either more dominant, confident, intelligent, or attractive/sexy.

Speakers were given some hints to help them achieve the different attributes. To sound dominant, they were asked to speak in a way that sounded assertive and authoritative. For confidence, they had to make listeners trust them and believe they were capable. In order to sound intelligent, speakers had to imagine they were delivering a presentation at an academic conference. And to sound attractive or sexy, they were asked to sound as if they were speaking to someone they were interested in starting a romantic relationship with.

All of these changes to the way a person speaks will depend on a number of different parameters. Assertive and authoritative voices are likely to be relatively loud in comparison with sexy voices, for example. Changes in pitch pattern may also play a part, with wider pitch range at an academic conference, to indicate how interesting a subject area is and how much the listener should be engaging with it, and more narrow pitch range if someone is trying to sound confident and trustworthy, as this sounds less excited and more calm. Speed may also be a factor, with sexy voices tending to articulate words more slowly than assertive ones. Voice quality also plays a part; a voice can be modal (normal), harsh or breathy, for example.

Twenty male and twenty female listeners were then asked to rate the voices on the four parameters (dominant, confident, intelligent, attractive/sexy). None of the listeners were exclusively homosexual, as the researchers felt this could have affected the ratings for attractiveness.

The results from the listeners showed that all speakers were able to increase the impression of how dominant, confident, and intelligent they were by changing the way they spoke in comparison with their “normal” voices. However, only women were judged to have made their voices sound more attractive or sexy. Men’s “sexy” voices were actually judged to sound less sexy than their “normal” voices, according to the listeners. This was true for listeners from heterosexual same- or opposite-sex backgrounds.

Hughes et al. (2014) interpreted the results from an evolutionary perspective. They pointed out that there has been other research linking how attractive the voice is with face and body attractiveness. As men tend to be more concerned with physical attractiveness when looking for a mate, if your voice sounds sexy, listeners infer from this that you are going to be good-looking and (probably) physically healthy, therefore in a fit state to produce strong healthy offspring. Women, on the other hand, are less interested in physical appearance (from an evolutionary perspective) and more interested in whether a man can “provide” for her and their

children. Hughes and colleagues linked this in particular to whether a man sounded confident, which is linked to a person's ability to earn money, to social standing, and various other success indicators. Hughes et al. (2014) claimed that this is more important to women than how good-looking a man is.

This does not mean a man's voice cannot be perceived as sexy, however; it just means men cannot (or have not learned to) adopt the speech features women use to make their voices sound sexy. When I asked my friends and colleagues which men they knew had a sexy voice, the responses tended to include men with a low average pitch, which is an indicator (however accurate) of physical size, as a naturally deep voice will come from someone with a large larynx and these tend to be large-built people.

Sexy voices aside, women are often criticised for speech features much more harshly than men. Producing English statements with a rise at the end – referred to as “uptalk” (see, e.g., Warren, 2016) – or using a creaky voice quality – often referred to in the media as “vocal fry” – are seen as extremely unattractive features of younger women’s speech, and women who use these features are discriminated against. In fact, uptalk is used by a range of speakers from different genders, sexualities, age ranges and social backgrounds, and vocal fry used to be associated with upper-class male RP speakers, where it was considered to convey gravitas and authority.

These are just two examples of how the way a person speaks can lead to prejudices which are simply unfounded, but they can still have a negative impact on a person’s life. For example, a survey of 700 UK company bosses published in 2014 found that they were prejudiced against uptalk in job interviews because it makes the interviewee sound uncertain, insecure, and emotionally weak. Perhaps the consolation is that, sooner or later, the people conducting the interviews are likely to use uptalk themselves.

5. Considerations for English language teaching in an international context

I have said earlier in this paper that the most important thing, as far as I am concerned, is for speakers to be intelligible; that accent should not matter. This applies to any speaker of English from any background. However, we know that it does matter in Britain at least, and that speakers of English with an identifiable non-prestige accent or “unattractive” speech features may be unfairly discriminated against.

My recommendation to those teaching English in an international context is to do all one can to prevent the (un)intentional spread of these learned prejudices. Expose learners to a variety of English voices – or whatever language students are learning – so they can get used to hearing them and develop strategies for dealing

with varietal and individual differences. The approach should be how fascinating differences are rather than prioritising one variety over another.

This is not easily done, as the majority of materials – for all sorts of reasons – tend to use prestige accents as examples. However, there is a growing body of online resources, including the excellent YouGlish (<https://youghlish.com/>), which aims to give “fast, unbiased answers about how English is spoken by real people and in context”.

In order not to disadvantage our students, however, it is useful to equip them with the tools to listen analytically so they can make their own choices about how to speak in certain situations. For any who do not have access to phonetic training, I recommend the University College London Summer Course in English Phonetics; see <https://www.ucl.ac.uk/pals/summer-course-english-phonetics> for more information.

References

1. Baratta, Alexander. (2018). *Accent and Teacher Identity in Britain: Linguistic Favouritism and Imposed Identities*. Bloomsbury: London.
2. Cheshire, J., Kerswill, P., Fox, S. & Torgersen, E. (2011). Contact, the feature pool and the speech community: The emergence of Multicultural London English. *Journal of Sociolinguistics* 15(2): 151–196.
3. Cruttenden, A. (ed.) 2014. *Gimson's pronunciation of English*, 8th edn. London: Edward Arnold.
4. Giles, H. (1970). Evaluative reactions to accents. *Educational Review* 22(3): 211–27.
5. Hughes, S. M., Mogilski, J. K. & Harrison, M. A. (2014). The perception and parameters of intentional voice manipulation. *Journal of Nonverbal Behavior* 38(1): 107–27.
6. Jones, D. (2011). *Cambridge English pronouncing dictionary*, 4th edn. Edited by P. Roach, J. Setter & J. Esling. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Leemann, A., Kolly, M.-J. & Britain, D. (2018). The English Dialects App: the creation of a crowdsourced dialect corpus. *Ampersand* 5: 1–17. For colour maps, see also <https://www.cam.ac.uk/research/news/cambridge-app-maps>
8. Leemann, A., Setter, J. & Kirkham, S. (2019). Meghan Markle: reports of her “British accent” sound like journalistic licence, say linguistics experts. *The Conversation*, 20th March 2019. Accessed 14/01/2020 at: <https://theconversation.com/meghan-markle-reports-of-her-british-accent-sound-like-journalistic-liscence-say-linguistics-experts-113889>

9. Mat Nayan, N. & Setter, J. (2016) Malay English intonation: the cooperative rise. *English World-Wide* 37(3): 293-322.
10. Orton, Harold et al. (1962–71). *Survey of English Dialects: Basic Materials*. Introduction and 4 vols. (each in 3 parts). Leeds: E. J. Arnold & Son.
11. Setter, J. (2019a). *Your voice speaks volumes: it's not what you say, but how you say it*. Oxford: Oxford University Press.
12. Setter, J. (2019b). Will Brexit spell the end of English as an official EU language? *The Guardian*, 27th December 2019. Accessed 14/01/2020 at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/dec/27/brexit-end-english-official-eu-language-uk-brussels>
13. Setter, J. & Jenkins, J. (2005) State-of-the-art review article. *Language Teaching* 38(1): 1-17.
14. Stojanovik, V., Zimmerer, V., Setter, J., Hudson, K., Poyraz-Bilgin, I. & Saddy, D. (2018) Artificial grammar learning in Williams syndrome and in typical development: the role of rules, familiarity and prosodic cues. *Applied Psycholinguistics* 39(2): 327-353.
15. Strevens, P. (1985). Standards and the standard language. *English Today*, 1(2), 5-7.
16. Trudgill, P. (1999). Standard English: What it isn't. In T. Bex & R. Watts (eds.), *Standard English: the widening debate*. London: Routledge, pp. 129-140.
17. Warren, Paul. (2016). *Uptalk: the phenomenon of rising intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.

E. Jakusne Harnos
National University of Public Service
Budapest, Hungary

CONCEPT ENGINEERING AS A TOOL OF PERSUASION

Abstract: The article examines the asymmetry in communication which results from the creation of EU terminology and related concepts in the power centres, then their dissemination in the member states. Besides, the components of old concepts are re-considered and re-interpreted in political discourse and the IATE2 database references to these obscure sources when offering a new definition. This leads to the elicitation and combination of compressed and complex cognitive frames, parts of which do not fit commonsense knowledge and thinking. Instead of the negotiation of meanings and the conduct of public deliberation, definitions serve as arguments in persuasion. Citizens of the EU are made to follow the pre-determined paths of thinking established by the terminological database. Translation results not only in the harmonisation of legal terms but also of values and ideology. The article uses argumentation analysis to highlight how concepts are shaped on the IATE2 website.

Keywords: political discourse, concept, cognitive frame, practical argument

Э. Якушнэ Харнос
Национальный университет государственной службы
Будапешт, Венгрия

КОНСТРУИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА КАК ИНСТРУМЕНТ УБЕЖДЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается, во-первых, асимметрия в коммуникации в результате формирования терминологии ЕС и соотнесенных с ней понятий в отдельных центрах власти, и, во-вторых, распространение данных терминов и понятий в государствах-членах ЕС. При формулировании новой дефиниции компоненты старых понятий заново пересматриваются и интерпретируются в политическом дискурсе, а также в ссылках IATE2 базы данных на указанные выше неясные источники. Это ведёт к выявлению и комбинации сокращённых и сложных когнитивных рамок, часть которых не совместима с логикой здравого смысла. Вместо обсуждения значений и их общественного осмыслиения, дефиниции служат аргументами убеждения.

Гражданам ЕС предписывается следовать по предопределённому пути мышления, основанному на указанной терминологической базе данных. Перевод терминов может привести не только к гармонизации юридических терминов, но и к гармонизации ценностей и идеологии. В статье использован аргументативный анализ для анализа формирования понятий на сайте IATE2.

Ключевые слова: политический дискурс, понятие, когнитивные рамки, практический аргумент

The language of power

The science of politics comprises decision-making. Consequently, its area of research must include the language of politics, which is the language of decision-making and the language of power, as Harold D. Lasswell says in his Language of Politics [Lasswell 1965:8]. Today's political discourse analysis still relies on Lasswell's perspective. Nowadays the issue is researched under the umbrella term political discourse analysis, the methodology of which includes various approaches from linguistic pragmatics through semiotics to rhetoric. The shared feature of all the angles is the examination of politics-related texts and utterances in their social, historical or intercultural context.

A major trend in political discourse analysis is argumentation analysis rooted in rhetoric, which is often seen as the art of persuasion. Although in modern democracies public debates are essential in political life, and political discourse is often identified with the deliberative mode of rhetorical argumentation [Amossy 2018: 262], arguments are not only of rational type (*logos*). In the controversies which aim at defining the common good, value-based discourse is produced, that is, arguments founded on sentiments and attitudes (*pathos*) as well as on prestige and credibility (*ethos*) are put forward. All the three types may derive from the common knowledge of the discourse community (*doxa*), which may be shared ideology or world view rather than factual knowledge. Ideology is a set of beliefs that establish group identities influencing the social order [Charteris-Black 2018:202], while world view can be described as a set of concepts that is required both to understand the world and to provide the justification for an individual's or a group's actions and behaviours [Ibid.].

Word meanings, or concepts play an essential role in the construction of arguments in practical reasoning. It has been proved that concept formation is a dynamic and creative process; a kind of problem solving [Vygotsky 1986:99]. Thus, as Vygotsky says, 'Thought is not merely expressed in words; it comes into existence through them' [Ibid.: 218]. Consequently, shaping concepts, or, using a linguistic term, shaping meaning is essential for deliberation and persuasion.

Political discourse involves an element of language planning since ideologically loaded terms and concepts need to be replaced or re-designed from time to time. Re-lexicalisation, for example, which is intended to re-shape public attitude towards a phenomenon, involves both an act of language planning and of persuasion (*job seeker* instead of *unemployed*). Also, planting new features in the meaning of a word or phrase by systematically using it in a certain context (for instance, the use of *solidarity* in the context of migration, or exploiting the interplay between the old and new meaning of *sovereign* before the word Europe) may be the result of planned communication strategy. Nevertheless, attributing intention to the sender of a message in verbal communication may be problematic, still, analysing the meaning perhaps generated spontaneously may prove fruitful.

EU political discourse

The European Union political discourse is unique at least for two reasons: first, it lacks a unified public sphere (European Union media) that could be used for disseminating persuasive arguments; second, its linguistic, political and cultural diversity necessitates the creation of standardised concepts whose adoption is obligatory primarily for legal and administrative reasons, but also for establishing ideological cohesion. The elite-driven ‘European project’ continues as a result of the backdoor bargaining among politicians and sectoral interest groups, while citizens lose interest because of the lack of transparency [Pérez 2013:13]. As Pérez remarks, the EU already drafts, approves, enforces legislation [Pérez 2013:1] through the European Commission or the European Court of Justice, or via transposition of its legislation by its member states. The latter requires the translation of key terminology. The definitions of terms can be interpreted as tools of persuasion under argumentation theory.

In this article the website of IATE2, the EU terminology database will be discussed as a centre of language and power, which has been operating online since November 12, 2018, providing standardised definitions and equivalents for EU terms in various languages.

Definition as an argument

In their book entitled Argumentation Schemes [2008], Walton et al. analyse the types and structures of arguments used in everyday discourse.

One argumentation scheme that may work as a tool of persuasion is Argument from classification because the classification may derive from a semantic aspect of the words used to describe a thing or event. A well-known example is the controversy over the definition of *migrant* and *refugee* because their use automatically leads to a conclusion about the legal action to be taken. Walton et al. remark that this categorization depends on the speaker’s choice, but may also be

backed by common or shared knowledge in a community [2008: 67]. The presupposition that everyone accepts a certain viewpoint is part of the persuasive technique – the shared background may be just pretended and the viewpoint of the speaker may be forced onto the listener.

As Walton et al. conclude: ‘...a classification of a term based on a definition always implies the exclusion of relevant opposed perspectives. Definitions, especially of ethical terms, are rarely, if ever, argumentatively neutral. Defining almost always means advancing an opinion about a situation, often one that is not explicitly formulated’ [Ibid.: 67].

Earlier it was mentioned that linguistic diversity requires the translation of terms. An attempt to unify and coordinate the definition and use of key terms, especially in administration is the Interactive Terminology for Europe website, IATE2. Its database is worth examining because it is widely accepted as reliable.

Definitions of *migrant* and *refugee* on IATE2

Each entry on the website includes the following headings: reference, definition, language level note and context. The entries also anchor the term with topics, that is, areas of language use. This equals placing the term in a cognitive frame; orienting the reader towards a pre-determined context conveys an element of persuasion because it denies the reader a choice.

The word *migrant* has 38 results. In our case, the anchors are: LAW and SOCIAL QUESTIONS. As to phrases that include ‘migrant’, the following anchors are suggested: SOCIAL QUESTIONS (EMPLOYMENT AND WORKING CONDITIONS), INTERNATIONAL RELATIONS, ENVIRONMENT.

Checking the reference to source context, one gets puzzled whether the IOM and a Guardian article have equal weight in hammering out the concept of migrant that should be used as a standardised technical term in EU documents and communication.

Next is the definition: ’person who moves to another country or region to better their material or social conditions and improve prospects for themselves or their family’. The language level note says: ‘At the international level, no universally accepted definition for 'migrant' exists. The term was usually understood to cover all cases where the decision to migrate was taken freely by the individual concerned for reasons of 'personal convenience' and without intervention of an external compelling factor.’

Result 9, however, displays *climate refugee*, and below it, *climate migrant*. The definition of both is identical: ‘person displaced by climatically induced environmental disasters’. The scores also include *environmental refugee*, *environmental migrant* and *eco-refugee*, all with the same definitions: ‘People who left their homes following natural and manmade disasters’.

The word *refugee* results in 55 scores. It is noticeable that they are all anchored with SOCIAL QUESTIONS, INTERNATIONAL RELATIONS and LAW. For the first score, the definition is: ‘someone who is unable or unwilling to return to their country of origin owing to a well-founded fear of being persecuted for reasons of race, religion, nationality, membership of a particular social group, or political opinion’. Nevertheless, the sections on *environmental refugee*, *environmental migrant* and *eco-refugee* appear here, too.

The control over the users’ interpretation of word meanings and over the relation of concepts in pre-determined domains reflects the persuasive nature of definitions which impact the location of concepts and clusters of concepts in specific frames. The merging of the concept of migrant and refugee by using an adjective, which is not supposed to affect the core meaning of either word [Langacker 2008:323] at present, but may lead to the creation of a new multi-word term, illustrates how a terminology home page operates as a linguistic power centre. The pair of concepts discussed above is not unique: a number of similar cross-references and merges can be found in the database, for instance, *resettlement* and *relocation*. The engineering of concepts is most obvious in the translation of legal texts which leads to a dissemination and transposition of numerous concepts that are not rooted in all the EU member countries [Biel 2014:49-85].

Conclusion

The terminological definitions on IATE2 aim at standardising legal terminology and providing a common ideological background. On one hand, member states are obliged to use the standardised terms, i.e. concepts; on the other hand, the definitions promote a global, liberal ideology by representing the world view and the viewpoint of the major stakeholders. For example, migration is merged with refugee status and with environmental disasters in order to conceal the interests and goals of stakeholders before the public. In the lack of a common European Union language and media, terminological standardisation attempts to create a common way of thinking.

Bibliography

1. Amossy R. Understanding political issues through argumentation analysis. In: Wodak R.– Frochtner B. eds. The Routledge Handbook of Language and Politics. –London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2018. – PP. 262–275.
2. Biel L. The Hybridity of EU Discourse. In: Lost in the Eurofog: The Textual Fit of Translated Law. – Peter Lang GmbH, 2014. – 347 p.

3. *Charteris-Black J.* Competition metaphors and ideology. Life as a race. In: Wodak R. Frochtner B. eds. *The Routledge Handbook of Language and Politics*. –London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2018. – PP. 202–217.
4. *Interactive Terminology for Europe* [Electronic source] //URL: <https://iate.europa.eu/> (date of reference: 12.01.2020).
5. *Langacker R.W.* Cognitive Grammar. A Basic Introduction. – Oxford/New York: Oxford University Press, 2008. – 562 p.
6. *Lasswell H.D., Leites N.* Language of Politics. – Cambridge. Mass.: The M.I.T. Press, 1965. – 398 p.
7. *Pérez F.S.* Political Communication in Europe. The Cultural and Structural Limits of the European Public Sphere. – Palgrave Macmillan, 2013. – 291 p.
8. *Vygotsky L.* Thought and Language. – Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 1986. – 287 p.
9. *Walton D., Reed C., Macagno F.* Argumentation Schemes. – Cambridge/New York: Cambridge University Press, 2008. – 443 p.
10. *Wodak R., Frochtner B. eds.* *The Routledge Handbook of Language and Politics*. – London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2018. – 716 p.

И.С. Алексеева
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

НОВОЕ В МЕТОДИКЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Аннотация. В статье описывается современная ситуация в переводе и обосновывается выбор сценарного подхода как одного из наиболее эффективных компонентов дидактической модели подготовки переводчика. При сценарном подходе к обучению профессии, когда во главу угла ставится сценарий профессиональной деятельности, во время обучения максимально концентрированно воспроизводится атмосфера реальной работы.

Ключевые слова: сценарный подход, интерактивная дидактическая модель, учебные конференции, переводческие проекты.

*Irina S. Alexeeva
Hertzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russia*

NEW TRENDS IN INTERPRETER TRAINING

Abstract. The article describes a modern situation of profession and explains the choice of the scenario approach as one of the most effective tools for training future interpreters and translators. According to it, the possible professional scenarios are placed at the heart of training, and the interpretation class emulates the real working environment.

Key-words: scenario approach, interactive didactic model, mock-conferences, translation projects.

Вступление

Перевод как профессия претерпевает в последние годы большие перемены. Меняются и расширяются его задачи, меняются и критерии качества. Это заставляет некоторых исследователей говорить даже о гибели перевода [См., например: Newsland 2020]. Вместе с тем возрастание важности межкультурной и межязыковой коммуникации в глобализирующемся мире свидетельствует скорее об обратном: функции перевода разрастаются, разнообразие задач увеличивается, реагировать на перемены необходимо

быстро. Вывод из этого простой: будущих переводчиков надо учить новому и, что еще более очевидно: необходимо учить их по-новому.

Новый облик перевода

Еще недавно, в непрозрачном обществе, до появления Интернета, перевод (например, устный) представлял собой фактически межъязыковую коммуникацию со случайным контролем качества без свидетелей. Предположительно так переводили в Древнем Египте, да и в России в советское время перевод, скажем, первых лиц, мог быть именно таким. Сегодня же перевод стал культурным посредничеством в открытом информационном пространстве.

Отметим основные направления этих перемен.

1) Новые условия работы.

Современный переводчик работает сегодня в открытом и доступном информационном пространстве. Объем и структурированность информации напоминает море без берегов – но это открытое море, информация открыта для всех людей.

Чем ценно открытое информационное пространство? Прежде всего, тем, что информацию всякий может проверить, она находится как бы под общественным контролем. В таких условиях манипуляции затруднительны, обман быстро обнаруживается. Сегодня резко увеличивается объем общедоступной информации; растет скорость ее передачи, а расстояния перестают играть роль. Но все же главное в современном состоянии информационного пространства – это доступность информации для всех людей. Грамотная и быстрая обработка информации становятся в этих условиях первостепенно важной для переводчика.

2) Новые отношения: человек / текст.

Новая открытая информационная среда, обеспеченная все растущим количеством гаджетов, облегчающих доступ к ней, привела к массовому порождению устных и письменных текстов в повседневной жизни: люди постоянно пишут электронные письма, эсэмэски, сообщения в вотсапе, говорят по телефону и т.п. Эти новые условия демократизированного, неподконтрольного текстопорождения, где полнота соблюдения литературной нормы не представляется возможной, а текст в таких свободных условиях сохраняет свой оформленный характер в первую очередь благодаря конвенциям, привели к ситуации, когда некая доля ошибок в сочетаемости, стилевом регистре и даже грамматике оказывается допустимой. И это вовсе не грамотность людей снижается, а значимость строгого соблюдения нормы

падает, отходит на второй план. Исходный текст сегодня не обязан быть идеальным. Прежде всего, это касается его письменной ипостаси.

Но и устная речевая подача текста тоже допускает сегодня значительно большее разнообразие даже в официальной публичной сфере: задействована может быть практически вся палитра стилевых регистров, социолектов, территориальных языковых вариантов; при этом и техника устного перевода способна справиться с передачей всего этого многообразия, и запросы людей зачастую направлены на полноценную передачу переводчиком всех нюансов.

Однако запрос на качество перевода также сильно дифференцировался, и, обладая достаточной техникой для передачи обозначенных выше особенностей, переводчик, в зависимости от коммуникативной ситуации и ее задач, сам устанавливает критерии качества. Такую гибкость критериев качества мы обнаружим, если сравним перевод беседы с подследственным в тюрьме, где допустима обобщенность – и перевод любых показаний в суде во время заседания, где необходим точный, почти буквальный перевод.

3) Новые функции перевода.

В наши дни особенно отчетливо проявляется та часть коммуникативной миссии перевода, которая сформировалась в течение веков в ходе контактов между большими и малыми по количеству носителей языками: когда какой-либо из коренных языков мира находится в опасности и близок к исчезновению, сохранить его языковое богатство можно посредством перевода текстов на этом коренном языке на язык более крупный. Перевод как метод сохранения коренных языков малочисленных народов актуален сегодня в России, где языки таких народов как манси, вепсы, нганасаны – находятся на грани исчезновения.

4) Высокие технологии заменяют человека.

Речь идет о компьютерном переводе, который по мере прогресса в разработке искусственного интеллекта становится все более качественным, и сегодня более половины заказов на письменный перевод в России выполняется машинным способом, о чем поведал в своем исследовании в минувшем году известный аналитик переводческого рынка Константин Дранч [Дранч 2019]. Действительно, машинный перевод отвоевывает все новые позиции у «белкового» переводчика, однако мы склонны смотреть на этот процесс как на естественный, и безо всякого пессимизма. Потому что по сути дела машины не отнимают у нас работу, а облегчают нам жизнь: они освобождают наше время для человеческой составляющей, которую обеспечить не могут и которая нужна в сложнейших видах перевода, с которыми искусственный интеллект никогда не справится, поскольку они требуют

повышенной креативности: это синхронный перевод на высшем дипломатическом уровне; художественный перевод; аудио-визуальный перевод. Во всех этих случаях нужен не просто переводчик, а лингвист-виртуоз.

5) Изменение соотношения видов вербального перевода.

Если мы составим список современных видов перевода, то обнаружится следующая картина: лишь три из них – устный последовательный, синхронный и письменный – можно читать чистыми видами; вместе с тем количество «смешанных» видов – либо с креолизованной семиотичностью (перевод на жестовый язык), либо устно-письменных (аудио-визуальный), либо сочетающих перевод и авторское творчество (транскреация), – неуклонно растет.

Принципы обновления методики подготовки переводчиков

Новый облик перевода побуждает разрабатывать новые стратегии и приемы обучения, а при использовании прежних методик по-новому расставлять акценты. Это отмечают сегодня и российские [Бродский 2012: 196-222; Бродский 2019], и зарубежные [Gile 2019] специалисты по подготовке переводчиков. На основании описанного выше выделим 5 основополагающих принципов разработки нового

- Плюрализм методик – заключается в использовании для достижения целей методик, построенных на разных основах и разном практическом опыте;
- Владение ситуациями перевода – предполагает практическое освоение всего арсенала сценариев переводческой деятельности;
- Интерактивность преподавания – в процесс обучения вносят активный вклад обе стороны, пассивных участников нет;
- Гибкие критерии качества – умение выбирать критерии качества в зависимости от конкретного профессионального сценария;
- Полноценная реализация человеческого начала, или антропоцентризм современного перевода – умение ставить человеческие ценности и интересы на первое место при выполнении профессиональных обязанностей.

Сценарный подход

Наиболее полно указанные принципы воплощаются в понятии сценарного подхода в обучении. Дидактическая суть сценарного подхода заключается в последовательном освоении переводческих профессиональных сценариев. Каждый профессиональный сценарий – это объемное видение комплекса профессиональных задач, включающее 1) ретроспекцию (ошибки, традиции, стандарты, конвенции = прошлое); 2) точку воплощения (действия, приемы, чувства, этические нормы = настоящее); 3) проспекцию (намерения, планы, стратегии = будущее).

Существуют два пути освоения профессионального сценария: А) попадание в естественный профессиональный поток работы; Б) помещение обучающегося в смоделированную профессиональную среду. Наиболее эффективные методики и практические советы в нашей сфере формулируются теми, кто испытал на себе оба пути, и многократно осмыслил сценарность; так, ее можно найти во всех статьях сборника И.В. Зубановой [Зубанова 2019]

Примером может послужить построение обучения переводу в Санкт-Петербургской высшей школе перевода, где на основном этапе освоения программы проходит 8-9 учебных конференций по устному последовательному и синхронному переводу в неделю. К этим двуязычным и трехязычным конференциям добавляется раз в месяц многоязычная конференция. Все они имитируют реальные международные конференции на актуальные темы культурного сотрудничества, экономики и политики.

Эти учебные мероприятия полностью отвечают принципу интерактивности, поскольку и студенты, и преподаватели в них в равной мере задействованы, и обе стороны вносят и получают много ценного. Так, студенты готовят: 1) программу конференции; 2) речи на иностранном языке на устной основе; 3) вопросы для дискуссии; 4) речи на иностранном языке по готовой презентации («Детский форум»); 5) график дежурства бригадиров. В свою очередь, преподаватели готовят: 1) программу конференции со сменой ролей (А. для преподавателей; Б. для студентов); 2) оценочный лист; 3) «простыню» (перечень актуальных тем конференций на данный семестр); 4) «разбор полетов» [Yakovlev 2012].

Чрезвычайно эффективно также использование сценарного подхода при подготовке письменных переводчиков: например, в форме учебного письменного проекта. В этом случае группа студентов составляет трудовой коллектив и выполняет сообща реальную общественно значимую работу.

Такой учебный сценарий содержит следующие этапы:

- 1) Формирование рабочего коллектива исполнителей (под контролем преподавателя).
- 2) Распределение ролей-должностей: руководитель проекта, терминолог, редакторы; в роли переводчиков по правилам игры выступают все.
- 3) Организационное совещание, где утверждается заранее разработанный студентами план выполнения проекта и сроки всех этапов (в присутствии преподавателя).
- 4) Поэтапное выполнение работы.
- 5) Сверка текста (с участием преподавателя и его выборочной правкой).

- 6) Итоговое рабочее совещание.
- 7) Сдача работы.
- 8) Индивидуальная работа переводчиков с издательским редактором.

В качестве успешных примеров таких проектов можно назвать переводческий проект, выполненный ВШП по договору с Эрмитажем (издательство «Арка»): художественное издание: «К. Эртц. Ян Брейгель Младший. Две неизвестные картины позднего периода творчества художника» [Эртц 2015], в осуществлении которого принимали участие 12 студентов из России и Казахстана; а также множество проектов 2016-2019 гг., в которых переводились документы исторических музеев России.

Примечательно то, что при реализации учебного сценария переводческого проекта преподаватель включается в работу эпизодически, и речь идет об экспертном выборочном контроле.

Особую ценность представляет освоение самостоятельного временного графика переводческого труда, а также обеспечение уровня качества без сплошного контроля преподавателя.

Заключение

Подводя итоги краткого обзора современной ситуации в переводе, новых задач профессии и тех методик, которые могут соответствовать нашему времени, мы, разумеется, охватили далеко не все. За рамками описания остались новые приемы проведения контрольных мероприятий при обучении переводчиков, особые пути оформления и сопровождения текстов при обучении переводчиков, работающих с коренными языками РФ и многое другое.

Продолжая разговор о сценарном подходе, отметим, что сценарная методика может быть использована (да, наверное, и используется) для освоения других профессий. В любом случае главное, что она обеспечивает – это формирование ответственности за свой труд.

Литература

1. *Бродский, М. Ю.* Устный перевод : учебник для вузов / М. Ю. Бродский. 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 159с.
2. *Бродский, М.Ю.* Устный перевод: история и современность: учебное пособие / М.Ю. Бродский. – Екатеринбург: АМБ, 2012. – 265 с.
3. *Дранч, Константин.* Проект “TRANSLATIONRATING.RU” // URL: <https://translationrating.ru/results2019russia/?fbclid=IwAR237CbkrxST0hFyjTtzdPGuTAK8UpSlqS35JEQfgGTjuv5BmralRuVckJw> (дата обращения: 22.02.2020).
4. *Зубанова И.В.* Точка сборки. Статьи об устном переводе. – Москва: «Р.Валент», 2019. – 207 с.
5. *Погодин Б.П.* Конференц-перевод в международных организациях. Рабочие форматы и сценарии. Документация. Лексика. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. – 2015. – 173 с.
6. *Эртиц К.* Ян Брейгель Младший. Две неизвестные картины позднего периода творчества художника». – СПб: «Арка», 2015. – 64 с.
7. *Gile D.* Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. / Revised edition (Benjamins Translation Library) 2nd Edition. – 2009. – 283 р.
8. *Newsland* [сайт]: «Профессия переводчика умирает. Она уже умерла» // URL: <http://newsland.com/community/4765/content/professiya-perevoduchika-umiraet-on-a-uzhe-umerla/6051232> (дата обращения: 22.02.2020)
9. *Yakovlev S.* Mock Conferences: Helping Interpretation Students to Gain Practical Experience during Their Training Course// Training the Next Generation of Professionals: The St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation. Volume 2. – St. Petersburg: Herzen University Press, 2012. – pp. 73-78.

В.И. Карасик

*Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина, Москва, Россия*

ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ СКРИПТОВ

Аннотация. Статья посвящена характеристике лингвокультурных эмблем, трактуемых как указания посредством образа на ту или иную ситуацию, направленных на выработку немедленной реакции на определенный стимул, не требующих развернутой интерпретации, и соответствующих канонам массового сознания и массовой культуры.

Ключевые слова: знак, эмблема, имидж, концепт, скрипт.

*Vladimir I. Karasik
Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia*

EMBLEMATIC PROPERTIES OF LINGUISTIC CULTURAL SCRIPTS

Abstract. The paper deals with linguistic cultural emblems treated as imaginative indications of certain situations. Such entities are oriented to immediate reaction to stimuli, do not require explicit interpretation and correspond to mass consciousness and popular culture canons.

Keywords: sign, emblem, image, concept, script.

В данной работе рассматриваются эмblemатические характеристики общения применительно к лингвокультурным скриптом – типичным алгоритмам поведения в стандартных коммуникативных ситуациях, моделируемых в качестве узнаваемых сценариев.

Эмблема представляет собой изображение, у которого есть точное однозначное объяснение. Е.Г. Григорьева трактует эмблему (эмблематичность) как принцип семиотического дублирования мира в различных кодах – в образной и понятийно-аналитической формах [Григорьева 1997: 425]. Соотношение символа и эмблемы объясняется Ю.М. Лотманом следующим образом: «эмблема подразумевает перевод с одного языка (например, словесного) на другой (например, графический). ... Когда, например, создается эмблематический знак, имеющий некий утвержденный за ним

смысл, а сам этот эмблематический знак включает в себя словесную надпись – текст какого-нибудь лозунга, то вся эта триада означает одно и то же и взаимопереводима. Необходимость нескольких выражений одного и того же содержания диктуется педагогическими или агитационными соображениями, но неизменно подразумевает однозначность смысла. ... Отношение символа к его значению всегда имеет не полностью предсказуемый, лишь частично конвенциональный художественный или мистический характер. ... Символ со своим значением находится в отношениях принципиальной неоднозначности и неполной предсказуемости» [Лотман 1997: 417].

Обычное общение насыщено эмблемами. Можно выделить следующие функции эмблемы: идентификация, информационное дублирование, упрощение содержания.

Идентифицирующая функция эмблемы состоит в том, что соответствующий образ является знаком принадлежности того или иного индивидуума к определенной группе. Такая идентификация проявляется в предметах, которыми пользуется индивидуум, в способах его самопрезентации и стиле жизни.

Несмотря на широкое использование в общении эмблема еще не получила должного освещения в лингвосемиотике. Эмблематика общения – это система однозначно опознаваемых коммуникантами сигналов. Общение представляет собой многомерный феномен, модель которого может быть представлена как партитурное образование. В общении можно выделить максимально однозначные и максимально неоднозначные сигналы, а также явления промежуточного порядка. Соотношение между однозначно и неоднозначно воспринимаемой информацией дает возможность выделить особый план анализа дискурса – герменевтику дискурса. В каждой конкретной ситуации общения это соотношение бывает специфичным в зависимости от обстоятельств, участников, тематики и общих культурных прескрипций, определяющих поведение коммуникантов.

Эмблема узнается, а символ требует разгадки. В этом плане отсутствие необходимых знаний превращает эмблемы в символы для неподготовленного коммуниканта. Например, те, кому неизвестна семиотика воинских различий в российской армии, будут воспринимать широкие красные лампасы на брюках как украшение либо принадлежность к какому-то роду войск, в то время как другие сразу же поймут, что перед ними генерал. Возможно и обратное интерпретативное движение, когда сложный символ воспринимается в качестве простой эмблемы, например, крест или полумесяц воспринимаются как опознавательные знаки христианства или мусульманства, а не как символы соответствующих вероучений.

Определяя конститутивные признаки имиджа, Г.Г. Почепцов говорит, о том, что это – знаковый заменитель, отражающий основные черты объекта [Почепцов 2000: 12]. Собственно говоря, знак есть заменитель, содержанием которого является указание на некий референт, а способ указания так или иначе отражает одно из качеств объекта. В цитируемом определении понятия «имидж» для нас важно то, что имидж обозначает именно основные черты объекта, а не случайные. Я бы сформулировал этот тезис более резко: имидж есть образ, сведенный к одной значимой характеристики. При построении имиджа мы неизбежно упрощаем воспринимаемую информацию, стилизую, упрощая или преувеличивая ее. Иначе говоря, построение имиджа реализуется как стилизация (подведение образа под некий канон, встраивание в некую систему), упрощение (выделение единственного признака) и преувеличение (установление иерархии, эмфаза соответствующего признака для адресата).

Имидж соотносится со стереотипом, но функции этих феноменов, как отмечает Г.П. Мельник, различны: имидж создается и строится специально, «наделяет объект дополнительными характеристиками с целью выделения его из ряда других, похожих», в то время как «стереотип обозначает образ, хотя и упрощенный, но все же отражающий свойства и характеристики, хотя бы отчасти присущие явлению, хотя бы изображенные с искажением» [Мельник 2001: 34]. В этой смысловой оппозиции прослеживаются важные признаки имиджа – его искусственность, придуманность, с одной стороны, и отличительность, четкая опознаваемость, с другой стороны. Имидж эмблематичен по своей природе.

Предметная эмблематичность находит выражение в товарных знаках, брендах, логотипах. Товарный знак представляет собой словесное, изобразительное или комбинированное обозначение товара – продукта труда, имеющего стоимость и предназначенного для потребления, обмена или продажи. Применительно к товарному знаку эмблема – это его изобразительный компонент, а логотип – его словесное графическое обозначение. Бренд (или брэнд, англ. brand) – это торговая марка в комбинации с эмоционально-оценочными стереотипами в отношении того или иного товара. В лингвокультурном отношении, когда мы отвлекаемся от юридических и экономических характеристик эмблемы, на первый план выступает ее указательная сущность.

Эмблема является индексом социального статуса человека. Например, марка автомобиля свидетельствует о том, к какой социальной группе относит себя ее владелец: человек, претендующий на принадлежность к социальной элите в обществе потребления должен иметь дорогой престижный автомобиль. Это относится к любым предметам, выполняющим знаковую функцию – одежде, продуктам питания, предметам обихода, различным техническим

устройствам и т.д. Соответствующая эмблематичность характеризует не только уровень благосостояния человека (реальный и конструируемый), но и принадлежность этого человека к любой группе (возрастной, профессиональной, конфессиональной и др.). Эмблематика социального статуса обнаруживает важнейшую знаковую характеристику – знаки должны привлекать внимание, быть достаточными и минимальными: требуется лишь один признак для подчеркивания идентичности его носителя (знаки отличия на униформе, единый галстук для выпускников определенной элитной школы, особое произношение одного или нескольких звуков, вплоть до специфической назализации) [Карасик 1992].

Эмблематичность может быть явной и скрытой, одни изобразительные знаки сориентированы на открытое сообщество адресатов (стилизованное изображение градусника над аптекой), другие эмблемы понятны только представителям определенного замкнутого социума (татуировки у заключенных, обозначающие тип преступления, срок пребывания в местах заключения и др.). Эмблематичны жесты: помахивание поднятой ладонью, обращенной к партнеру, есть знак узнавания и приветствия, рукопожатие – знак демонстрации уважения. Эмблематичным может быть и значимое отсутствие знака, например, демонстративное отсутствие рукопожатий в период пандемии.

Изобразительный знак должен быть известен адресату. Именно поэтому, например, некоторые жесты допускают неоднозначную трактовку: русский жест, обозначающий сытость (горизонтальное проведение ладонью вдоль горла), в некоторых восточных культурах воспринимается как отсечение головы.

Особенно значимой является эмблематичность власти – абсолютной, институциональной и сакральной [Астафурова, Олянич 2008]. Знаковые характеристики власти проявляются в статусных признаках поведения участников общения, например, в европейских государствах король имел право сидеть или носить шляпу, а все другие мужчины в его присутствии должны были стоять и снимать головные уборы.

Эмблематичность как способ самопрезентации представляет собой построение имиджа. Широкая искренняя улыбка – непременный атрибут американского политика или кинозвезды, демонстративное отсутствие галстука в официальной ситуации – знак принадлежности к родной индейской культуре у некоторых президентов латиноамериканских государств, нечеткое проговаривание фраз, обилие жаргонных выражений и активная мимика – индексы подросткового коммуникативного поведения.

Когда мы говорим об эмблематичности как стиле жизни, то здесь имеется в виду демонстративное сведение многообразия ситуаций и

отношений к ограниченному набору эмблем. Показательны получившие широкое распространение в современной культуре смайлики – эмблемы эмоций. Эти знаки возникли в компьютерной переписке как дополнительные маркеры графемики: участники такого общения нуждались в знаках-интенсификаторах эмоций. Несмотря на то, что эмотикон смайликов включает множество знаков, в обиходе фигурируют два базовых смайлика – для обозначения радости и огорчения: 😊 и 😞. Кстати, обратим внимание на то, что в современных неофициальных объявлениях часто встречаются форсированные восклицания: После звонка в аудиторию не входить!!!

Эмблематичность – использование упрощенных образов для дублирования или замены словесно выраженной информации – сочетается, как можно видеть, с интенсивным проявлением эмоций. И напротив, усложнение информации, ее тонкая дифференциация сопряжены с качественным изменением эмоций, снижением их интенсивности и увеличением их вариативности. Возрастание роли эмблем в современной культуре объясняется разными причинами, среди которых можно выделить следующие: демократизация всей повседневной жизни и сопутствующее ей давление массовой культуры, увеличение скорости жизни, информационный взрыв, компьютеризация учебы, работы и досуга, визуализация информации, превращение электронных масс-медиа в коллективного агента институционального дискурса, глобализация культуры.

Резюмирую. Эмблема представляет собой указание посредством образа на ту или иную ситуацию, направлена на выработку немедленной реакции на определенный стимул, не требует развернутой интерпретации, в максимальной мере соответствует канонам массового сознания и массовой культуры.

Литература

1. Григорьева Е.Г. Эмблема: принцип и явление (теоретический и исторический аспекты) // Лотмановский сборник. Т.2. Сост. Е.В.Пермяков. – М.: Изд-во РГГУ, 1997. – С. 424-448.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкоznания РАН, 1992. – 330 с.
3. Лотман Ю.М. Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник. Т.2. Сост. Е.В. Пермяков. – М.: Изд-во РГГУ, 1997. – С. 416-423.
4. Мельник Г.П. Психологические эффекты СМИ // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. – Самара: Бахрах-М, 2001. – С. 3-42.
5. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 2000. – 768 с.

*А.А. Беликова
МГУ
Москва, Россия*

РУССКИЙ И ВОСТОЧНЫЙ ЯЗЫКИ: КАК ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР МОЖЕТ ПОМОЧЬ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ?

Аннотация. Русская лексика представляет собой уникальный сплав, сформировавшийся в результате влияния разных культур. Особое место в современной лингвистической картине мира и нашей страны занимают ориентализмы – восточные заимствования. Изучение их происхождения и исторических трансформаций становится важным подспорьем в изучении языка, расширяя лингвистические горизонты слушателей, а также помогая им лучше понимать особенности менталитета изучаемой страны. Первоначально автор вместе с коллегами обратилась к теме ориентализмов при обучении студентов, изучающих восточные языки. Позже подобная практика положительно зарекомендовала себя также и в обучении иностранцев, осваивающих русский язык.

Такие курсы могут также использоваться при изучении культуры и религии в качестве ответа на рост социальной тревожности и различных типов фобий, давая значение слова через его этимологию в первую очередь.

Анализ этимологии, морфологии, заимствований помогают обучающимся легче осваивать новую лексику, выстраивая аналогии с родной речью. Обращение к практическим примерам демонстрирует, как ориентализмы обогатили русскую лексику и стали ее неотъемлемой частью, пройдя порой непростой путь фонетической или семантической трансформации. Особый интерес для студентов представляют параллели с их собственными культурами. У студентов из Европы и арабских стран, например, часто вызывает удивление то, что слова «казна» и «магазин» происходят от одного арабского корня, который пройдя «европейским» и «восточным» путями, преобразовался в уже привычные русские слова.

Ключевые слова: ориентализмы, обучение восточным языкам, преподавание русского языка, межкультурное влияние

Anna A. Belikova
Moscow State University
Moscow, Russia

RUSSIAN AND ORIENTAL LANGUAGES: HOW THE INTERCULTURAL INFLUENCE CAN BE USED IN THE PROCESS OF LANGUAGE TEACHING?

Abstract. Russian vocabulary is a unique fusion formed as a result of the different cultures influence. Orientalisms (borrowed words from the Eastern languages) occupy a special place in the formation of the modern linguistic picture of the world and Russia. Studying their origin and historical transformation becomes an important part in language learning, expanding the linguistic horizons of listeners. It also helps to understand better some mentality peculiarities of the studied country. Initially, the author, together with her colleagues, addressed the topic of orientalisms while teaching students, who study oriental languages. Later, this practice has proved to be useful for teaching foreigners, who learn Russian as well.

Such courses might be also used for the cultural and religion studies as a reaction to the growth of social anxiety and different types of phobias, because in such case the meaning of the word is given through its etymology first of all.

Analysis of etymology and morphology of borrowings helps students to learn new vocabulary more easily, building analogies with their native speech. The practical examples demonstrate how orientalisms have enriched the Russian lexicon and have become an integral part of it by passing a complicated path of phonetic or semantic transformation.

Students were particularly interested in parallelism with their own cultures. For example, students from Europe and Arab countries are often surprised, that both Russian words "kazna" and "magazin" come from an Arabic root, which evolved through the "European" and "Eastern" paths into two well-known Russian words.

Key words: orientalisms, teaching Russian language, teaching oriental languages, intercultural influence

Currently, there is a large number of studies and approaches that focus on the idea of intercultural exchange as the basis for teaching a language.

John Corbett (University of Glasgow) in his article "An Intercultural Approach to English Language Teaching" [Corbett 2003] says, that "Adopting an intercultural approach to second language education aims not to achieve a "native speaker competence" but instead an "intercultural (business) communicative competence". As a result, he concludes: "If we can accept a mode in which equal

classroom time would be distributed to language and culture rather than a "language-centered" mode, then the intercultural component taught should be assessed as an integral part of the assessments that examine learners' capability of communication".

In his "Intercultural Language Activities" [Corbett 2010] book Corbett propose to focus more on the Intercultural Language Activities, which offers practical teaching ideas for encouraging learners to reflect on their own language and culture, as well as that of others.

The cross-cultural aspect of the language teaching is an important element for achieving specific goals, such as: introduction to the world culture values, overcoming the cultural shock, overcoming the "shock of untranslatability", removing the "language barrier", the developing of the native language competence, the didactic function- "learning through opening new horizons", facilitating the process of the new vocabulary acquiring. Russian researcher Elena Bystrai writes about borrowings role in this process: "An important role in preparing teachers of a foreign language for intercultural communication and teaching their students this is played by background knowledge, one of the significant components of which are borrowings, their etymology, and the associated linguistic phenomenon of linguistic asymmetry, or paronymy" [Bystray 2006].

In collaboration with colleagues from the Languages School of Berlin Free University we have proposed an "Introduction course for the Arabic language learning", where we pay a special attention to the "intercultural crossing roads" and especially to the borrowings, which circulate between several cultures and even come back sometimes.

As an example can be used the "double borrowing" of the Arabic word "tariff", which was initially borrowed into European languages and from them came back into Arabic with a slightly different semantic shift.

Semantic changes were also shown in the course "Oriental patterns of the Russian language " created in collaboration with the Pushkin State Russian Language Institute. It initially targeted Russian native speakers as a main group. Numerous examples of the course were aimed at demonstrating how orientalisms enriched the Russian vocabulary and became an integral part of it, passing through a difficult path of phonetic or semantic transformation. The main goal of this work was to expand the linguistic horizons of the listener by analyzing the etymology of Eastern borrowings that came into the Russian speech at different stages of history. Later it was discovered, that Russian language orientalisms have also found the practical implementation in the process of working with foreigners, who study Russian.

Some chapters of the above mentioned courses might be also used for the cultural and religion studies as a reaction to the growth of social anxiety and different

types of phobias, since they give the meaning of the word through its etymology. As, for example, the word "jihad". Some time ago, Russian and world society became concerned about this concept, since it became mistakenly associated with "murder" only. But if we address to the origin of this word (and it comes from the Arabic root "jahada", which meaning "to try", "to make efforts"), then there is a basis for deeper insight into the essence of this concept, which is quite clearly revealed through an appeal to the Koran. Muslim theologians distinguish two types of Jihad – big and small, with the first being defined as "zeal in the way of Allah", internal struggle, spiritual growth, and the second means no more than "defense against attack or protection of one's family".

As noted by Marina Garaeva from the Rostov University: "In our opinion, the emphasis in the intercultural communication training needs to be done to the formation of such internal intention of the students, which would allow to realize their belonging not so much to a society but to a single world community ... belonging to the world cultural heritage and taking responsibility for the further development of mankind in the XXI century" [Garaeva 2006].

As a conclusion, we can say, that studying the origin of Oriental borrowing becomes an important aid in language learning, expanding the linguistic horizons of students, as well as helping them better understand the mentality of the studied region and their own culture as well.

Bibliography

1. *Corbett, J.* An Intercultural Approach to English Language Teaching. New York Multilingual Matters LTD, 2003.
2. *Corbett, J.* Intercultural Language Activities. Cambridge University Press, 2010.
3. Bystray, E. B. Formation of intercultural pedagogical competence of a teacher // Alma mater. Bulletin of the higher school. – 2006, № 6. – P. 14-18. [in Russian].
4. Garaeva M.V. Forming intercultural competence of subject-mater experts at modern universities in Russia. Dis. ... cand. of sciences (Education). – Rostov-on-Don, 2006. – P. 213. [in Russian].

Dr. Asen Kirin
University of Georgia, USA

TELEBRIDGE WITH THE UNIVERSITY OF GEORGIA (USA)

A. Кирин
Университет штата Джорджия, США

ТЕЛЕМОСТ С УНИВЕРСИТЕТОМ ДЖОРДЖИИ (США)

Аннотация. Асен Кирин – профессор истории искусств Школы искусств имени Ламара Додда (Университет штата Джорджия, США), куратор коллекции русского искусства им. В. Паркера (Музей штата Джорджия). Профессор Кирин учился в Университете Софии в Болгарии, изучал славянские языки и литературу в Московском государственном университете. Степень магистра искусств получил в Университете Вандербильта (США), степень доктора наук – в Принстонском университете (США). Профессор Кирин – эксперт по позднему античному, византийскому и русскому искусству и архитектуре.

С 2018 года профессор Кирин активно сотрудничает с факультетом лингвистики и межкультурной коммуникации МГИМО-Однцово, читая онлайн лекции по сохранению российского культурного наследия в США бакалаврам, магистрантам и преподавателям. Во время телемоста 20 февраля 2020 года профессор Асен Кирин провел онлайн презентацию-дискуссию о коллекции русского искусства Музея штата Джорджия.

Ключевые слова: русская культура и искусство, Университет штата Джорджия, Музей штата Джорджия

Abstract. Asen Kirin is a Professor of Art History, Parker Curator of Russian Art (Lamar Dodd School of Art, The Georgia Museum of Art, The University of Georgia).

From 2018 Prof. Kirin has been successfully cooperating with the School of Linguistics and Cross-Cultural Cooperation giving online lectures on preserving Russian cultural heritage in the USA for BA and MA students and teachers of the School. During the Telebridge held on February 2020 Prof. Kirin gave an online presentation-discussion on the collection of Russian art in the University of Georgia.

Keywords: Russian culture and art, University of Georgia, Museum of Georgia

Kirin trained in Sofia, Bulgaria, and at Moscow University in Slavic languages and literatures before pursuing a master of arts from Vanderbilt University and a doctoral degree from Princeton University, in the history of art and architecture. He has received two fellowships from Dumbarton Oaks/Harvard University and teaches courses at the Lamar Dodd School of Art in late antique, Byzantine and Russian art and architecture.

He has published on post-Byzantine frescoes and their inscriptions, on late antique architecture and urbanism and on the interplay of late Byzantine architecture, mural painting and natural landscape. He has also organized several exhibitions at the Georgia Museum Art, each of which had an accompanying publication: “Sacred Art, Secular Context. Objects of Art from the Byzantine Collection of Dumbarton Oaks, Washington, D.C., Accompanied by American Paintings from the Collection of Mildred and Robert Woods Bliss” in 2005, “Exuberance of Meaning: The Art Patronage of Catherine the Great (1762 – 1796)” in 2013 (which traveled to Hillwood Estate, Museum and Garden in 2014), “A Year on the Hill: Work by Jim Fiscus and Chris Bilheimer” in 2014 and 2015 and “Gifts and Prayers: The Romanovs and Their Subjects” in 2016 (which traveled to the Museum of Russian Art, in Minneapolis-St. Paul and The History Museum in El Paso), “One Heart, One Way: The Journey of a Princely Art Collection” in 2018, “The Reluctant Autocrat: Tsar Nicholas II, 2018-2019.

These exhibitions and catalogues have received awards including the Eric Hoffer Book Award (grand prize shortlist), an honorable mention in the Foreword Reviews’ IndieFab Book of the Year Awards, the Mary Ellen LoPresti Award from the Art Librarians Society of North America Southeast Chapter and a gold award in the Southeastern Museums Conference CurCom Exhibition Competition. Kirin has organized international conferences at the University of Georgia and presented scholarly lectures at wide-ranging institutions including George Washington University, the University of Florida, the University of Vienna, Princeton University and Harvard University.

COLLECTING COLLECTIONS OF RUSSIAN ART: FIVE PRIVATE GIFTS TO THE GEORGIA MUSEUM OF ART, USA

Between the years 2014 and 2029 the holdings Russian art at the largest state museum of Georgia grew from zero to approximately 2,600 works of art and a set of nearly 1,300 historic documents. All these objects and documents came from five discrete collections, formed in distinctly different ways and under strikingly dissimilar circumstances. These five collections originally belonged to: 1) McCeney Werlich (1892-1936), US foreign service officer who collected in Europe during the

first three decades of the 20th century (Latvia, Poland, and France; 2) Mr. William Parker of Atlanta, GA, who assembled his collection at the end of the Cold War in the US; a substantial part of the McCeney Werlich Collection was acquired by Mr. Parker; 3) the collection of the Princes Belosselsky-Belozersky, formed in Europe between the 18th and the early 20th century and taken out of Russia in March of 1917; 4) Vladimir von Tsurikov, who collected in Europe and America after the end of the Cold War; and finally 5) the Rose Brady and Jurii Maniichuk whose collection containing Soviet Socialist Realist art from the post-Stalin era.

The comparative study of these five collections can contribute to defining certain general patterns regarding what kind of art becomes available on the market at what time and how collectors' acquisition practices vary. In addition to enriching our knowledge about the history of art collecting, the presence of these rare works of art at the University of Georgia play an important role as a teaching tool in the context of survey and upper-level classes in Russian art and architecture as well as in course in Russian language, history and literature.

Асен Кирин – профессор истории искусств Школы искусств имени Ламара Додда (Университет штата Джорджия, США), куратор коллекции русского искусства Вильяма Паркера (Музей штата Джорджия). Профессор Кирин учился в Университете Софии в Болгарии, изучал славянские языки и литературу в Московском государственном университете. Степень магистра искусств получил в Университете Вандербильта (США), степень доктора наук по истории искусств и архитектуры – в Принстонском университете (США). Асен Кирин получил две стипендии научно-исследовательской библиотеки, музея и центра по изучению византийского искусства Думбартон-Оакс при Гарвардском университете. Преподает позднее античное, византийское и русское искусство и архитектуру в Школе искусств имени Ламара Додда Университета штата Джорджия (США).

В числе публикаций профессора Кирина работы о пост-византийских фресках и сопроводительных надписях на них, поздней античной архитектуре и градостроительстве, а также взаимосвязи поздневизантийской архитектуры, настенной живописи и природного ландшафта. Асен Кирин также организовал несколько выставок в Художественном музее Джорджии, каждая из которых сопровождалась соответствующей публикацией: «Священное искусство, светский контекст. Предметы искусства из Византийской коллекции Думбартон-Оакс, Вашингтон, округ Колумбия. Издание дополнено иллюстрациями американской живописи из коллекции Милдред и Роберта Вудс Блесс» в 2005 году, «Изобилие смысла: покровительство искусств Екатериной Великой (1762-1796)» в 2013 году (экспонаты были выставлены в

музее Хиллвуд в 2014 году), «Год на холме: работа Джима Фискуса и Криса Бильхаймера» в 2014 и 2015 годах и «Дары и молитвы: Романовы и их подданные» в 2016 году (экспонаты были выставлены в Музее русского искусства, Миннеаполис/Сент-Пол, и Историческом музее в Эль-Пасо), «Одно сердце, один путь: путешествие княжеской коллекции произведений искусства» в 2018 году, «Самодержец по неволе: царь Николай II», 2018-2019 годы.

Данные выставки и каталоги были удостоены наград, в том числе книжной премии имени Эрика Хоффера (шорт-лист Гран-при), почетного упоминания во вступительном обзоре Ежегодной книжной премии IndieFab (Foreword Reviews' IndieFab Book of the Year Awards), премии Мэри Эллен ЛоПрести от Общества библиотекарей искусств Юго-Восточного филиала Северной Америки, и золотую награду на конкурсе выставок Юго-Восточной музейной конференции Комитета кураторов.

Профессор Кирин организовывал международные конференции в Университете Джорджии и выступал с научными лекциями в разнообразных институтах, включая Университет Джорджа Вашингтона, Университет штата Флорида, Венский университет, Принстонский университет и Гарвардский университет.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ РУССКОГО ИСКУССТВА: ПЯТЬ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ, ПЕРЕДАННЫХ В ДАР ХУДОЖЕСТВЕННОМУ МУЗЕЮ ШТАТА ДЖОРДЖИЯ (США)

В период с 2014 по 2019 год фонд произведений русского искусства в крупнейшем государственном музее штата Джорджия вырос с нуля до около 2600 произведений искусства и почти 1300 исторических документов. Эти экспонаты и документы попали в музей из пяти отдельных коллекций, собранных совершенно разными способами и при поразительно различных обстоятельствах. Пять коллекций первоначально принадлежали: 1) Маккени Верлиху (1892-1936), сотруднику дипломатической службы США, который собирал экспонаты в Европе в течение первых трех десятилетий XX века (в Латвии, Польше и Франции); 2) Мистеру Уильяму Паркеру из Атланты, штат Джорджия, собиравшему свою коллекцию в конце Холодной войны в США; значительная часть Коллекции McSeney Werlich была приобретена мистером Паркером; 3) князьям Белосельским-Белозерским, чья коллекция была сформирована между XVIII и началом XX века в Европе и вывезена из России в марте 1917 года; 4) Владимиру фон Цурикову, собиравшему свою коллекцию произведений в Европе и Америке после окончания Холодной войны; и,

наконец, 5) Розе Брейди и Юрию Манийчук, в чьей коллекции был представлен социалистический реализм постсталинской эпохи.

Благодаря сравнительному изучению данных пяти коллекций становится возможным определение некоторых общих закономерностей относительно того, произведения какого вида искусства являются доступными на рынке в то или иное время, и как различаются методы их приобретения коллекционерами. Помимо углубления знаний об истории коллекционирования произведений искусства, наличие подобных редких экспонатов в университете Джорджии также играют важную роль учебного пособия для проведения как обзорных лекций, так и узко-специальных продвинутых курсов по русскому искусству и архитектуре, а также изучаются в рамках курсов по русскому языку, истории и литературе.

Секция 1.

Терминоведение и языки для специальных целей

Section 1. Terminology and Languages for Specific Purposes

B.A. Иконникова

Одинцовский филиал МГИМО МИД России

Одинцово, Россия

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ АМЕРИКАНСКОЙ ЮСТИЦИИ И ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье на базе лингвокультурологического подхода к исследованию отраслевых терминологий исследуется роль культурного компонента значения терминов американской юстиции и политической корректности, а также «журналистских терминов» или «общественно-политической терминологии» в современной медийной межкультурной коммуникации.

Рассматриваются денотат и культурные коннотации терминологических единиц, отсылающие к определенному историческому периоду и определенной территории / стране/ национальной культуре.

Положения иллюстрируются терминологическими единицами американского судопроизводства (recusal), а также терминами истории искусств (blackface), перешедшими в область «политкорректности». Изучаются особенности функционирования таких единиц в специальном тексте и в СМИ, а также конфликты, возникающие в межкультурной коммуникации, вызванные детерминологизацией терминов с культурным компонентом значения.

Ключевые слова: терминологические единицы, культурный компонент значения, специальный и медиадискурс, политическая корректность, межкультурная коммуникация

THE ROLE OF THE CULTURAL COMPONENT OF MEANING OF AMERICAN JUSTICE AND POLITICAL CORRECTNESS TERMS IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Abstract. On the basis of the sociocultural approach to the study of special terminologies the article investigates the role of the cultural component of meaning of the terms of American justice and political correctness as well as “journalist terms” and “socio-political terminology” in modern media cross-cultural communication.

The research focuses on the denotative and connotative components of the term meaning. The latter refer to a certain historical period and a certain territory/ country/ national culture. The statements are illustrated with the terminological units of American justice (recusal) and terms of the history of arts (blackface) which have transferred to the field of political correctness. The article provides a study of functioning of such units in special discourse as well as in the text of mass media. The author describes the conflicts that may occur in cross-cultural communication caused by determinologisation of terms with the cultural component of meaning.

Keywords: terminological units, cultural component of meaning, special and media discourse, political correctness, cross-cultural communication

1. Концепция культурного компонента значения терминологических единиц

Базовые положения концепции культурного компонента значения терминологических единиц как компонента теории лингвокультурологического направления в терминоведении можно сформулировать следующим образом.

(1) Элемент условности в терминологиях с культурным компонентом достаточно высок и зависит от территориально-культурного и историко-культурного факторов.

(2) Культурный компонент значения входящих в указанные терминологии и терминосистемы единиц формально выражен лексикографическими пометами «англ.», «амер.», «шотл.», «в некоторых штатах США», «в графстве Кент до 1925 г.» и т.д., либо ссылками к таким (историко-) территориальным терминосистемам, содержащимся в словарных дефинициях или контекстах.

Важно определить, что под «культурой» в предложенном подходе к лингвокультурологическому терминоведению понимается совокупность правил поведения (в области права, политики, экономики, искусства, общения, праздников и т.д.), принятых на определенной территории в определенный исторический период [Иконникова 2018].

К функциям терминологических единиц с культурным компонентом значения относятся кумулятивная (накопительная), когнитивная (познавательная) и функция развития (терминология и терминосистемы). Указанные единицы способствуют накоплению, сохранению и передаче знания о локальном лингвокультурном своеобразии англоязычных лингво-правовых сообществ, что непосредственно коррелирует с содержанием перечисленных выше компетенций, связанных с профессиональной коммуникацией в мультикультурной среде.

2. Роль культурного компонента значения терминов американской юстиции в межкультурной коммуникации

Выбранная для примера терминологическая единица *recusal* является маркированной как юридический термин-американизм в лексикографических источниках. Так в словаре Cambridge читаем:

recusal

noun [C or U] LAW mainly US specialized

UK /rɪ'kjuː.zəl/ US /rɪ'kjuː.zəl/

the fact of a judge or a member of a jury not being involved in a trial because they have a special interest in its final result:

The defense lawyers will have to decide whether to file a motion for recusal.

The reasons for recusals are never publicly disclosed.

В американском словаре Merriam-Webster единица дается без территориальной пометы, но с указанием этимологии и времени терминологизации – в XVII веке.

***recuse* verb**

re·cuse | \ ri-'kyüz | recused; recusing

transitive verb : to disqualify (oneself) as judge in a particular case broadly: to remove (oneself) from participation to avoid a conflict of interest

Did You Know?

Recuse is derived from the Anglo-French word *recuser*, which comes from Latin *recusare*, meaning "to refuse." English speakers began using "recuse" with the meaning "to refuse or reject" in the 14th century. By the 17th century, the term had acquired the meaning "to challenge or object to (a judge)."

Обратимся к нескольким фрагментам специальных текстов и лексикографическим статьям для описания термина американской терминологий-ческий подсистемы обозначений элементов судебского корпуса.

В американской прессе за 2009 год читаем заголовок: *Justices Issue a Recusal Rule for the Justiciary. Money becomes a matter of *recusal*; how much is unclear (2009). [McLucas 2009]*.

Таким образом, терминологическая единица *recusal* является примером американского юридического термина с культурным компонентом значения, маркированном в территориальном плане (единица не используется в британской правовой терминосистеме по причине специфики процедуры отзыва избираемых судей штатов в США). В содержании данной единицы содержится информация об особенностях судебной системы США, что возможно выявить при анализе как языкового субстрата термина (дефиниции в словарях), так и при изучении понятийного суперстрата термина (информация об устройстве судебной системы США).

2. Роль культурного компонента значения терминов политкорректности и искусствоведения в межкультурной коммуникации

Обратимся к терминам общественно-политической жизни (терминам СМИ, журналистским терминам) и терминам политической корректности с целью проследить роль культурного компонента этих отраслевых единиц в межкультурной коммуникации. В данной статье речь идет о терминологических единицах, которые возникают массово («вирусообразно») в связи с резонансным общественно-политическим событием и в зависимости от политической аффилиации издания (журналиста) использующиеся в соцсетях и СМИ (например: «термины» движения «желтых жилетов» во Франции, «Крымской весны» 2014 года, Брекзита и «бэкстопа» в Ирландии, «Мегзита» в британской королевской семье и т.д.). Одно и то же явление устойчиво может называться «сепаратизмом» или «борьбой за освобождение» и т.д. Итак, особенностями таких терминологических единиц является их «жизнеспособность» в течение срока острого обсуждения в СМИ и соцсетях определенного события/явления, наличие антонимов в связи с противоречивостью оценки события и отсюда – наличием как оценочного, так и культурного компонента значения термина (отсылкой к определенному временному периоду и определенной стране, территории). Представляется, что к таким терминам относятся и терминологические единицы «политической корректности».

Остановимся на ситуации, возникшей в середине декабря 2019 года, в связи с обсуждением в соцсетях и СМИ грима в балете балета «Баядерка» в Большом театре в Москве, и скандалом, разразившемся в связи с широким

обсуждением использования и интерпретацией термина “blackface” [см. например: «*Очерненные*»...].

Термин истории искусств / искусствоведения США, с одной стороны, детерминологизируется, а с другой стороны, вновь терминологизируется в терминологии области знания, обладающей специфическим статусом. Рискнем предположить, что он становится терминологической единицей области «политической корректности». Представляется, что данную группу терминов можно отнести к специальной лексике, близкой так называемым «журналистским терминам» [Лейчик 2009] или «общественно-политической терминологии» [Маник 2019].

В ситуации, когда термин с культурным компонентом используется в контексте межкультурной коммуникации, возникает конфликт смыслов, основанный на различном толковании культурного компонента значения термина *blackface*.

В Большом театре в постановке балета «Баядерка» Мариуса Петипа традиционно используется специфический грим для изображения африканцев, что в театре рассматривается как воплощение европейской традиции балета XIX века, которой действительно были свойственны империалистские взгляды. Американская сторона в декабре 2019 года предложила «изменить балет» по соображениям политической корректности, обоснование строится вокруг интерпретации термина *blackface*. Приведем историко-культурные данные о балете и о явлении «блэкфейс», которое стало обозначаться транслитерированной единицей в российских СМИ в декабре 2019 года:

«Баядерка» — балет в трёх действиях и пяти картинах с апофеозом балетмейстера Мариуса Петипа на музыку Людвига Минкуса. Впервые показан ... 23 января 1877 года на сцене *петербургского* Большого театра...

«Баядерка» Мариуса Петипа во многом перекликается с балетом «Сакунтала», поставленном его братом Люсиеном Петипа для балета *Парижской Оперы* в 1858 году... [Баядерка]

Блэкфейс (англ. *Blackface* «чёрное лицо») – разновидность театрального грима, который использовался комиками для своих шоу и водевилей и представлял собой карикатурное изображение лица чернокожего человека. Мода на такой макияж распространилась в первой половине XIX века и способствовала укреплению стереотипов относительно представителей негроидной расы... К 1848 году «блэкфейсы» стали *частью национальной американской культуры*, разбавив серьёзность тогдашних театральных постановок. Гротескные выступления «блэкфейсов» не теряли популярности вплоть до 1960-х годов, когда стало набирать силу Движение за гражданские

права чернокожих в *США*... Из Америки в Европу мода на блэкфейсов пришла очень быстро, в Великобритании они стали даже более популярными, чем у себя на родине...[Блэкфейс] (Выделение полужирным курсивом наше. – В.И.).

В медийном дискурсе 2019 года, имеющим политический фон (напряженные отношения России и США), две, казалось бы, несовместимые лексические единицы – имя собственное (название классического европейского балета XIX века) и название театрального грима в США в XIX веке – вошли в противоречие, появившись в одном «общественно-политическом медийном» контексте, будучи вырванными из «родных» терминологий и контекстов (европейского балетного искусства и массового комического искусства США XIX века) и попав в «терминологию» политической корректности.

Рассмотрим другой пример конфликта специального значения системы номенклатур (титулов Британской монархии) и общелiterатурного значения составляющих единиц данных номенклатур – в связи со скандальной ситуацией «Мегзит», связанной с отказом принца Гарри и его семьи исполнять обязанности членов королевской фамилии.

В американских СМИ критике из-за политической некорректности подверглась единица “Your Highness” [см. например: Maher]. Отметим, что Your Highness – номенклатура другой (британской) культуры, другой системы номенов (королевские титулы, сохраняющиеся как символ преемственности и единства британской нации), которые оцениваются с точки зрения американской системы ценностей и понятий политической корректности и соответствующих лексических единиц («никто не может быть «высочеством»» = выше другого). Представляется, что подобное совмещение несовместимых единиц из разных культур, систем номенов совершается намеренно, для манипуляции / воздействия на целевую аудиторию с целью создания определенного общественного мнения.

Таким образом, роль культурного компонента значения терминов американской юстиции и политкорректности в межкультурной коммуникации заключается в маркировании временного и территориального фактора, лимитирующих распространение ценностей, норм, оценок одной культуры (и вербализующих ее специальных единиц) по отношению к другой. При применении терминов одной историко-территориальной культуры к другой без учета культурного компонента значения возможны случайные или преднамеренные конфликты в межкультурной коммуникации, непроизвольные или целенаправленные.

Литература

1. Иконникова В.А. Роль фактора конвенциональности в развитии культурного компонента англоязычных терминологий // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2018. № 1. – С. 57-62.
2. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
3. Маник С.А. Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние. Дис. ... доктора филол. наук. – Иваново, 2019. – 567 с.
4. *Dictionary by Merriam-Webster* // URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 14.01.2020).
5. *McLucas, M. The Need for Effective Recusal Standards for an Elected Judiciary*, 42 Loy. L.A. L. Rev. 671 (2009) // URL: <https://digitalcommons.lmu.edu/llr/vol42/iss3/4> (дата обращения: 14.01.2020).
6. *Graham, Lauren. What's Politically Incorrect About Being Politically Correct*. TEDxBrownSchool. // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iL7uMfTLkpQ> (дата обращения: 14.01.2020).
7. *Блэкфайс* // URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 14.01.2020).
8. *Баядерка* // URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 14.01.2020).
9. *Maher, Bill. What could be more antithetical to liberalism than calling another human Your Highness?* // URL: <https://www.facebook.com/62507427296/posts/10157111468877297/> (дата обращения: 20.01.2020).
10. «*Очерненные*»: балерин Большого театра затравили за блэкфайс // URL: https://www.gazeta.ru/culture/2019/12/14/a_12865088.shtml (дата обращения: 14.01.2020).

Ю.Г. Кокорина
Московский политехнический университет
Москва, Россия

ПРОБЛЕМА НОМИНАЦИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Словесное обозначение древних вещей обусловлено реконструкцией функции артефактов. В связи с этим встает ряд проблем, среди которых – проблема номенклатурных единиц в языке археологии. Теоретические основы различия терминов и номенов изложены в новейшей монографии С.Д. Шелова.

Ключевые слова: термин, номен, номинация, археологическая терминология.

Yulia G. Kokorina
Moscow Polytechnic University
Moscow, Russia

THE PROBLEM OF NOMINATION IN ARCEOLOGICAL TERMINOLOGY

Abstract. The verbal designation of ancient things is due to the reconstruction of the function of artifacts. This raises a number of problems, including the problem of nomenclature units in the language of archaeology. The theoretical basis of the difference between terms and nomens is presented in The latest monograph by S. D. Shelov.

Keywords: term, nomen, nomination, archaeological terminology.

В языке науки значительную роль играет словесное обозначение исследуемых объектов. Особую важность это обозначение приобретает тогда, когда речь идет о дискретных объектах, извлечение информации, содержащейся в которых, является задачей науки или области знания. Среди подобных областей знания могут быть названы искусствоведение, криминалистика, военное дело и археология. Все перечисленные дисциплины под тем или иным ракурсом изучают вещи, и новые достижения в одной из названных дисциплин способствуют развитию другой.

Что касается археологической терминологии, то основой номинации древних вещей является представление исследователя-археолога о функции

терминируемого предмета. В более ранних работах мы приводили объемную модель построения археологической номинации, которая схематически может быть представлена в форме правильной треугольной пирамиды – тетраэдра, в основании которого находятся такие системы описания древней вещи, как морфология, технология, материал изготовления, а в вершине расположена позиция «функция». Именно на функции базируется номинация как словесное обозначение древнего предмета [Кокорина 2011:179].

Представление современного ученого-археолога о функции как конкретной вещи, так и класса вещей, отражается в выборе слова или словосочетания для обозначения как конкретного артефакта, так и таксона классификации. При этом встает ряд вопросов: 1. Насколько адекватны современные реконструкции функциям вещей в древности, а, значит, и их наименованиям? 2. Называя тот или иной древний предмет, мы обозначаем его место в реконструируемой картине мира древнего человека или современного ученого? 3. Что представляет собой то или иное словесное обозначение – термин или номен?

Проблема реконструкции функции древних вещей, а, значит, и их адекватного наименования издавна стояла перед специалистами. В основу реконструкции функции древних вещей еще на заре археологии было положено, прежде всего, обыденное знание, причиной чего являлось недостаточное развитие научного археологического знания. Так, при реконструкции функции древних вещей и присвоению им названий исследователи-археологи исходили из логики использования их современниками. Так, термин *колт* (разновидность древнерусских украшений), находки которых начались в XIX веке, восходит к наименованию крестьянских украшений [Фасмер 2004:298]. Слово *акинак* как «скифский короткий меч» стало археологическим термином благодаря знакомству первых русских археологов с трудами античных историков, в которых это слово использовалось. Вещи неизвестного назначения дьяковской культуры раннего железного века Центральной России получили название «дьяковские грузики» из-за своего сходства с деталями вертикального ткацкого станка. Как отмечал американский археолог Г. Чайлд, культовыми предметами ученые называют вещи, назначение которых реконструировать не могут [Клейн 1978:43]. Сложность реконструкции функции вещи, а, значит, и ее словесного обозначения, часто обусловлена спецификой древнего вещного мира, в котором человек легко превращал бритву – в кинжал, а кинжал – в копье [Клейн 1978:78], в котором существовали полифункциональные вещи, назначение которых реконструировать затруднительно – что приводит к формированию таких терминов, как, например, *топорик-кинжал*.

Выход видится в продолжении исследований с применением научного археологического знания, использованием достижений различных областей знания. Так, новейшие разработки по баллистическим функциям древнерусских стрел заставили отказаться от термина *бронебойные наконечники стрел*, так как выяснилось, что функцией разрушения защитного доспеха данный тип наконечников не обладал.

Последний пример ориентирует нас на рассмотрение следующей проблемы: о том, насколько адекватно позволяют археологические термины реконструировать картину мира наших предков. С развитием археологического знания появились термины, уточняющие функцию, а, значит, и облегчающие реконструкцию представлений древних людей: вместо «каска» применяется термин *шлем* с указанием из языка исследуемой древней культуры на тип шлема: древнегреческого - *дорический, коринфский*, древнерусского - *шишак*, вместо «ваза» - конкретное название античного сосуда, пришедшее из древнегреческого языка - *амфориск, канфар, гидрия* и т.п., вместо «медаль» - *монета*, с заимствованным из языка исследуемой древней культуры: древнегреческого: *драхма, обол, мина*, арабского - *дирхем*, древнерусского - *рубль* и т.п.

Проблема идентификации словесных обозначений древних вещей как терминов или номенклатурных единиц тесно связана с последующими тремя из обозначенных нами ранее. Проблеме соотношения термина и номена посвящена глава в новейшей монографии С.Д. Шелова [Шелов 2018].

Применим наблюдения ученого к словесным обозначениям древних вещей.

Так, С.Д. Шелов указывает на концепцию, разработанную на примере биологии, согласно которой к номенам относились словесные обозначения низших уровней этой классификации [Шелов 2018: 212]. Это особенно актуально для археологии, так как основатель типологического метода в российской археологии В.А. Городцов указывал на классификацию К. Линнея как на образец для построения археологической типологии [Городцов 1995:30]. И это естественно: современник В.А. Городцова российский биолог-теоретик А.А. Любящев обосновал положение о том, что биологические организмы и древние вещи развиваются по одним и тем же законам. Это положение нашло подтверждение и в трудах последующих исследователей - дизайнеров, биологов, археологов [Лихтер 1994:34].

В этом плане интересно рассмотреть терминологию конской узды. Обычно чаще всего сохраняющиеся детали конского убора обозначают терминами удила и псалии. Самые низкие таксоны классификации обозначены следующим словосочетанием:

- 7.2.1. Псалии стержневидные симметричные.**
 - 7.2.1.1. Псалии с разными по величине отверстиями.
 - 7.2.1.1.1. Псалии с отверстиями без утолщений.
 - 7.2.1.1.1.1. Псалии с отверстиями в одной плоскости.
 - 7.2.1.1.1.1.1. Псалии типа Бамут
- 7.2.2. Асимметричные псалии**
 - 7.2.2.1. Псалии с равновеликими отверстиями.
 - 7.2.2.1.1. Псалии с отверстиями без утолщений.
 - 7.2.2.1.1.1. Псалии с отверстиями в одной плоскости.
 - 7.2.2.1.1.1.1. Псалии типа Сахарна-Кубанский 36 [Кокорина 2017:145].

Из приведенных примеров видно, что в данном случае к номенам могут быть отнесены словосочетания Псалии типа Бамут, Псалии типа Сахарна-Кубанский 36, псалии типа Недвиговка – Зандак 60. Эти Словосочетания могут быть отнесены к номенклатуре₂ по С.Д. Шелову [Шелов 2018:212]. Таким образом, в археологической номинации могут употребляться как термины, так и номены. Их использование указывает на единство принципов построения археологической терминологии. Разумеется, проблема соотношения археологического термина и номена требует дальнейшего, более подробного, исследования.

Литература

1. Городцов В.А. Типологический метод в археологии / В.А. Городцов // Антология советской археологии: В 3 т. Т. 1. 1917–1933. – М.: Институт археологии РАН, 1995. – С. 26-31.
2. Клейн Л.С. Археологические источники. – Л.: ЛГУ, 1978. – 117 с. С.43
3. Кокорина Ю.Г. Словарь археологического вещеведения. М.: Новый хронограф, 2017. 514 с.
4. Кокорина Ю.Г. Терминосистема концептуальной области «Археология». – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 357 с.
5. Лихтер Ю.А. Логическая система знаний о вещи / Ю.А. Лихтер // История и эволюция древних вещей. – М.: МГУ, 1994. – С. 33–43.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Астрель, 2004. Т.2. – 671.с.
7. Шелов С.Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические положения. – М.: ПринтПро, 2018. – 472 с.

Е.В. Крымова
Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия

СПЕЦИФИКА НОМИНАЦИЙ ЛИЦ-УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Рассмотрен процесс терминологической номинации в области уголовного процесса в немецком языке. Это понятие трактуется на основе дифференциации терминов по формальному признаку и словообразовательному критерию. Описаны все выделенные типы терминов.

Ключевые слова: уголовный процесс, термин, терминосистема, терминологическая номинация, форма термина.

E.V. Krymova
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

PECULIARITIES OF NOMINATION OF CRIMINAL PROCESS PARTICIPANTS IN THE GERMAN LANGUAGE

Abstract. The process of terminological nomination in the field of criminal process in German is considered. This concept is interpreted on the basis of differentiation of terms according to a formal and a word-formation criteria. All chosen types of terms are described.

Keywords: criminal process, term, terminology system, terminological nomination, form of the term.

Общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства регулируются нормами уголовно-процессуального права, средством реализации которого является разновидность правового языка – язык уголовно-процессуального права. Данная отрасль права регулирует деятельность органов суда, прокуратуры, следствия и дознания по возбуждению, расследованию и разрешению уголовных дел.

Поскольку язык уголовно-процессуального права обеспечивает профессиональное общение людей в области уголовного процесса, он является языком для специальных целей, ядро которого образуют понятия «терминология» и «терминосистема».

В то время, как К.Я. Авербух отмечает, что эти понятия являются синонимами [Авербух 2006: 131], большинство ученых все же различает данные понятия.

Согласно М.В. Лейчику, терминология – стихийно созданная совокупность терминов, не объединенная какой-либо концепцией и не отражающая все понятия определенной предметной области, а терминосистема – искусственно созданная совокупность терминов, которая складывается на основе одной научной теории и отражает связи всех понятий определенной науки. Термины в терминосистеме, кроме терминологической семантики, также отличаются системностью, точностью, однозначностью и стилистической нейтральностью. Терминосистема формируется в результате упорядочивания терминологии в организованную систему терминов с зафиксированными в отраслевых словарях отношениями между ними [Лейчик 2009: 101-107].

Одним из ключевых аспектов терминологии является терминологическая номинация (терминообразование).

Терминологическая номинация – «процесс именования специальных понятий, неразрывно связанный с языковой номинацией, ... обусловленный языковым выражением результатов познания и взаимодействием как внешних, так и внутренних языковых факторов» [Володина 1998: 7].

Для анализа терминосистемы уголовно-процессуального права в немецком языке были использованы тексты законов Уголовно-процессуального кодекса Федеративной Республики Германия (нем. Strafprozessordnung, сокр. StPO) и словарь Г. Кёблера «Juristisches Wörterbuch». Из них отобраны и проанализированы с точки зрения формы и по способу словообразования термины-номинации лиц-участников уголовного судопроизводства.

Для классификации терминов по формальному признаку была задействована схема С.В. Гринева-Гриневича, в соответствии с которой выделяются термины-словосочетания и термины-слова [Гринев-Гриневич 2008: 62].

Среди найденных терминов терминами-словосочетаниями являются *beeidigter/vereidigter/öffentlich bestellter Dolmetscher, die als Gemeindemitglieder zugezogenen Personen, gesetzlicher Vertreter, juristische Person, nahestehende Personen/Menschen, natürliche Person, staatenlose Personen/Menschen, verdeckter Ermittler*.

Группа терминов-слов представлена лексемами *Advokat, Amtsanwalt, Angehöriger, Angeklagter, Angeschuldigter, Ankläger, Anwalt, Beklagter, Beschuldigter, Beteiligter, Betroffener, Ermittlungsführer, Ermittlungspersonen, Expert, Fachmann, Freigesprochener, Gemeindezeuge, Gerichtsdolmetscher*,

Geschworener, Rechtsanwalt, Richter, Sachverständiger, Staatenlose, Staatsanwalt, Untersuchungsführer, Verdächtiger, Verteidiger, Verurteilter, Verwandter, Zeuge, Zivilkläger.

Из классификации следует, что в сфере уголовно-процессуального права Германии термины-слова (31 термин) значительно преобладают над терминами-словосочетаниями (9 терминов), так как, во-первых, для терминов-слов в большей характерна синонимия, во-вторых, следует отметить тот факт, что речь идет о конкретных лицах-участниках уголовного судопроизводства, выраженных в форме терминов-слов.

Термины-слова, а также отдельные терминоэлементы терминов-словосочетаний (*Beistand, Ermittler, Gemeindemitglieder, Vertreter*) мы разделили по типу словообразования в соответствии с классификацией И.Г. Ольшанского и А.Е. Гусевой, которые выделяют следующие типы: корневые слова (*Wortwurzel, Wortstamm*), словосложение (*Zusammensetzung*), образование производных слов (*Ableitung*), образование сложнопроизводных слов (*Zusammenbildung*), конверсию (*Konversion*), словотворчество (*Wortschöpfung*) [Ольшанский, Гусева 2005:100].

Среди выбранных терминов к **корневым словам** относятся термины *Advokat, Anwalt, Expert, Zeuge*.

Производными терминами являются *Ankläger, Ermittler, Richter, Verteidiger, Vertreter*; следует отметить, что данные термины образованы при помощи суффиксов (здесь все термины образованы только при помощи суффикса *-er*), т.е. являются суффиксальными. Термины, образованные с помощью префиксов, т.е. префиксальные, обнаружены не были.

Группа **сложных слов** представлена следующими терминами: *Amtsanwalt, Ermittlungspersonen, Fachmann, Gemeindezeuge, Gemeindemitglieder, Gerichtsdolmetscher, Rechtsanwalt, Staatsanwalt, Zivilkläger*.

Данные термины являются определительными сложными словами (*determinative Zusammensetzungen*). Кроме того, термины *Amtsanwalt, Ermittlungspersonen, Gemeindezeuge, Gemeindemitglieder, Gerichtsdolmetscher, Rechtsanwalt, Staatsanwalt* являются неполносложными словами (*unechte/uneigentliche Wörter*), поскольку части данных сложных слов соединены при помощи соединительного элемента (*Bindeelement*) *-s* или *-e*. Термины *Fachmann* и *Zivilkläger* являются полносложными (*echte/eigentliche Wörter*), поскольку между частями данных слов отсутствует соединительный элемент.

Среди найденных терминов только два являются **сложнопроизводными словами**: *Ermittlungsführer, Untersuchungsführer*. Они

образованы от глагольно-именных словосочетаний (*Ermittlung führen*, *Untersuchung führen*) с помощью суффикса *-er*.

Еще одним типом словообразования является конверсия – переход слова из одной части речи в другую. В данном случае конверсия как тип словообразования представлена только **субстантивацией**: *Angehöriger*, *Angeklagter*, *Angeschuldigter*, *Beistand*, *Beklagter*, *Beschuldigter*, *Beteiligter*, *Betroffener*, *Freigesprochener*, *Geschworener*, *Verdächtiger*, *Verurteilter*, *Verwandter*, *Sachverständiger*, *Staatenloser* (*Staatenlose*).

Словотворчество как тип словообразования в исследованном материале не представлен.

На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что наиболее распространен такой тип словообразования, как конверсия (42,9%). Поскольку и в данном случае речь идет о конкретных лицах, множество причастий (*Partizip II*) перешли в разряд существительных.

Словосложение является одним из самых распространенных типов словообразования (25,7%). Производные слова в рамках данной микротерминосистемы встречаются значительно реже (14,3%).

Как отмечают И.Г. Ольшанский и А.Е. Гусева, образование сложно-производных слов является относительно новым типом словообразования [Ольшанский, Гусева 2005: 105]. Данный тип представлен лишь двумя терминами (14,3%).

Терминологическая номинация лиц-участников уголовного судопроизводства в немецком языке отличается большим количеством однословных терминов, большая часть которых образована посредством субстантивации, а также словосложением.

Поскольку изучению языка уголовно-процессуального права посвящено малое количество работ, данные аспект представляют особый интерес для дальнейшего исследования, в том числе в сопоставительном аспекте с аналогичной терминосистемой в русском языке.

Литература

1. *Авербух К.Я.* Общая теория термина. – М.: МГОУ, 2006. – 252 с.
2. *Володина М. Н.* Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: автореф. дис. д-ра. филол. наук – М., 1998. – 345 с.
3. *Гринев-Гриневич С.В.* Терминоведение. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
4. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
5. *Ольшанский И.Г., Гусева А.Е.* Лексикология. Современный немецкий язык. – М.: Академия, 2005. – 416 с.
6. *Thormann I., Hausbrandt J.* Rechtssprache: klar und verständlich für Dolmetscher, Übersetzer, Germanisten und andere Nichtjuristen. – Berlin: BDÜ Fachverlag, 2016. – 460 S.
7. *Köbler G.* Juristisches Wörterbuch. Rechtsdeutsch für jedermann. Das deutsche Recht in einem Band aus einer Hand auf neuem Stand. – München: Vahlen, 2003. – 862 S. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.agmiw.org/> (дата обращения: 18.11.2019).
8. Strafprozessordnung (StPO) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/> (дата обращения: 21.11.2019)

*Кудашев И.С.,
Семёнова О.В.
Университет Тампере
Тампере, Финляндия*

ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ МЕДИЦИНСКОЙ ЛЕКСИКИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье рассматриваются основные информационные потребности социальных переводчиков, работающих в сфере здравоохранения, и студентов, обучающихся медицинскому социальному переводу. Излагаются основные принципы составления финско-русского тематического словаря медицинской лексики для социальных переводчиков, его содержание и структура. Обсуждаются трудности, возникшие при составлении словаря, и способы их преодоления.

Ключевые слова: социальный перевод, медицинский перевод, терминография, терминологический словарь.

*Igor S. Kudashev,
Olga V. Semyonova
Tampere University,
Tampere, Finland*

THE PROBLEMS OF COMPILING A THEMATIC DICTIONARY OF MEDICAL VOCABULARY FOR SOCIAL TRANSLATION PURPOSES

Abstract. In this article, we discuss information needs of community interpreters working in the healthcare sector, as well as information needs of students studying medical interpretation. We describe the principles of compilation of a Finnish-Russian thematic glossary of healthcare terminology designed for medical interpreters and students. Finally, we go through the main challenges of the project and justify our solutions to them.

Keywords: community interpreting, medical translation, LSP lexicography, glossary.

В Финляндии представители языковых меньшинств при необходимости могут воспользоваться услугами переводчика в государственных и муниципальных учреждениях. Наиболее крупным языковым меньшинством в стране являются русскоязычные (свыше 85 тыс.). Это обуславливает устойчивый спрос на услуги социальных переводчиков в паре языков финский-русский.

Около половины всех заказов приходится на долю перевода в медицинских учреждениях (Mäntynen 2013: 110). При этом сфера здравоохранения является одной из наиболее критических в отношении качества перевода, поскольку некорректный перевод – в частности, использование неверной терминологии – может привести к серьезным последствиям. Одной из основных причин терминологических трудностей при переводе в паре языков финский-русский является отсутствие качественного учебно-справочного словаря медицинской лексики. Составление такого словаря является одной из приоритетных задач проекта по развитию преподавания перевода в медицинской сфере, финансируемого фондом Cultura.

При проектировании данного словаря мы, в соответствии с общей теорией составления терминологических словарей (Гринев-Гриневич 2009, Кудашев 2007), исходили из информационных потребностей адресных групп (социальные переводчики и студенты) в определенной коммуникативной ситуации (общение врача и пациента на реальном или учебном медицинском приеме). На проект словаря также оказали влияние внешние факторы (см. Кудашев 2007: 71–73), прежде всего ограниченный бюджет проекта.

Как студенты, изучающие медицинский перевод, так и работающие переводчики должны знать определенный объем базовой лексики наизусть. При этом учить лексику проще, когда она сгруппирована по темам. Поэтому первая часть словаря – это тематический глоссарий из примерно двух тысяч наиболее важных терминов, распределенных по следующим темам: структура системы здравоохранения; классы заболеваний, симптомы и жалобы; анатомия и физиология; анализы и обследования; методы лечения, профилактики и реабилитации; лечебные мероприятия; лекарственные препараты; медицинское оборудование и изделия медицинского назначения. Внутри тем лексика делится на две категории сложности. Например, среди примерно 800 анатомических терминов около 150 относятся к базовым, а остальные – к продвинутому уровню.

Даже опытный переводчик, не говоря уже о студентах, не может постоянно держать в голове весь объем лексики, которая может ему потребоваться при переводе тех или иных специфических случаев. Кроме

того, из-за законов, ограничивающих распространение персональных данных, переводчик, как правило, не знает, о каком заболевании будет идти речь на приеме. Поэтому вторая часть словаря построена таким образом, чтобы переводчик мог быстро подготовиться для перевода конкретного медицинского случая, а также оперативно навести справки относительно лексики, относящейся к тому или иному заболеванию. Лексика сгруппирована по заболеваниям, внутри них – по темам, список которых практически совпадает со списком тем в первой части, а внутри тем – по алфавиту.

Словарь оформлен в виде таблиц с двумя столбцами. В первом столбце представлен финский термин и его возможные синонимы, во втором столбце – одно или несколько русских соответствий. Границы таблиц полупрозрачны, чтобы они не отвлекали пользователей. Вместе с тем, табличная форма представления позволяет быстро находить соответствия. Средний объем каждой темы составляет 5–6 страниц.

В рамках каждой словарной статьи рассматривается только одно понятие. Омонимы, т.е. термины, соответствующие двум и более понятиям, разносятся по разным словарным статьям. Это позволяет избежать перегруженности статей и ускоряет поиск соответствий. При омонимичных терминах курсивом приводятся краткие пояснения, позволяющие выбрать нужное понятие.

Синонимы финских терминов приводятся как вместе с основным термином, так и на своем алфавитном месте в виде ссылок. При этом перевод термина дается и в отысканных статьях, чтобы переводчику не надо было тратить время на поиск статьи с основным термином. Поскольку ссылки могут мешать при заучивании слов списком, в базе данных предусмотрена возможность отключения ссылочных статей.

Поскольку студенты, изучающие медицинский перевод, имеют относительно высокую языковую компетенцию, грамматическая информация в словаре сведена к минимуму. Вместе с тем, опыт использования словаря показал, что финноязычным студентам требуется информация об ударении в русских словах не только в сложных случаях, как это было предусмотрено изначально, но и в обычной, с точки зрения носителей русского языка, лексике. Кроме того, в дальнейшем было бы целесообразно добавить в словарь примеры употребления многих терминов в контексте. В «статическом» словаре примеры употребления мешали бы заучиванию лексики списком, но в электронном формате этого можно избежать, позволив пользователям самим включать и отключать примеры.

Среди трудностей составления словаря, помимо культурно-обусловленных различий между понятиями, отметим специфику коммуникации врач–пациент. Как известно, медицинский дискурс и медицинская компетенция делятся на несколько уровней (научный, профессиональный, практический, наивный – Алексеева, Мишланова 2002: 104–105; Bergenholz, Tarp 1995: 19). При коммуникации «врач–пациент» задействован практический уровень дискурса, а медицинская компетенция пациента, как правило, находится на бытовом, наивном уровне. Социальный переводчик также обычно не имеет медицинского образования. Соответственно, перед составителями словаря встает вопрос: что делать, если бытовая медицинская лексика отличается от научной? Приводить ли научные или бытовые названия и в каком порядке их расставлять? Например, термины «гипертония» и «аденома простаты», привычные для пациентов, с научной точки зрения устарели, и специалисты пользуются терминами «артериальная гипертензия» и «гиперплазия предстательной железы», которые не всем пациентам знакомы и понятны.

Еще одну трудность представляет собой обилие синонимов в медицинской области (см., напр., Курышко 2001), в частности сокращений (Сухарева, Черникова 2014: 117). Хотя использование кратких форм терминов отвечало бы потребностям переводчиков, далеко не все сокращения «на слуху». Например, сокращение «УЗИ», по-видимому, знают практически все, а вот «НПВС» (нестероидные противовоспалительные препараты) уже куда менее известно, несмотря на широкое распространение данной группы препаратов. Универсальных методов лексикографирования проблематичных случаев, по всей видимости, не существует, и решение приходится принимать в каждом случае индивидуально, с опорой на мнение как специалистов, так и целевых групп словаря.

Литература

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
2. Гринев-Гриневич С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. – Изд. 3-е, доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
3. Кудашев И.С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki: Yliopistopaino, 2007. – 443 с.
4. Курышко, Г.Ф. Явление синонимии в профессиональной лексике (на материале немецкой и русской медицинской терминологии). – М.: Народный учитель, 2001. – 133 с.

5. Сухарева, Е.Е., Черникова, Н.С. Проблемы перевода медицинского дискурса в контексте социального перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2014. – С. 115–120.
6. Bergenholz, H., Tarp, S. (eds). Manual of Specialised Lexicography. The Preparation of Specialised Dictionaries. Amsterdam: Benjamins, 1995.
7. Mäntynen, A. Asioimistulkkaus maahanmuuttajien terveyspalvelu-yksikössä Tampereella // Koskinen, K. (ed.). Tulkattu Tampere. Tampere: Tampere University Press, 2012. 106–125.

К.А. Логунова
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
Одинцово, Россия

ДОКУМЕНТ КАК ТИП ТЕКСТА

Аннотация. Статья раскрывает содержание понятия "документ" и рассматривает виды документации и их языковые особенности. Автор акцентирует внимание на отличительных признаках и характеристиках дипломатических документов, уделяя особое внимание таким документам, как Договор и Меморандум о договоренности.

Ключевые слова: язык дипломатии; язык для специальных целей; термин; терминология; документ, договор, Меморандум о договоренности.

*Ksenia A. Logunova,
MGIMO-University,
Odintsovo, Russia*

DOCUMENT AS A TYPE OF TEXT

Abstract. The paper names types of documents and reveals their language peculiarities. Diplomatic documents are highlighted, especially the Treaty and the Memorandum of Understanding. The author tells about their functions which are connected to specific terms and other language means.

Keywords: document, term, terminology, LSP, Treaty, Memorandum of Understanding.

Документ – это деловая бумага, служащая свидетельством чего-либо или подтверждающая право на что-либо.

Язык документации относится к официально-деловому функциональному стилю, который удовлетворяет потребность общества в документальном оформлении разных актов государственной, общественной, политической и экономической жизни.

Документы различаются по своему назначению, наименованию (служебные письма, телеграммы, анкеты, стандарты), степени гласности (открытые (несекретные) и документы с ограниченным доступом), способу фиксации (письменные, графические и фото-фоно-кинодокументы), месту составления (внутренние и внешние), степени сложности, юридической силе (подлинные и подложные, действительные и недействительные), степени

обязательности (информационные и директивные), срокам исполнения (срочные и несрочные), характеру содержания (первичные и вторичные) и другим параметрам. В рамках классификации по назначению документы можно разделить на две большие группы. Первая — это документы по общим и административным вопросам, т.е. вопросам общего руководства предприятием (организацией) и его производственной деятельностью. Вторая группа — документы по функциям управления. Такие документы составляют работники финансовых органов, бухгалтерии, отделов планирования, снабжения и сбыта, других функциональных подразделений. Документы могут быть организационными (Устав, Положение, Должностная инструкция, Штатное расписание), распорядительными (Приказ, Указание, Распоряжение, Решение, Постановление), информационно-справочными (Акт, Протокол, Докладная записка, Объяснительная записка, Служебная записка, Письмо, Справка). Выделяют также учетно-расчетные или бухгалтерские документы (Платёжное поручение, Счет-фактура, Накладная, Акт), нормативные (Стандарт, Нормы, Правила, Своды правил, Регламент) и некоторые другие [Кирсанова].

Несмотря на различия в содержании отдельных типов, официально-деловая речь имеет общие стилевые черты: точность, детальность и стереотипность изложения; стандартность; предписывающий характер, а также официальность, строгость выражения мысли, логичность и объективность.

К текстам официально-деловой речи предъявляется требование однозначности прочтения. Для лексического состава является характерным присутствие значительного количества профессиональных терминов. Многие глаголы содержат тему долженствования или предписания: запретить, разрешить, постановить, обязать. Одна из ярких (и определяющих) черт официально-делового стиля — употребление отглагольных имён существительных — распространение (*distribution*), запрещение (*prohibition*), разоружение (*disarmament*) и других, а также событийных имён — война (*war*), мир (*peace*), безопасность (*security*). Стоит отметить, что в сочетании с местоимением «мы» (в практике составления официальных документов принят так называемый «мы»-подход) глагол в настоящем или будущем времени образует специфику стиля.

Для официально-делового функционального стиля характерно сокращение числа значений слов, вплоть до узкой терминологизации. Поэтому часто в текстах данного стиля приведены точные определения применяемых слов и понятий. В лексическом составе присутствует значительное количество терминов. При этом, как отмечает И.Р. Гальперин, термины в основном лишены эмоционального значения, хотя и могут в отдельных случаях

приобретать в тексте определенную эмоциональную окраску [Гальперин, 2012: 58]. Спорно также и утверждение об однозначности и точности терминов. С.Д. Шелов подчеркивает, что утверждения об однозначности и точности терминов в значительной мере преувеличены: «имеется почти регулярная многозначность некоторых технических терминов: смазка (вещество) – смазка (процесс), верстка (первый корректурный оттиск) – верстка (процесс)», для лингвистической терминологии регулярная многозначность вида «раздел науки – совокупность всех единиц, операций и отношений данного уровня», которая наблюдается в терминах типа фонетика, фонология, морфология, синтаксис. Кроме того, С.Д. Шелов исследует дефиниции терминов, которые включают выражения, допускающие различные интерпретации, так называемые полиморфные определения и, соответственно, полиморфные термины. Однако в целом, для официально-делового стиля недопустимы полисемия (многозначность), метафорическое использование слов, употребление слов в переносных значениях [Шклов 1995: 71].

Для этого стиля характерно употребление словосочетаний «нейдиоматического» характера, таких как «высшее учебное заведение», «налоговая декларация», «акционерное общество». Однотипность подобных словосочетаний и их высокая повторяемость приводят к клишированности используемых языковых средств, что придает текстам официально-делового стиля стандартный характер. Стоит также отметить, что обычно предложения содержат достаточно большой объем информации и рассчитаны на повторное прочтение. Простые предложения осложняются однородными членами, используются пассивные конструкции, сложноподчиненные предложения с придаточным условия.

Деловой речи свойственны безличность изложения и отсутствие оценки. То есть в данной области являются характерными такие черты, как беспристрастная констатация, изложение фактов в логической последовательности.

Рассмотрим документы, принадлежащие к дипломатической сфере - официальной деятельности правительства по осуществлению внешней политики государства. Язык дипломатических документов характеризуется частотным употреблением терминов, в том числе латинского, греческого и французского происхождения, аббревиатур, гибких формулировок и выражений высокого стиля (поскольку язык дипломатических документов влияет на имидж государства), а также эвфемизмов. На синтаксическом уровне преобладают длинные предложения, осложнённые причастными оборотами или однородными членами; сложноподчинённые предложения с различными типами придаточных частей. Является характерным также

употребление условно-уступительных предложений, конструкций с ослабленной модальностью долженствования, гибких формулировок, что соответствует требованиям дипломатического этикета.

Рассмотрим два документа, относящихся к сфере дипломатии, – Договор и Меморандум о договоренности. Данные документы предназначены, главным образом, для дипломатов, людей, связанных с международными отношениями, официальных лиц, политиков. Данные дипломатические документы имеют свои языковые особенности, подчеркивающие, главным образом, различия в их функциях.

Термин «Договор» (Treaty) обозначает международное соглашение между государствами в письменном виде, которое направлено на создание прав и обязанностей, согласно международному праву. Договоры могут называться по-разному, например, Соглашение, Конвенция, Протокол, Договор и так далее. Они могут быть в форме отдельного акта с пронумерованными статьями или в форме обмена нотами (официальное дипломатическое обращение правительства одного государства к правительству другой страны). Договоры могут также заключаться между государством и международной организацией. Для определения того, является ли документ договором, необходимо проанализировать его содержание, то есть выяснить, имели ли стороны намерение взять на себя международно-правовые обязательства. Бывают случаи, когда договоры именуются даже декларациями или меморандумами, хотя традиционно документы с такими названиями договорами не являются. Договор составляется либо на языках всех договаривающихся сторон, либо на одном или нескольких согласованных между ними языках. Договоры, заключаемые в рамках международных организаций, составляются на официальных языках этих организаций. Договор может вступать в силу со дня подписания, либо предусматривать дополнительные внутригосударственные процедуры (ратификация и тому подобное). Во втором случае он вступает в силу после обмена документами о выполнении таких процедур. Стоит также отметить, что международные договоры являются одним из важнейших источников международного права [www.fco.gov.uk].

В меморандуме о договоренности (Memorandum of Understanding) указываются международные обязанности, но в форме, которая не предусматривает юридических обязательств. Меморандум о договоренности используется в случаях, где считается предпочтительным избегать формальностей договора (Treaty), например, где имеются часто изменяющиеся условия или если предмет договоренности носит технический или административный характер; в случаях, связанных с обороной или технологиями, где требуется классификация подобных документов; или когда договор требует второ-

степенных документов для уточнения деталей. Так же, как и договор, Меморандум о договоренности может называться по-разному и быть в форме обмена нотами или отдельного документа. Тем не менее, формальности, присущие заключению договора, не применяются по отношению к меморандуму, и он обычно не публикуется. Термин «Меморандум о договоренности» является наиболее общим для юридически не обязывающих документов. Меморандум может быть как самостоятельным документом, так и приложением к личной или вербальной ноте [www.fco.gov.uk]. В последнем случае меморандум развивает и обосновывает содержание ноты. Отличительная черта меморандума – подробное изложение фактической или юридической стороны того или иного вопроса.

Было обнаружено, что в Меморандуме о договоренности употребляется определенная терминология, указывающая на то, что эти документы не являются договорами.

Подобный документ не называется «Соглашением» ("Agreement"), слова «соглашаться» (agree) и его производные не употребляются. Вместо этого, говорят "Participants enter into arrangements" (участники приходят к взаимопониманию по) или "have reached the following understandings" (достигли следующих договоренностей).

Условия содержат выражения, характеризующие намерения, а не обязательства, чтобы избежать формальностей договора. Некоторые слова никогда не используются, и употребляются альтернативные варианты. Так, например, вместо 'agree to', 'conditions', 'enter into force' и 'obligations' используются соответственно 'decide', 'provisions', 'come into effect' и 'commitments'.

Таким образом, можно отметить, что, в целом, язык документов характеризуется использованием точных выражений, которые исключают двусмысленность (в том числе, термины), а также сложных предложений и безличных конструкций. При этом каждый вид документации имеет свои лингвальные особенности, зависящие от назначения документа. Однако, как можно увидеть на примере сравнения Договора и Меморандума о договоренности, даже в рамках одной сферы деятельности часть лексических единиц, употребляемых в одних документах, неприемлема для других. Это необходимо для четкого разграничения документов по функциям и недопущения их неправильного истолкования, особенно если в документе предусматривается взятие на себя каких-либо юридических обязательств (как в Договоре) или просто достижение договоренностей (как в Меморандуме).

Литература

1. *Авербух К. Я.* Общая теория термина. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 252 с.
2. *Баландина Л. А., Кураченкова Г. Ф.* Язык дипломатии: традиции и современность. // <http://www.ling-expert.ru> (дата обращения: 01.03.19)
3. *Блох М. Я.* Диктема в уровневой структуре языка. // Вопросы языкознания, 2000. №4. С. 64-69.
4. *Блох М. Я.* Язык, культура и проблема регуляции речевого общения. // В журн. «Язык. Культура. Речевое общение». М., 2013. №2. С. 5-9.
5. *Блох М. Я.* Язык обиходный, язык художественный и обществоязыкотворец. // В журн. «Язык. Культура. Речевое общение». М., 2012. №1. С. 5-12.
6. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. – М.: Либроком, 2012. – 376 с.
7. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика. М.: Флинта, Наука, 2006. 256 с.
8. *Шелов С.Д.* Определение терминов и понятийная структура терминологии. – Изд-во С. Петербургского Университета, 1998. – 236 с.
9. *Шелов С.Д.* Опыт построения терминологической теории. Значение и определение терминов : Дис. ... д-ра филол. наук – М., 1995. – 403 с.
10. *Шелов С.Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. – 280 с.
11. *М.В. Кирсанова, ЮМ. Аксенов.* Курс делопроизводства. Документационное обеспечение управления. Учебное пособие, 2-е издание. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bibliotekar.ru> (дата обращения: 20.03.19)
12. *Wüster E.* Die allgemeine Terminologielehre – eine Grenzgebiet zwischen Sprachwissenschaft, Logic, Ontologie, Informatik und Sachwissenschaften / E. Wüster // Linguistics. – 1974. № 119. – Pp. 61 – 106.
13. *Foreign and Commonwealth Office* // <http://www.fco.gov.uk> (дата обращения: 10.03.19)

С.Л. Мишилanova, Н.В. Бисерова, Д.Д. Курушин

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

г. Пермь, Россия

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ТЕРМИНОВ
МИГРАЦИОННОГО ПРАВА СТУДЕНТАМИ НЕПРАВОВЫХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ: ПЕРСПЕКТИВА СОЗДАНИЯ
ВОЛОНТЕРСКОГО СЛОВАРЯ**

Аннотация. В данной статье представлена попытка описания особенностей и принципов создания волонтерского словаря как особого типа на примере терминологии миграционного права. Выделены этапы создания словаря, такие как выбор предметной сферы и целевой аудитории, разработка методики анализа, отбор терминов, проведение анализа и подсчет полученных данных. Механизмом создания волонтерского словаря выступает психолингвистический эксперимент с применением метода наивных толкований. Представлен содержательный и количественный анализ полученных толкований студентов неправовых специальностей.

Ключевые слова: волонтерский словарь, терминология, миграционное право, психолингвистический эксперимент, метод наивных толкований.

Svetlana L. Mishlanova, Natalia V. Biserova, Dmitry D. Kurushin

Perm State National Research University

Perm, Russia

**PERCEPTION OF MIGRATION LAW TERMINOLOGY BY THE
STUDENTS OF NON-LAW SPECIALTIES: PROSPECTS OF
VOLUNTEER DICTIONARY CREATION**

Abstract. This article presents an attempt to describe the features and principles of creating a volunteer dictionary as a special type of dictionary based on the terminology of migration law. The stages of creating the dictionary are identified, such as the choice of the subject area and the target audience, the method of analysis, the selection of terms, the analysis and calculation of the obtained data. The mechanism for creating a volunteer dictionary is a psycholinguistic experiment using the method of naive interpretation. Substantive and quantitative analysis of the interpretations of students of non-legal specialties is presented.

Keywords: volunteer dictionary, terminology, migration law, psycholinguistic experiment, naive interpretation method.

В современном постиндустриальном обществе, в котором ключевую роль играет информация, активируются процессы медиации знания между специалистами и неспециалистами предметных сфер. Одним из средств такой медиации является терминографическая деятельность. Однако возникают трудности, связанные с тем, что традиционные словари терминов не успевают зафиксировать в полном объеме структурно-семантические изменения специальной лексики, которые происходят значительно раньше, чем бумажные словари оказываются в распоряжении пользователя. Кроме того, функционирование терминологии все чаще выходит за рамки специальной коммуникации в обыденную сферу, что актуализирует задачу создания особых словарей, ориентированных на широкий круг пользователей. Таким решением становятся словари коллективные, или волонтерские, составителями которых являются сами представители той или иной социальной группы. Задача этих словарей состоит в фиксации подвижного и периферийного лексического пласта языка, отражении фрагмента наивной картины мира, которая является необходимой когнитивной основой адаптации человека к миру [цит. по Ерофеева 2012: 231]. Создание волонтерских словарей в режиме «online» в условиях развития интернета, увеличения скорости обмена информацией, внедрения новых понятий в общее употребление упрощает и ускоряет фиксацию лексики, что дает определенное преимущество, по сравнению с традиционными словарями. В связи с появлением и распространением таких коллективных волонтерских словарей становится возможным «говорить о новом лексикографическом процессе, стирающем явные границы между лексикографом-редактором, лексикографом-составителем и пользователем». Таким образом, работа над словарем ведется не традиционным способом от редакторов к читателям, а наоборот от читателей к редакторам [Маник 2019: 82]. Все это отражается на особенностях и структуре такого типа словаря. В этой связи обратимся к этапам и принципам создания волонтерского словаря, которые положены в основу нашего исследования.

Первым этапом разработки волонтерского словаря является выбор предметной сферы. Так, базой для создания волонтерских словарей может служить «социально значимая лексика терминологического характера» [Рычкова 2018: 107], в частности терминология миграционного права. Полагаем, что создание волонтерского словаря данной предметной сферы может выступать одним из средств повышения правовой грамотности населения, противодействия конфликтам принимающей культуры и

мигрантов, упрощения интеграции последних. Этому способствует тот факт, что в волонтерских словарях дефиниции содержат не только денотативное, но и эмотивное значение, включающее культурные коннотации и расширяющие знания о разных субъектах миграции.

Вторым этапом считаем определение целевой аудитории и разработку методики составления волонтерского словаря. Целевой аудиторией в исследовании являются российские студенты неправовых специальностей Пермского государственного национального исследовательского университета (далее – ПГНИУ). Выбор данной целевой аудитории обусловлен, во-первых, недостаточным уровнем международно-правовых знаний у студентов и необходимостью их формировать в условиях глобализированного мира, во-вторых – увеличением количества иностранных студентов в ПГНИУ и потребностью в эффективной межкультурной коммуникации, в-третьих – повышением возможностей академической мобильности российских студентов как потенциальных мигрантов в целях упрощения их адаптации в чужой стране. Итак, целевой группой выступили 17 студентов-магистрантов 1 курса факультета современных иностранных языков и литератур ПГНИУ в возрасте от 20 до 50 лет.

Обращаясь к методике нашего исследования, стоит учитывать тот факт, что волонтерские словари создаются как отражение не научной, а именно наивной картины мира. Следовательно, механизмом их создания может выступать психолингвистический эксперимент. Одним из наиболее востребованных техник является ассоциативный психолингвистический эксперимент, который определяется как прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте» [Горошко 2001]. Само ассоциирование – процесс двойственный, поскольку, «с одной стороны, ассоциируя, индивид воспроизводит личностный опыт, с другой – повторяющийся типичный, т. е. языковой и социальный опыт» [Паутова 2007]. В работе ассоциативный эксперимент выступает в качестве эффективного прикладного метода исследования с использованием метода наивного толкования слов-стимулов. Отличия словарных толкований и толкований испытуемых, прежде всего, касаются использования ассоциативного способа, который не используется в словарях, но отмечается в ответах испытуемых [Белов 2018: 84].

Третим этапом выступает отбор терминов и проведение направленного ассоциативного эксперимента с использованием метода наивного толкования слов-стимулов. Для эксперимента были выбраны пять следующих терминов-стимулов предметной области «Миграционное право»: *анатрид, трудящийся мигрант, нелегальный мигрант, иностранец, беженец*. Термины отбирались

по степени детерминологизации, то есть ослабления специального компонента значения в структуре дефиниции изучаемого понятия «субъект миграционного права». Основываясь на ранее проведенном исследовании, в структуре понятия «субъект миграционного права» выделяем два облигаторных компонента: миграционный компонент (далее – МК) и правовой компонент (далее – ПК), а также оценочный компонент (далее – ОК) [Бисерова 2018]. Кроме содержательного компонента, мы учитывали и формальный компонент, т. е., насколько внутренняя форма термина-стимула помогает идентифицировать научное или обыденное понятие и дать толкование соответственного уровня детерминологизации. В итоге, пять предложенных стимулов условно распределены на три группы.

К первой группе относим стимул *anatrid*, который имеет в формальной структуре ПК, что свидетельствует о высокой степени специального компонента значения и приближает данный стимул к термину, зафиксированному в отраслевом словаре. Кроме того, данный стимул имеет немотивированную форму слова иностранного происхождения, что может затруднить восприятие данного термина неспециалистом и повлечет его некорректное толкование.

Ко второй группе относим термины-стимулы *трудящийся мигрант*, *нелегальный мигрант*. Данные номинации в своей форме содержат два облигаторных компонента понятия «субъект миграционного права»: ПК и МК. Формальные компоненты терминологических словосочетаний в виде определений «трудящийся», «нелегальный» являются доступными для восприятия неспециалистами. При этом определение «трудящийся» русского происхождения и относится скорее, к обыденной сфере функционирования, чем заимствование «нелегальный». Второй компонент терминологического словосочетания «мигрант» однозначно соответствует специальной предметной сфере.

Третью группу стимулов составляют термины *иностраниц*, *беженец*, которые в форме содержат только МК. Формальный компонент соотносится с обыденной сферой употребления и в наибольшей степени отдаляет данные стимулы от специальной сферы «Миграционное право». В ходе эксперимента была предложена анкета, содержащая 5 заголовочных слов-стимулов и в задании студентов-неспециалистов просили продолжить предложение, таким образом, дать свое толкование термину. Всего было получено 85 наивных толкований.

На четвертом этапе осуществляется семантико-когнитивный анализ полученных толкований. Для этого проводится компонентный анализ каждого толкования, выделяются семантические компоненты значения, которые, в дальнейшем соотносятся со структурой понятия «Субъект миграционного

права». В итоге, определяется соотношение МК, ПК, ОК в структуре значения каждой definicijii. Представим примеры такого анализа.

Иностранец – резидент другой страны, вероятно противник.

Выделим компоненты значения данной definicijii: 1) *иностранный гражданин* 2) *другая страна* 3) *противник*. Структура definicijii содержит МК (семы 1, 2) и ОК (сема 3). Сема (3) *противник* определяется в толковом словаре русского языка как: 1) тот, кто противодействует кому-либо., враждебно относится 2) враг, недоброжелатель [Словарь Ожегова: электронный ресурс]. Очевидно, что данная сема носит оценочный характер и негативно окрашена. Проанализированный термин относится к третьей группе стимулов, которая в рамках нашего исследования в большей степени приближена к общязыковому значению. В данном примере поставленная гипотеза подтверждается, поскольку присутствует только МК, а ПК, отражающий специальное значение отсутствует. К тому же наблюдается отрицательно окрашенный оценочный компонент.

Рассмотрим еще один пример толкования:

Трудящийся мигрант – человек, который находится на оплачиваемой должности, на территории государства, гражданином которого он не является. Определим семантические компоненты данного толкования: 1) *иностранный гражданин* 2) *другая страна* 3) *соблюдение нормы права*. Соотнесем семантические компоненты толкования со структурой понятия «субъект миграционного права»: МК (семы 1, 2), ПК (сема 3). Так, проанализированный термин-словосочетание относится ко второй группе стимулов и отражает оба облигаторных элемента изучаемого понятия.

Проведенный компонентный анализ полученных в эксперименте толкований выявил следующие модели наивных толкований: definicijii, содержащие только ПК; definicijii, содержащие только МК; definicijii, содержащие оба компонента – ПК и МК.

Примерами первой модели служат такие толкования, как: *нелегальный мигрант* – человек, который нарушил миграционное законодательство государства (ПК); *апатрид* – человек, не имеющий гражданства (ПК).

К примерам второй модели отнесем следующие: *иностранец* – человек, не проживающий постоянно на определенной территории (МК); *трудящийся мигрант* – работающий человек, переходящий из своей страны в другую (МК).

Третья модель толкований представлена в примерах: *апатрид* – лицо не получившее гражданство в стране проживания, кандидат для депортации (МК и ПК); *нелегальный мигрант* – иностранец, незаконно прошедший на

территорию чужого государства, как правило, с целью наживы либо получения нелегального рабочего места (МК и ПК).

На заключительном пятом этапе исследования был проведен количественный анализ полученных толкований, в ходе которого были подсчитаны данные о количестве наивных толкований, содержащих в структуре значения семантические компоненты с положительной, отрицательной, нейтральной оценками, а также количество отказов толкований на термины-стимулы.

Прежде всего, отметим, что не все предъявляемые стимулы оказались знакомы респондентам. Например, на термин *апатрид* было получено 64 % отказов. В полученных толкованиях на данный стимул содержалась нейтральная, негативная и положительная оценка. При этом ОК с отрицательным значением (35, 29 %) превышает ОК с положительным значением (17, 65 %). На данный стимул преобладают модели с ПК (24 %), модели с МП составляют 12 %, а модели с МК отсутствуют.

В толковании термина *иностраниц* отказов не было. Присутствуют такие компоненты реакций как *противник, гражданин другой страны, индивид, говорящий на иностранном языке* и др. В структуре значения преобладает нейтральная (64, 71 %) и положительная (23, 53 %) оценки. Выявлено преобладание моделей с МК и ПК (53 %), в меньшей степени представлены реакции с МК (47 %), а реакции с ПК отсутствуют.

Преобладание семантических компонентов со значением отрицательной оценки (76,47 %) наблюдается у термина-стимула *нелегальный мигрант*. В толковании данной лексической единицы использовались такие слова, как *незаконный, с целью наживы, нарушив закон, скрывается от миграционной службы* и т. д., что подчеркивает негативное восприятие данного понятия. Преобладающей моделью толкования этого термина является модель, содержащая МК и ПК (82 %), значительно слабее представлены две другие модели: ПК (12 %) и МК (6 %). Отказов и толкований с положительной коннотацией дано не было.

Толкование термина *беженец* в основном содержит положительно окрашенные семы (58,82 %) против отрицательно окрашенных (5,88 %). Все респонденты предложили свое толкование данного понятия. Преобладающей моделью наивной дефиниции является МК и ПК (76 %), модели с МК составляют 24 %, а модели с ПК отсутствуют.

На стимул *трудящийся мигрант* также отказов не было. Дано 23,53 % ответов с положительными семами, против 17,65 % с отрицательными семами. Модели с МК преобладают (59 %), модели с МК и ПК составляют 41 %, модели с ПК отсутствуют.

Результаты проведенного эксперимента показали, что, несмотря на то, что в качестве стимулов выступали термины, понятийная структура дефиниции не всегда восстанавливалась в реакциях информантов. В ряде случаев в значительной степени представлен оценочный компонент. Также отмечено большое количество отказов на один из терминов-стимулов.

Литература

1. *Белов В.А.* Способы наивного толкования лексического значения существительных // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №4 (15). С. 83–91.
2. *Бисерова Н.В.* Варьирование терминологии миграционного права в медийном дискурсе : автореф. дис...канд. филол. Наук : 10.02.19 / Н. В. Бисерова [Место защиты: Перм. гос. нац. исслед. ун-т]. – Пермь, 2018. – 23 с.
3. *Горошко Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.; Харьков: Ра-Каравелла. 2001. 320 с.
4. *Ерофеева Е.В.* Влияние специальности на структуру языковой картины мира. Филологические заметки. 2012. Т. 2. – С. 229–245.
5. *Маник С.А.* Мечты лексикографа в эпоху информационных технологий. Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2019. Вып. 15. – С. 80–88.
6. *Паутова Л.А.* Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2007. № 24. С. 149–168.
7. *Рычкова Л.В.* Отражение многозначности в словаре социально значимой лексики терминологического и профессионального характера белорусского языка // Вісник термінологічної комісії. 2018. № 2. – С.107–119.

Н.С. Патрикеева

Кировский государственный медицинский университет

Киров, Россия

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются этапы развития терминологии трансплантологии в XX в. Проводится корреляция между экстралингвистическими факторами, формированием и расширением терминологии трансплантологии.

Ключевые слова: экстралингвистические факторы, терминология трансплантологии, терминоведение.

*Nadezhda S. Patrikeeva
Kirov State Medical University,
Kirov, Russia*

EXTRALINGUISTIC FACTORS OF TRANSPLANTATION TERMINOLOGY DEVELOPMENT

Abstract. The article discusses the stages of the development of transplantation terminology in the twentieth century. A correlation is made between extralinguistic factors, the formation and expansion of transplantation terminology.

Keywords: extralinguistic factors, terminology of transplantation

При изучении эволюции отраслевой терминологии экстралингвистические факторы, такие, как научно-технический прогресс (появление новых объектов и явлений действительности, изменение референта), изменение социально-исторических условий жизни языкового коллектива, в том числе новых религиозных и эстетических взглядов, лингвопсихологические факторы, среди которых главная роль принадлежит ассоциативности мышления играют первостепенную роль. В 1970 г. Б.А. Серебренников писал, что «современная постановка проблемы заключается не в том, чтобы изучать одни причины в ущерб другим, а в том, чтобы объективно показать, в чем именно может проявиться действие тех и других, и их конкретное переплетение» [Серебренников 1970: 217]. Рассмотрим, как развивалась терминология

трансплантологии (ТТ) на протяжении ста лет и, какие экстралингвистические факторы оказывали влияние на ее расширение.

Терминология проходит длительный путь становления. Обычно этот процесс имеет место в период формирования области знания или деятельности (трансплантология до 50-х годов XX в.). Факт завершения этапа складывания терминологии означает, что в определенной области знаний или деятельности наступает период стабилизации, когда достаточное количество фактов непротиворечиво описывается совокупностью терминов (в трансплантологии - к 70-ым гг.). Затем наступает этап развития терминологии на собственной основе (в трансплантологии - после 70-х гг.). Можно выделить четыре направления такого развития, связанных со спецификой прогресса медицинского знания и практики. Прежде всего, имеет место дальнейшее углубление познания, которое, чаще всего, находит языковое выражение именно в том, что термин становится родовым, а при нем возникает несколько видовых. Например, *отторжение транспланта* начали дифференцировать как: *сверхострое, острое, хроническое, гуморальное, опосредованное Т-лимфоцитами*. Второе направление развития ТТ - появление новых объектов техники, производства вследствие прогресса науки и медицинской практики (например, способы *консервации донорских тканей и органов*). Третий путь развития ТТ связан с вовлечением в трансплантологию новых подотраслей. В ряде случаев это приводит к перестройке терминологии, в других случаях - к образованию некоторого конгломерата терминов. Так, прорыв в иммунологии в 60-х годах XX в. не привел к перестройке ТТ, а создал новую терминологическую группу *транспланационной иммунологии*. Наконец, четвертое направление развития терминологии реализуется в тех случаях, когда происходит коренная перестройка взглядов в отрасли знаний или деятельности, так называемая «научная революция» (Т. Кун). Можно сказать, что подобная перестройка в трансплантологии произошла с появлением концепции «смерти мозга» в конце 60-х годов. Анализ логических и лингвистических особенностей ТТ дает возможность сформулировать мысль о двух направлениях развития ТТ и о двух путях реализации этого развития: очевидно, имеет место количественный рост, или обогащение ТТ, и это направление реализуется в виде роста гнезд терминов; имеет место также качественный рост, или разветвление ТТ, и это направление реализуется в виде развития терминологических парадигм на разных уровнях иерархии. Причиной пополнения ТТ в обоих случаях служат развитие объективной реальности и ее дальнейшее осмысление, а проявляется это в языковых фактах. Развитие ТТ - постоянный процесс, который проявляется в ряде терминологических явлений. Сложность

формулирования общих законов развития терминологии заключается в том, что в области языка многие законы реализуются не непосредственно, а в виде тенденций [Гринев-Гриневич: 2008]. На формирование и развитие ТТ повлияли следующие экстралингвистические факторы:

1. Особенности зарождения области знания. Рождение научной дисциплины определяется следующими параметрами: а) наименование (в нашем исследовании - *трансплантология*), б) период возникновения от первых публикаций до окончательного формирования (трансплантология - 1880-е гг. XIX в. - 50-е гг. XX в.), в) литература (огромный объем, наличие всех типов научно-учебной литературы: учебники, руководства, монографии, труды, статьи, периодические журналы), г) институты (НИИ, клиники, кафедры, общества, международные и национальные ассоциации), д) кадры (научные школы (напр., школа врача-трансплантолога В.И. Шумакова), спецкурсы, ведущие клиники и специалисты), е) предмет, задачи и цели (пересадка органов и тканей, восстановление функций или замена органов, утративших свои функции для спасения жизни человека), ж) теория (факты, их оценка и методы исследования), з) язык - терминология и ее состояние (сформировавшаяся терминология трансплантологии), и) место среди наук (медицина - хирургия - иммунология). Новые области знания образуются по трем основным моделям: 1) в результате дифференциации знания и отпочкования от данной предметной области (*реплантация* от трансплантологии), 2) в результате взаимодействия двух наук на их стыке (*транспланационная иммунология*), 3) комплексные науки и дисциплины, образовавшиеся в результате взаимодействия ряда наук (*трансплантология: хирургия, биология, иммунология, клиническая медицина, реаниматология* и др.).

2. Хронологический фактор. Данный фактор проявляется в том, что, *primo*, в период становления ТТ в качестве терминов использовались слова из общеупотребительного русского языка, *secundo*, трансплантология, как молодая наука, заимствовала термины из смежных областей знаний, таких, как клиническая медицина, а также пластическая хирургия, на основе которой она возникла. В результате структура значений базовых терминов становилась все более сложной и специализированной (напр., термины хирургии). Кроме того, существует корреляция между определенными моделями образования терминов и конкретными временными рамками. Так, в трансплантологии термины-эпонимы, обозначающие хирургические методы и техники появились в конце XIX в. - первой трети XX в., а составные термины,

заемствованные из английского языка – в конце XX - начале XXI вв. (сплит-печень, кросс-матч тест).

3. Состояние данной области знания. Различные радикальные процессы - зарождение области знания, смена господствующих теорий, филиация - вызывают "всплеск" синонимии и полисемии, одновременному функционированию старого и нового термина (в трансплантологии это открытие *иммунного ответа* на чужеродный орган в 1952 г., появление концепции *смерти мозга*). В относительно спокойные периоды развития области знания происходят словообразовательные процессы детализации понятий, приводящие к росту числа словосочетаний и лексической длины терминов (современный этап трансплантологии).

4. Характер области знания во многих случаях определяет особенности семантики терминологии и возможную степень ее упорядочения. Так в медицине появилась антиномия умозрительно-мифологического и конкретно-предметного знания. Эта антиномия обусловила разницу в мышлении и соответственно в терминологии: если в области терапии до сих пор наблюдается некоторая абстрактность, то терминология хирургии и трансплантологии, в частности, отличается конкретностью и большей тенденции к точности.

5. Региональные различия в развитии науки обуславливают направление заимствования терминов. Как заимствование латинских терминов в период становления русской медицинской терминологии двести лет назад, так и заимствование английских терминов в современной трансплантологии способствовало интернационализации терминологии. Основными экстралингвистическими причинами заимствований в ТТ являются: более высокий уровень развития науки страны, из языка которой заимствуются новые термины; возникновение новых научных понятий (открытый, практик, методов и т.п.) за рубежом, рост интеграции наук и международной коммуникации; директивы ВОЗ относительно международной терминологии, которые отражают основные понятия и принципы трансплантологии.

6. Области применения терминов (устная и письменная речь специалистов, подготовка кадров, система управления, стандартизация) влияют на степень их внедренности и форму упорядочения. Устойчивость и внедрение терминов зависят также от круга пользователей ими.

7. Особая необходимость однозначного понимания терминов в ряде ситуаций (в международном взаимодействии, правовых отношениях, биоэтике и др.) является фактором, способствующим повышению степени регламен-

тации терминологии и внедрению упорядоченных терминов. В трансплантиологии этот фактор отразился на необходимости в 2007 г. создания международного Глоссария основных терминов на конвенциональной основе. [Патрикеева 2017].

В качестве заключения можно сказать, что внешние исследования почти всегда присутствуют в языке для специальных целей. Социотерминология (Руанская школа: Gaudin (1993; 2003), Guespin (1995) и Guilbert (1965; 1975)) выдвигает на первый план эволюцию и вариативность в терминологии: «... отношение между терминоведением как дисциплиной и языковой практикой в ситуациях, где функционирует технический и научный дискурс, констатация такова: ускоряющаяся эволюция наук и техники влечет за собой увеличение наименований, перемещения знаний и умений, взаимодействие дисциплин» [Preface de Guespin dans Gaudin 1993 : 9]. Говоря о неологизмах, Гильбер писал: «Новые знания и методы не происходят из ничего, а вытекают из предыдущего опыта, лексическое обогащение не происходит путем введения в лексику однородного набора новых слов, соответствующих каждой новой технике...» [Гильбер 1975: 83] Одной из основных характеристик неологизмов является сопряженность между внутренним (лингвистическим) измерением и внешним измерением (экстравалингвистическим): «Но лексика не заключается только в системе лексического образования, она выводит нас на единицы языка, связанные с миром вещей, с мыслительными процессами, со всем движением мира и общества. [...] Хорошо известно, что лексика формируется путем естественного отложения всего экстравалингвистического; она основывается на социальной реальности и ее историческом развитии». [Гильбер 1965: 8]. Как видим, очевидна связь между эволюцией знания (появление нового научного, технического концепта) и эволюцией языка (создание нового термина). В ЯСЦ, где язык рассматривается как вектор знания, эта параллель особенно важна для анализа.

Литература

1. Серебренников Б.А. Развитие человеческого мышления и структуры языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания / отв. ред. Ф. П. Филин. – М., 1970.
2. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учебн. пособие для студентов высших учебных заведений [Terminology Studies. Manual for University Students]. – Москва: «Академия». – 2008.
3. Патрикеева Н.С., Байкова О.В. Конвенциональность медицинской терминологии // Вестник Вятского ГУ, Изд. ВятГУ. – 2017. – с. 44-49.
4. Gaudin F. Pour une socioterminologie: des problèmes sémantiques aux pratiques institutionnelles, avant-propos de Louis Guespin, préface de Pierre Lerat, Rouen. – Publications de l’Université de Rouen, n° 182, 1993.
5. Guilbert, L. La formation du vocabulaire de l’aviation. Thèse de Doctorat ès lettres, Faculté des Lettres et Sciences Humaines, Université de Paris, Larousse. – Paris, 1965.
6. Guilbert, L. La créativité lexical. Collectio “Langue et Langage”. – Larouss Université, Paris, 1975.

Е.П. Попова

Российский государственный университет правосудия

Москва, Россия

ДЕФОРМАЛИЗАЦИЯ СТИЛЯ ПРАВОВЫХ НОРМ: РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается тенденция к деформализации стиля английских юридических текстов. Современный юридический язык признан инструментом, обслуживающим нужды субъектов правовых отношений, что неизбежно поднимает вопрос о доступности текстов правовой направленности для понимания непрофессионалами. Приводятся аргументы сторонников и противников упрощения правовой коммуникации.

Ключевые слова: юридический язык, формальный стиль, общепотребительная лексика, правовая коммуникация.

Elena P. Popova

Russian State University of Justice

Moscow, Russia

SIMPLIFICATION OF LEGAL REGULATIONS STYLE: REALITY OF MODERN LEGAL ENGLISH

Abstract. The article deals with the tendency towards simplification of legal English texts. There are linguists and lawyers who question the comprehensibility of modern legalese as a tool used by entities of legal relations, while traditionalists have their reasons to keep to the rigid style.

Keywords: legal language, formal style, everyday English, legal communication.

Специальная юридическая и общеупотребительная лексика не существуют изолированно, взаимодействуя всякий раз, когда в область правовой коммуникации вовлечено лицо, не владеющее основами профессии юриста. Это объясняется тем, что юридический язык – это не только язык закона, государственных отношений и теории права, но и язык, который используется при допросах потерпевших, свидетелей и подозреваемых, при общении между юристами и их клиентами, используемый в документах различной направленности, в зале суда присяжными заседателями (не имеющими юридического

образования), язык общения преступников между собой и их жертвами [Schane 2006]. Юридический язык используется во всех областях коммуникативной стороны общения, касающихся права. В зависимости от коммуникативной ситуации общеупотребительная лексика может являться инструментом реализации правовой деятельности или сама стать объектом правового регулирования.

Взаимопроникновение лексических корпусов порождает тексты различной степени терминологизации, в соответствии с их жанровой направленностью. Так, законодательные тексты, традиционно относят к высоко-терминологизированным: термины и соответствующий стиль документа носят преобладающий характер, общеупотребительная лексика отнесена на периферию. Профессиональное, но не оформленное в виде документа общение юристов позволяет более широкое включение общеупотребительной лексики, а документы, создаваемые неспециалистами в области права, могут быть охарактеризованы как тексты низкой степени терминологизации.

Современный английский юридический язык можно отнести к достижениям юридической профессии. Ораторское искусство адвокатов, без которого участие в процессуальном словесном турнире было бы невозможно, шлифовалось в течение нескольких веков. Юристы на практике постигают приемы конструирования текста, не оставляющего возможности оспорить его в суде.

Однако ряд реформ, которые коснулись судебной системы и законодательства Англии, неизбежно отразились на профессиональном языке юристов во всех англоговорящих странах. Целью реформ стало максимальное разделение специализаций законодательной и судебной власти, процессуальное слияние права справедливости и общего права и обеспечение доступа граждан к системе правосудия в целом. Ранее самостоятельное обращение в суд без помощи квалифицированного юриста (*pro se* «от своего лица») было немыслимо из-за применения особых процессуальных форм (*Trespass* (иск о противоправном нарушении владения), *Covenant* (иск о договорных обязательствах), *Detinue* (иск о возвращении незаконно удерживаемого движимого имущества), *Special Assumpsit* (иск об убытках из нарушения положительно выраженного обязательства), *General Assumpsit* (иск об убытках из неисполнения подразумеваемого обязательства), *Debt* (иск о взыскании долга), и других).

В результате нововведений судьи отказались от технического и формального анализа формулировок и обратились к рациональному исследованию сути дела. Простые граждане, не владеющие навыками чтения сугубо профессиональных юридических текстов, вступают в договорные отношения

многократно в течение жизни и стремятся самостоятельно, без помощи юриста, понять содержание документа, который они подписывают. Эти и другие предпосылки повлекли за собой споры о необходимости упрощения и частичной деформализации делового стиля.

В своей работе Legal Language P. Tiersma [Tiersma 1999] указывает на сложность понимания непрофессионалами юридической терминологии и объясняет этот факт синтаксическими и лексическими особенностями юридического языка. Среди прочего он отмечает длину и сложность предложений, которые обусловлены многочисленными вынужденными вкраплениями детализации информации внутри предложения. Приведем свой пример, позаимствованный из приложения к договору страхования одной из международных страховых компаний:

“Therefore the Policyholder of this Policy, on behalf of all of these International Program Policies, has agreed to specific terms and conditions, exclusions and limitations for all International Program Policies , including the addition of a non-aggregation of this limit clause; pursuant to such non-aggregation of limit clause the Limit Liability under this Policy shall be reduced by any losses paid or which have been agreed to be paid, under any other International Program Policy, and the limit of liability under any and all International Program Policies shall be reduced by any losses paid or which have been agreed to be paid, under this policy and any other International Program Policy; the limit of liability of each International Program Policy therefore is combined and is part of and not in addition to the Limit of Liability of this Policy and each other International Program Policy.“ [Directors, officers and company liability insurance policy for private companies. Schedule. 2020].

«Таким образом, Держатель Полиса (сторона, заключившая Договор страхования), от имени всех Международных Страховых Полисов, согласился с особыми положениями и условиями, исключениями и ограничениями всех Международных Страховых Программ, включая неагрегатные страховые суммы по ограничительной оговорке; вследствие такой ограничительной оговорки по неагрегатным страховым суммам Ограничение Ответственности по данному Полису должно быть сокращено на сумму любых оплаченных убытков или убытков, которые будут оплачены по предварительному соглашению, в соответствии с любым другим Международным Страховым Полисом и ограничение ответственности по любому и всем Международным Страховым Полисам должно быть сокращено на сумму любых оплаченных убытков или убытков, которые будут оплачены по предварительному соглашению, по данному Полису и любому другому Международному Страховому Полису; ограничение ответственности по каждому Между-

народному Страховому Полису, таким образом, обобщается и является частью, но не дополнением к Ограничению Ответственности по данному Полису и любому другому Международному Страховому Полису» (*Перевод наш. – Е.П.*).

В данном предложении 145 слов. Избыточная пунктуация мешает восприятию текста: пунктуационный знак «точка с запятой» была дважды использована там, где был бы более уместен знак препинания «точка». Внимательный читатель также отметит неоднородное написание термина *limit of liability*: *limit of liability* vs *Limit of Liability* (в данном случае, можно, однако, предположить намеренное изменение правописания (строчная/прописная буква) с целью указать на сужение объема значения термина для целей документа).

Среди отягощающих текст формулировок P. Tiersma обращает внимание на тенденцию к избеганию употребления местоимений первого и второго лица, большое количество отрицательных конструкций и пассивного залога. David Mellinkoff не без иронии называет сложившуюся ситуацию "conspiracy of gobbledegook" «заговор бюрократического языка; заговор «птичий язык»» [Mellinkoff 1963], нацеленный на сохранение не только престижа профессии, но и заработка юристов. Таким образом, исследователи поднимают вопрос оправданности усложнения юридической коммуникации, особенно в ситуации, когда ее участником становится лицо, не владеющее специальной терминологией и стилем.

Подобные публикации все чаще встречаются не только в лингвистической литературе. В среде юристов-носителей языка оправданность тяжеловесности юридических текстов также подвергается сомнению (см., напр., на сайте Plain English Campaign «Кампания за чистоту английского языка»» <http://www.plainenglish.co.uk/> Confused.com, где ежегодно объявляются победители Plain English Award в различных областях коммуникации, в том числе правовой).

Не остается сомнений, что Plain English Campaign уже потревожила рабочий уклад англоязычных юристов, поэтому имеет смысл изучить аргументы за чистоту и упрощение профессионального языка, и их критику.

На официальном сайте Американского Правительства [Сайт Американского Правительства], размещены рекомендации American Bar Association федеральным агентствам по применению «простого языка» при создании документов. Инструкции, содержащиеся в рекомендациях, касаются принципов написания четкого и ясного текста, а именно: структуры текста, заголовков, использования придаточных предложений цели, дефиниций, пунктуации, использования прописных букв, орфографии, неясных форму-

лировок, перекрёстных ссылок. В приложениях указаны слова и выражения, которых следует избегать и которые предпочтительны к использованию.

Не менее интересной является рекомендация избегать использования довольно распространенной формулировки *and/or* в правовом документе [Haigh 2015]. Результатом включения *and/or* в текст договора или правовой нормы может стать неясное толкование, влекущее за собой правовую ошибку. Причиной является взаимоисключающее значение компонентов. Предложение должно быть сформулировано с использованием либо соединительного союза *and*, либо разделительного союза *or*. Rupert Haigh в своей книге Legal English «Юридический Английский» приводит следующий пример:

Party A must provide the necessary equipment and/or the financing necessary to purchase the equipment. «Сторона А обязана предоставить необходимое оборудование и/или финансовые средства для покупки такого оборудования» (Перевод наш. – Е.П.).

Оставляя в стороне возможные споры по поводу того, что считать «необходимым» (это оценочное прилагательное), автор указывает на то, что у стороны А *de facto* нет выбора в отношении того, что именно она должна предоставить, хотя по замыслу авторов договора она должна предоставить либо финансы, либо оборудование. Двоякое толкование данного положения договора может быть устранено путем исключения *and* из текста. Аналогичным образом, *or* должно быть изъято из следующего примера:

Party A and /or Party B may use the Premises. «Сторона А и/или Сторона В имеет право на пользование территорией» (Перевод наш. – Е.П.).

Перегруженность юридических документов сложными, иногда неоправданными ситуациями, языковыми конструкциями, усугубляется присутствием терминов-дуплетов (*lawful\legitimate* «законный», *career\profession* «профессия», *occupation\vocation* «направление профессиональной деятельности»), идиом (*on all fours* «тождественный») (см., напр., работы: R. Haigh Legal English и Wydick, Richard C., Plain English for Lawyers).

Требования к современному юридическому тексту отражают потребность в упрощении правовой коммуникации: четкость, краткость и простота изложения языковых конструкций должна обеспечивать ясность мысли, предпочтение активного залога пассивному (*the Parties shall form a Contract vs The contract shall be formed*); текст правовой нормы и документа должен быть доступен для понимания непрофессионалам, использование специальных слов по мере необходимости; латинизмы (*method vs. modus operandi*), канцеляризмы (*hereinbefore*) и омофоны (*principal vs. principle*) должны быть исключены из текста, а утвердительные конструкции превалировать над отрицательными (*The party defaulted on the final contract vs*

The parties did not execute the final contract); объем абзаца следует определять не положением на странице и необходимостью соблюсти структурный и визуальный баланс частей текста, а законченностью мысли.

Противники *Plain English* предостерегают, что приближение текстов правовых норм и договоров к непрофессиональному потребителю может привести к размытию понятий, лишению текста «обязательности» и привнесению налета «бытового общения». Так, например, возможен возврат к «сексизму», который искоренялся годами в английском языке. Напомним: местоимения *he* и *she* и существительные, все композиты с основой *man* указывающие на пол субъекта, в современном юридическом английском языке заменяются на гендерно-нейтральные: *Air hostess* на *Flight attendant*, *Chairman* на *Chair*, *Spokesman* на *Representative*, *he/ she* на *they/ one*.

Carter Mackley, партнер американской юридической компании, тезисно сформулировал 10 причин, по которым юридический английский вынужден быть «сложным»:

- 1) **Принадлежность к профессии:** язык разделяется профессиональным сообществом, это его инструмент;
- 2) **Традиция:** правовое сообщество совершенствовало свой язык столетиями, и его современное состояние – это результат достижений юридической науки;
- 3) **Уважение коллег:** метаязык (язык науки и юридической практики) сигнализирует коллегам о достигнутом професионализме (автор приводит в пример ситуацию, когда один из его документов был возвращен другой юридической компанией не согласованным с припиской «*ощущение, что двое болтают на углу улицы*».);
- 4) **В целях политики обеспечения безопасности:** один и тот же документ может служить в качестве маркетингового документа, имея при этом и вторую цель - запись полного раскрытия информации;
- 5) **Постижение метаязыка с опытом приводит к успеху в профессии:** только професионал может разобрать тонкости текста и только професионал может скрыть их внутри текста;
- 6) **Затратность:** в практике юристы в значительной мере полагаются на формулировки из предыдущих документов, время на производство новых текстов дорого, а клиенты не хотят нести дополнительные расходы;
- 7) В тесной связи с предыдущим положением: каждый новый документ содержит **риск неточной формулировки**, а следовательно, и повышение риска юридической ошибки. Документы, выверенные годами, надежны;

8) *Сложные ситуации*: сложный предмет юридической оценки, полный условий, которые квалифицируются с исключениями, имеют оговорки и дополнительные положения не может быть описан примитивным языком;

9) *Коллегиальная работа*: поскольку большинство правовых ситуаций обсуждаются юристами, документы, связанные с обсуждениями, часто являются продуктом работы нескольких авторов с разными темами и стилями. Отсутствие координации и исправления в последнюю минуту вносят вклад в трудночитаемые документы;

10) *Единство и неделимость юридической проблемы*: дробление текста на мелкие предложения также разделяет целостность правового подхода к решению проблемы – «много подлежащих – много самого важного».

Противостояние сторонников и критиков упрощения языка правовой коммуникации на данном этапе выходит на государственный уровень в англоговорящих странах. Законодательные органы и органы государственного управления уже сейчас стараются сделать формулировки издаваемых правовых норм максимально понятными для простых граждан. Вследствие новой тенденции вероятным прогнозом может стать прилив общеупотребительной лексики в сугубо профессиональные тексты и выход последних из разряда максимальной степени терминологизации.

Литература

1. *Haigh R. Legal English.* – Routledge, 2015. – 350p.
2. *Heward E. Lord Denning: A Biography by Heward Edmund.* – Weidenfeld & Nicolson, 1990. – 243 p.
3. *Mackley C. Top 10 reasons lawyers produce hard-to-read documents.* URL: <https://www.startuplawtalk.com/top-10-reasons-lawyers-produce-hard-to-read-documents/>
4. *Mellinkoff D. The Language of the Law.* Publisher: Wipf & Stock Publishers, 2004. – 540 p.
5. *Schane S. Language and the Law: With a Foreword by Roger W. Shuy.* – London: Continuum International Publishing Group., 2006. – 238 p.
6. *Tiersma P. M. Legal Language.* – Chicago: University Of Chicago Press, 1999. – 314 p.
7. *Официальный сайт Американского Правительства.* URL: <https://www.plainlanguage.gov/resources/content-types/legal-profession/>
8. *Сайт Plain English Campaign* URL: <http://www.plainenglish.co.uk/>

Э.М. Рафикова

*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
Казанский институт (филиал)
Казань, Россия.*

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье представлена современная криминологическая терминология и близкие к криминологии термины на русском и английском языках, их толкования на русском языке, а также способы создания новых юридических терминов в сфере криминологии и их деление на группы.

Ключевые слова: криминологическая терминология, термины, юридическая терминология, преступность, личность преступника, предупреждение преступности.

Elvira M. Rafikova

*All-Russia State University of Justice
(RPA Ministry of Justice of the Russian Federation)
Kazan Institute (branch)
Kazan, Russia*

THE PECULIARITIES OF MODERN CRIMINOLOGICAL TERMINOLOGY IN RUSSIAN AND ENGLISH

Abstract. The article presents modern criminological terminology and terms related to criminology in English and Russian, their interpretation in Russian as well as means for creation of new legal terms in the field of criminology.

Keywords: criminological terminology, terms, legal terminology, crime, criminal personality, crime prevention.

Криминология – наука о преступности и личности преступника [Криминология 2010, 34], которая одна из первых сталкивается с проблемой описания новых тенденций в развитии изучаемых явлений. Но в отличие от науки уголовного Права, изучающей преступления, ответственность и наказания за них в законодательной характеристике и правоприменительной практике, криминология исследует преступность, причины и условия ее

возникновения и распространения, личность преступника и предупреждение преступлений как массовых социальных явлений [Жмуров 2015, 460].

Развитие человеческого общества, появление новых видов технических средств и технологий неизбежно влечет за собой возникновение новых видов преступных посягательств. В силу этого уголовное право непрерывно должно давать ответ на все новые и новые криминальные проявления. Стремительные изменения в окружающем мире влияют и на изменение видов преступности. Обновляются знания о преступном мире и их видах, что в свою очередь приводит к выработке новой терминологии, соответствующей современному криминальному миру. Один из способов создания новых юридических терминов, в частности, в криминологии – это, во-первых, проявление креативности специалистов, работающих в области криминологии. Сначала новый термин становится «щековым» неологизмом, т.е. используется в пределах одной организации, затем либо исчезает, либо входит в активный словарь юридических терминов. Другой базой для новых терминов в криминологии служат заимствования из других языков – прежде всего, заимствования из английского языка, характерные для современного преступного мира. В-третьих, происходит переосмысление уже существующих в криминологии терминов.

На смену устаревшим терминам, ставшими достоянием юридической историографии, приходят новые, актуальные понятия и, соответственно, современные термины. Место устаревших понятий и терминов заняли новые, современные, соответственно существующей ситуации в стране и мире. Многие из новых понятий и терминов стали международными и вошли в базу многих языков.

Юридическая терминология является одной из наиболее востребованных на сегодняшний день в связи с расширением межнациональных отношений, развитием международного права, а также глобальными и интеграционными процессами в современном мире. Вся законодательная база Европейского Союза подлежит обязательному переводу и публикации на официальных языках государств – членов Евросоюза. Особую значимость в этом случае и актуальность приобретают проблемы перевода юридических текстов и документов. Безусловно, владение иностранными языками и, в частности, международным языком современности – английским - стало в современном мире обязательным условием успешности специалиста любой области знаний. Не является исключением и уголовное право, конкретнее, сфера интересов криминологии. При проведении исследования были выявлены новые термины на русском и английском языках, которые пополнили словарный запас в области криминологии. В списке, представленном далее, дается наиболее частотная современная криминологическая термино-

логия на русском языке, ее толкование и значения терминов на английском языке.

Новые термины можно разделить на ряд групп:

1. Группа наиболее частотных терминов имеет отношение к различным видам домогательств и преследований (киберпреследование, телефонное преследование, уличные домогательства и пр.):

Cyber bulling (кибербуллинг - виртуальный террор, обычно через электронную почту);

Stocking (стокерство — общий термин для описания различных видов домогательств и преследований);

Cyber-mobbing (кибормоббинг – форма психологического террора через интернет ресурсы);

Mobbing (моббинг — психологическое насилие в виде травли кого-либо в коллективе);

Telephone scatology (телефонная скатология — телефонные звонки с «сортирными» высказываниями) и т.д.

2. Вторую группу можно отнести к организации преступных сообществ:

Azeff Syndrome (Синдром Азефа— организация деятельности преступных сообществ провокаторами, состоящими на службе у зарубежных спецслужб);

Parvus Syndrome (Парвус Синдром – иностранное вмешательство в политическую жизнь суверенного государства) и др.

3. Третья группа включает собирательные понятия для обозначения различных криминальных актов и термины, раскрывающие понятия терроризма т.д.:

Killings (Киллерство – уничтожение противников в какой-либо сфере);

Mortelette (Мортлатрия – культ героической смерти) и т.д.

4. К четвертой группе можно отнести медицинские меры, направленные на исследования закономерностей преступного мира, в том числе, умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников:

Criminotherapy (криминотерапия – психотерапевтические меры, направленные на предупреждение преступлений);

Criminal iatrogeny (кriminalная ятрогения – умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, совершаемые при исполнении ими своих профессиональных обязанностей и

ставящие под угрозу причинения вреда или причиняющие вред жизни, здоровью, иным правам и законным интересам пациента;

Criminosexology (криминосексология – отрасль криминологии, исследующая закономерности сексуального преступного поведения и противодействия ему) и прочие.

5. Данная группа включает в себя понятия или последствия чего-либо, имеющие криминогенное значение:

Criminal echo (криминальное эхо – отдаленные последствия чего-либо, имеющие криминогенное значение);

Crime hate (преступления ненависти – криминальные акты, мотивированные интенсивной, длительной и нередко необоснованной враждебностью);

Gorgon Phobia (горгонофобия – страх терроризма);

Legal agriculture (правовая антикультура – это правовая неразвитость субъектов права, наличие серьезных дефектов в их правовых знаниях, правовых убеждениях и в итоге – в правовом поведении) и др. Появление новых терминов или новых значений уже существующих понятий и терминов вызывает некоторые трудности при переводе, особенно, при работе с аутентичными текстами юридического характера. Особую значимость приобретает современная лексика юридического характера, появившаяся за последние десятилетия в русском и английском языках. Исключительную сложность приобретают термины, не имеющие словарной статьи ни в одном словаре – англо-русском или русско-английском. Иногда описание нового или редкого юридического термина можно найти в словарях других языков. В этом случае важное значение приобретает описательный перевод и креативность переводящего, того, кто зачастую создает новый термин на основе описательного.

Современный юрист должен не только владеть специальными правовыми терминами, но и быть в курсе современных юридических новшеств в области терминологии и знать значение терминов на русском и международном языке – английском.

Литература

1. Криминология : учебное пособие / [авт.: Г. И. Богуш и др. ; науч. ред. Н. Ф. Кузнецова] – М.: Проспект, 2010. – С. 34-35.
2. Жмурев Д. В., Поклад В. И. Новые термины в криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2015. №3. – С. 460-465.

A.V. Синелева
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ ПОНЯТИЙ,
ОТРАЖЕННЫХ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ РАЗНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ,
МЕТОДОМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА**

Аннотация. В статье представлен опыт использования результатов ассоциативного эксперимента для выявления информационного содержания терминов на примере термина биологии *клетка* в специальной сфере коммуникации и сопоставления со смысловым наполнением этой лексемы, функционирующей в качестве общеупотребительного слова. При анализе ассоциативных полей был использован метод фреймовой интерпретации информации.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, бытовое понятие, дефиниция, научное понятие, существенный признак, содержание понятия, термин, общеупотребительное слово.

Anastasia V. Sineleva
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod, Russia

**IDENTIFICATION OF THE SIGNIFICANT FEATURES OF THE
CONCEPTS REFLECTED IN THE CONSCIOUSNESS OF NATIVE
SPEAKERS BELONGING TO DIFFERENT PROFESSIONAL GROUPS
BY AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT**

Abstract. The article presents the experience of using the results of an associative experiment to identify the information content of terms on the example of the biological term *cell* in the special field of communication and comparison with the semantic content of this lexeme that functions as a common word. In the analysis of associative fields, the method of frame interpretation of information was used.

Keywords: associative experiment, everyday concept, definition, scientific concept, essential sign, concept content, term, common word.

Признание понятийного содержания терминов существенным признаком этого класса слов и словосочетаний позволяет отличить термин от нетермина в том случае, если данная лексема, выступающая в значении нетермина, не выражает специального понятия в пределах рассматриваемого контекста или условий коммуникации. Общеупотребительные лексемы в определенных условиях употребления могут выражать профессиональные понятия, а термины при функционировании в сфере бытового общения и в художественной литературе выражают общие представления и бытовые понятия, в некоторых случаях можно наблюдать частичную реализацию специального понятия. Одним из первых терминологов подтвердил это положение методами психолингвистического анализа профессор Р.Ю. Кобрин [Кобрин 1985].

В исследовании, результаты которого представлены в данной статье, ставилась целью проверка следующего предположения: специалисты, владеющие определенной терминологической системой, в значительной степени выделяют в содержательно-понятийном наполнении лексем, которые могут выступать как в качестве терминов, так и в качестве нетерминов, существенные признаки научных понятий, тогда как неспециалисты – признаки, являющиеся в первую очередь результатом эмоционально-чувственного восприятия.

Подтверждением этого положения могут служить результаты исследования языкового сознания носителей языка методом свободного ассоциативного эксперимента.

В качестве объектов анализа была выбрана лексем *клетка*, которая может функционировать как в функции термина, так и в значении общеупотребительного слова.

В качестве респондентов выступили студенты МГМУ им. И.М. Сеченова, пропорционально представляющие разные биосоциальные группы, возраст испытуемых от 18 до 25 лет (приводятся только первые реакции, расположенные по мере убывания их частоты, которая указывается в круглых скобках, и в алфавитном порядке, последняя цифра – общее количество респондентов).

Для определения степени «терминологичности» анализируемых лексем в ассоциативно-семантическом поле представителей определенной области знаний или производственной деятельности необходимо проанализировать их смысловое наполнение и сравнить с наполнением ассоциативного поля, отраженного в сознании усредненного носителя русского языка и зафиксированного в «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю.Н. Карапурова (РАС) [Караулов 1998]. Анализ содержания полей проводится путем сравнения

выделенных существенных признаков лексем, зафиксированных в терминологических словарях, методом координатного индексирования (представления содержания понятия словами-дескрипторами, имеющимися в определении) и признаков, репрезентируемых в ответах респондентов.

Интерпретация результатов ассоциативного эксперимента проводится методом фреймового анализа.

В основу фреймовой структуры, представляющей ассоциативно-семантическое поле, положен широко известный семантический треугольник (треугольник Фреге), дополненный еще одним элементом, обязательным для всех знаков естественного языка, – коннотатом. Можно предположить, что в случае репрезентативной выборки слова-реакции с той или иной степенью полноты должны отразить существующие в сознании носителей языка денотативные, сигнификативные и коннотативные связи, что позволяет интерпретировать результаты ассоциативного эксперимента в виде фреймовой структуры. Следовательно, десигнаты – это слова-реакции, дающие представление или с той или иной степенью точности или приблизительности раскрывающие понятие слова-стимула, которые присутствуют в толковых, энциклопедических, терминологических словарях, денотаты – это слова-реакции, соотносящие слово-стимул с каким-то предметом или прецедентным явлением, коннотаты – это слова-реакции, содержащие субъективную эмоционально-экспрессивную оценку. Структура фреймов не ограничивается каким-то определенным уровнем: возможна дальнейшая группировка реакций по выбранному критерию, отражающему логические или реально существующие связи объектов действительности [Синелева 2019: 151-152]. В соответствии с целью данного исследования для нас представляют интерес субфреймы первого уровня, содержащие десигнаты.

Приведем результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента на слово-стимул *клетка*, когда респондентами являются студенты-медицины, и словарную статью из РАС.

Клетка (студенты МГМУ) – биология (13), жизнь (7), деление (5), тюрьма (4), макрофаг (3), организм (3), птица (3), ткань (3), эукариотическая (3), квадрат (2), крови (2), маленькая (2), Нейрон (2), тетрадь (2), цитоплазма (2), человек (2), эпителиальная (2), эритроцит (2), амеба, анатомия, АПК, базофил, бактериальная, бактериологическая, вирус, вируса, гистология, Гук, дверь, жгутами, железо, живое, живой организм, животное, запрет, заточение, зверь, здоровье, золотая, зоопарк, кошка, круг, круглый шар, лимфоцит, механизм, микробиология, микроскоп, митохондрия, мишень, мукоцит, мышка, наука, научный фильм, овал, плен, попугай, простейшее, расписание, растение, рецептор, решетка, Роберт Гук, рост, свобода,

собака, стволовая, строительный материал, тюремная, учеба, цитология, часть организма, человека, Шотландия, эпителиальная (117).

Клетка – птица (15), золотая (7), тюрьма (4), железная, зверь, организма (3), для птиц, зоопарк, птицы, птичка, растения, с попугаем, ядро (2), беличья, биологическая, большая, вагонетка, вольер, деревянная, дискотека, для голубей, для животных, для птицы, для собаки, для соловья, железо, живая, животная, животное, замкнутость, зверинец, зверя, зоопарка, крови, лев, лестничная, листок, льва, мембрана, мертвa, на рубашке, неволя, носорога, помещение для животных, попугай, пташка, птичья, пустая, решетка, с птицей, с птичкой, с тиграми, свобода, сетка, со львом, соседка, СССР – РСФСР, тела, тетрадная, тигр, тигра, ткани, у льва, хищник, шахматы, эмбриона (104) [Караулов 1998: 73].

В качестве дескрипторов, отражающих существенные признаки, связи и отношения термина *клетка*, в словарной статье словаря по биологии [Словарь терминов по биологии] были выделены следующие: (элементарная живая) система, самовоспроизведение, развитие, деление, основа строения, основа жизнедеятельности (всех животных и растений), мембрана, (клеточная) оболочка, ядро, рибосомы, Т. Шванн, центриоли, гранулы, протопласт, митотический центр, митохондрии, цитоплазма, аппарат Гольджи, лейкопласт, хромопласт, вакуоль. Дескрипторы приведены не в алфавитном порядке, так как их список может быть расширен: термин любой области знаний должен рассматриваться не изолированно, т.е. исходя исключительно из дефиниции, а как элемент соответствующей терминосистемы, имеющий множественные прямые и опосредованные связи с другими понятиями.

Если говорить о реализации содержания лексемы *клетка* как научного понятия в условиях неспециальной сферы функционирования, исходя из анализа словарной статьи РАС, то анализ слов-реакций и частотных параметров, репрезентирующих субфрейм *десигнат*, показывает, что его содержание представлено следующими признаками и отношениями: организма (3), ядро (2), биологическая, живая, крови, мембрана, эмбриона, и они составляют 9,6 % от общего количества слов-реакций.

Значение лексемы *клетка* как научного понятия в условиях специальной сферы функционирования представлено следующими признаками, связями и отношениями, которые с большей или меньшей степенью приблизительности можно отнести к существенным: биология (13), деление (5), макрофаг (3) (клетка, способная поглощать и переваривать чужеродные или вредные для организма частицы), организм (3), эукариотическая (3), крови (2), нейрон (2) (узко специализированная клетка, структурно-функциональная единица нервной системы), цитоплазма (2), эпителиальная (2), эритроцит (2), амеба

(род микроскопических одноклеточных простейших), *анатомия*, *АПК* (антигенпредставляющие клетки), *базофил* (разновидность лейкоцитов, являются клетками крови,), *бактериальная*, *бактериологическая*, *вирус* (неклеточный инфекционный агент), *вируса*, *гистология* (раздел биологии, изучающий строение, жизнедеятельность и развитие тканей живых организмов), *Гук* (ввел термин *клетка*), *жгутиками*, *живое*, *живой организм*, *лимфоцит*, *механизм*, *микробиология*, *микроскоп*, *митохондрия*, *мукоцит*, *овал*, *простейшее*, *растение*, *рецептор*, *Роберт Гук*, *рост*, *стволовая*, *строительный материал*, *цитология*, *часть организма*, *эпителиальная*, которые составляют 58,1 % от общего количества слов-реакций.

Таким образом, можно констатировать, что термины выражают специальные понятия в случае их употребления испытуемыми, владеющими данной терминологической системой. Ядро ассоциативного поля «усредненного» носителя языка представляют значения, являющиеся нетерминологическими признаками лексемы *клетка*, формируемыми в сознании носителя языка в основном как результат непосредственного восприятия мира при помощи органов чувств, что как раз характерно для бытового понятия и, соответственно, для общеупотребительного слова, тогда как в сознании специалистов мы наблюдаем отражение научных, профессиональных понятий, являющихся итогом целенаправленного логического познания, выражения недоступных для чувственного восприятия признаков объектов и явлений действительности.

Литература

1. *Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. и др.* Русский ассоциативный словарь. Кн. 5. – М.: Российская Академия наук институт Русского языка им.В.В.Виноградова, 1998. – 201 с.
2. *Кобрин Р.Ю.* Опыт психолингвистического анализа понятийного содержания терминов и общеупотребительных слов / Р.Ю. Кобрин, О.В. Иванова // Термины в языке и речи: межвузз.сб. – Горький: ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1985. – С.106-114.
3. *Синелева А.В.* Фреймовый метод описания структуры и содержания лингвистических объектов. – Нижний Новгород: ННГУ, 2019. – 197 с.
4. Словарь терминов по биологии [Электронный ресурс] // URL: http://biologos2015.blogspot.com/p/blog-page_34.html (дата обращения: 04.01.2020).

M.A. Соколова
Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия

ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию появления неологизмов и окказионализмов в современном американском политическом дискурсе. Под влиянием различных факторов, в частности, экономических, политических и социальных изменений, язык политики формирует подвижную и чрезвычайно гибкую систему, одной из основных характеристик которой является появление в ней новых слов и терминов. В статье рассматривается авторское терминотворчество, т.е. процесс возникновения новых терминов, у которых представляется возможным проследить конкретный источник или автора, а также так называемые «журналистские термины» – эмоционально окрашенные слова и выражения, обозначающие общественно-политические понятия и функционирующие, как правило, в медиатекстах.

Ключевые слова: язык политики США, журналистские термины, метафоричные термины.

Marina A. Sokolova
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia

TERM-CREATION IN MODERN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article reviews the process of forming neologisms and nonce-words in the modern American political discourse. Being influenced by various factors, mostly economical, political and social, political language forms a flexible and extremely versatile system, one of the major features of which is the birth of new words and terms in it. The article also focuses on the author's term-creation, i.e. the process of building new terms whose certain author or source is possible to trace down, as well as "journalistic terms" – emotionally colored words and phrases, that stand for social and political concepts and are in effect mostly in media texts.

Keywords: language of the US politics, journalistic terms, metaphoric terms.

Язык политики чрезвычайно сложен для описания, и тем более – для фиксации и систематизации, поскольку представляет собой подвижную и гибкую систему, в первую очередь, в силу дискурсивного характера политики и ее опосредованностью СМИ [Шейгал 2004: 18], а также разнообразных экономических, политических и социальных изменений.

Особенной подвижностью отличается язык политики США, поскольку политическая деятельность в этой стране не просто широко освещается в СМИ, но медиа являются серьезным инструментом манипулирования общественным сознанием [Шушарина 2010: 94], и «политический язык никогда не спит» [Green 2016: www] (Здесь и далее перевод наш. – М.С.).

Как отмечает Уильям Сафир (лауреат Пулитцеровской премии 1978 года, бывший редактор и колумнист газеты *The New York Times*, а также спичрайтер при президенте Ричарде Никсоне) в предисловии к пятому изданию своего словаря, язык политики меняется постоянно [Safire 2008a: xii]. За пятнадцатилетний период, прошедший между четвертым (1993 г.) и пятым (2008 г.) изданиями указанного словаря, из употребления вышли 52 политических термина. И это только по данным одного словаря, который не охватывает всю политическую терминологию, но концентрируется, прежде всего, на так называемых «журналистских терминах» (термин С.Д. Шелова и В.М. Лейчика) – эмоционально окрашенных словах и выражениях, в основе которых лежит метафора, запоминающийся образ. На наш взгляд, эмоциональность и экспрессивность «журналистских терминов» приближает их к профессиональным жаргонизмам (См., например, [Шелов, Лейчик 2012: 57 – 62]).

Некоторые устаревшие термины уходят навсегда, другие заменяются новыми терминами, сохраняя при этом стоящую за термином идею: на смену *roorback* пришло выражение *gutter flyer* (очернение соперника на выборах), вместо *trimmer* (аморальный политик, приспособленец) употребляется *opportunist, swing voter* – вместо *floater* (неопределенчившийся избиратель, чей голос может повлиять на исход выборов) [Safire 2008: xii].

При этом третья группа устаревших терминов забывается на некоторое время, чтобы через несколько лет вернуться: *snollygoster* (прагматичный беспринципный человек, особенно – политик), *mossback* (старомодный или крайне консервативный человек) [Safire 2008b: xii].

Зачастую, термины, вернувшиеся в употребление, имеют несколько иное значение [Safire 2008b: www]. Так, юридический термин *earmark* (тавро, клеймо на ухе скота) сегодня употребляется в политике как термин для обозначения средств, выделяемых на определенные цели:

The Obama camp is pressing the Clinton camp to release its earmark requests as well (Здесь и далее выделение подчеркиванием наше. – M.C.) [<https://www.lexico.com/en/definition/earmark>].

Или *pork* (сокр. от *pork barrel spending*) – жаргонизм, употреблявшийся по отношению к способу кормления рабов, сегодня обозначает деньги и различные привилегии, предоставляемые по политическим соображениям:

The administration offered the nation economic self-interest, technical wonkery, and a smidgen from the pork barrel

[https://www.lexico.com/en/definition/pork_barrel].

Часто политики прибегают к использованию устаревших терминов сознательно, вкладывая в них определенный смысл. Например, Дональд Трамп употребил слово *braggadocious* – хвастливый, заносчивый – с разницей в год в разных контекстах [Cooper 2016: www]:

1) *I say not in a braggadocious way, I've made billions and billions of dollars dealing with people all over the world* (2015г.).

2) *I have a great company. I have a tremendous income. And the reason I say that is not in a braggadocious way. It's because it's about time that this country had somebody running it that has an idea about money* (2016г.).

Многие его соотечественники были вынуждены искать это слово в словарях (и некоторые даже не верили, что это слово настоящее), так как оно не просто устаревшее, но и диалектное.

Иногда употребление непонятных для широкой аудитории терминов является определенной игрой, речевой местью. Например, Джон МакКейн употребил в одной из своих речей термин *revanchist* – любимый термин Советской риторики, критикующий НАТО, – по отношению к России. И, таким образом, по мнению Уильям Сафира [Safire 2008b: www], ударил по противнику его же оружием.

Политики часто выступают в качестве творцов терминов, иногда осознанно, но чаще всего – по ошибке. Так, Ральф Нейдер (американский адвокат и политический активист левоцентристского толка) даже не подозревал о том, что он является автором популярного сегодня термина *mainstream media* (ведущие средства массовой коммуникации), пока ему об этом не сказал Уильям Сафир, а Рон Зиглер (пресс-секретарь президента Никсона) невольно придумал *to misspeak oneself* (по ошибке сказать не то, что нужно) [Safire 2008b: www].

Большая часть метафоричных терминов имеет авторское происхождение, или же их источник несложно проследить. Однако, в политическом языке присутствует определенное количество неологизмов, созданных при помощи морфологического способа словообразования, чье авторство

установить практически невозможно. Сюда относятся термины, образованные при помощи префикса *cyber-* (*cyberwar(fare)*, *cybervoting*, *cybersecurity* и др.), суффикса *-ism* (*birtherism*, *Trumpism*, *Bidenism* и др.), суффикса *-gate* (*Melaniagate*, *Weinergate* и др.), а также при помощи сокращения (*WikiLeaks*, *uberwealthy*, *ISIS*, *UKIP* др.) [Safir 2008b; Green 2016; Jeczmyk 2019].

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что в современном политическом языке США продуктивными способами терминообразования являются морфологический способ, а также метафоризация и переосмысление устаревших терминов. Термины, имеющие в своей основе яркий запоминающийся образ, часто имеют конкретного автора, или же их происхождение несложно выявить. Термины, образованные по морфологической модели, редко имеют конкретного автора.

Литература

1. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004 – 326 с.
2. Шелов С.Д., Лейчик В.М. Терминология и профессиональная лексика: состав и функции: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2012. – 96 с.
3. Шушарина Г.А. Приемы речевого манипулирования в политическом дискурсе США // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, № III-2 (3), 2010. – С. 93 – 97.
4. Cooper A. The Return of Braggadocious, and More! Words Heard at the First Presidential Debate, 2016. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vocabulary.com/articles/wl/the-return-of-braggadocious-and-more/> (дата обращения: 13.12.2019).
5. Green D. The Political Vocabulary of 2016. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.washingtonexaminer.com/weekly-standard/the-political-vocabulary-of-2016> (дата обращения: 13.12.2019).
6. Jeczmyk O. The most used terms during US elections [Электронный ресурс] // URL: <https://termcoord.eu/2016/11/the-most-used-terms-during-us-elections/> (дата обращения: 13.12.2019).
7. William Safire. Safire's Political Dictionary. – Oxford University Press, 2008a. – P. 896.
8. William Safire. Among the moonbats and wingnuts, 2008b. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vocabulary.com/articles/dictionary/among-the-moonbats-and-wingnuts/> (дата обращения: 13.12.2019).
9. Lexico Dictionary [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lexico.com/> (дата обращения: 13.12.2019).

И.Л. Ульянова, Н.В. Маршалок
МГИМО МИД России
Москва, Россия

МЕТАФОРА В ЛАТИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: VADE MECUM

Аннотация. На материале международных юридических документов в статье рассматривается неоднократное метафорическое переосмысление значения устойчивого выражения *vade tecum*, которое в современном международном праве используется не только в специальном юридическом значении *ссылка на прецедент*, но также и в своих основных фразеологических значениях.

Ключевые слова: латинские юридические термины международного права, метафора, *vade mecum*

Irina L. Ulyanova, Natalia V. Marshalok
MGIMO-University,
Moscow, Russia

METAPHOR IN LATIN TERMINOLOGY OF INTERNATIONAL LAW: VADE MECUM

Abstract.

Based on international legal documents this article discusses repeated metaphorical rethinking of the meaning of the set phrase *vade tecum*, which in modern international law is used not only in its legal meaning as *a reference to a precedent* but also in its main phraseological meanings.

Keywords: Latin legal terms of international law, metaphor, *vade mecum*

Многие латинские правовые термины являются метафорами, ведь метафора – это такое лингвистическое средство, которое с помощью связанных с ней образов позволяет выразить что-либо новое изобретения нового термина [Mattila 2006: 76]. Для правильного понимания и перевода текста, в котором встречается подобные юридические термины, необходимо, прежде всего, знание их прямого значения, а затем и метафорически переосмыслинного правового.

Что касается термина *vade tecum*, то метафорическое переосмысление его значения в языке происходит неоднократно. В буквальном переводе эти

слова значат *иди со мной, следуй за мной*. Уже в античности это выражение стало употребляться как устойчивое фразеологическое выражение для обозначения каких-либо записей, которые путешественник мог взять с собой, то есть записной книжки, словаря, путеводителя карманного размера. В средние века эта метафора стала обозначать и тетрадь для школьных записей, и даже самого ученика. Таким образом, в наше время это метафорическое крылатое выражение (в русском варианте оно пишется слитно – *вадемекум*) является *традиционным названием карманных справочных изданий* [Крылатые латинские выражения 2003: 24].

Как юридический термин выражение *vade mecum* было еще раз переосмыслено: сейчас в международном праве оно употребляется как термин *ссылка на прецедент* [Латинские термины 2015: 142]. В Оксфордском словаре латинских терминов международного права *vade mecum* как юридический термин определяется: *The most highly respected or often used reference or precedent* (*Наиболее серьезная или часто используемая ссылка или прецедент*) [Guide 2009: 289]. В основе этого метафорического употребления термина лежит его значение *записи*, то есть указание на то, что уже было записано в правовых документах, а именно *ссылка на прецедент*. Примером такого употребления термина *vade mecum* в юридическом значении *прецедент* является текст Особого мнения судьи Дженнингса в материалах Международного суда ООН по делу «Ливия против Соединенного Королевства» от 27 февраля 1998 года [Dissenting opinion 1998: 113].

The decision of the Court in the present case, provides a vade mecum and precedent for those who might wish to delay United Nations action by a miasma of legalistic activity.

Решение Международного суда по данному делу обеспечивает vade mecum и прецедент для тех, кто хотел бы задержать принятие мер Организацией Объединенных Наций с помощью сугубо законодательной деятельности.

Несмотря на то, что латинский термин употреблен в значении *прецедент*, после него повторяется английский эквивалент, присоединенный с помощью союзе and: *provides a vade mecum and precedent*. Данный случай подтверждает известное мнение о том, что латинские термины употребляются не только с целью выразить определенное правовое понятие и показать эффективную и уместную опору Судом в подходящих случаях на латинские термины [Латинские термины 2015: 5], но и для того, чтобы подчеркнуть высокий профессиональный уровень и эрудицию юриста [Толстых 2013: 45].

Однако в текстах международных документов этот термин встречается не только в специальном юридическом, но и в основных фразеологических значениях.

Так, в общеупотребительном значении *справочник* выражение *vade mecum* находим в материалах на французском языке (оригинал) Международного Уголовного Суда (МУС) [ICC-01/05-01/13-524 30-06-2014 1/20 ЕК РТ: 9], где приведена ссылка на статью Уголовно-процессуального кодекса Конго по справочнику: *Avocats sans frontières, Vade-mecum de l'avocat en matière de détention préventive. Адвокаты без границ. Карманный справочник адвоката по вопросам досудебного содержания под стражей.*

Этот карманный справочник назван по-латински *Vade-mecum* (согласно правилам французской орфографии пишется через дефис).

В документах МУС по вопросам ситуации в Демократической Республике Конго от 17 ноября 2010 года *vade mecum* встречается в другом общеупотребительном значении – *путеводитель*.

The investigators, particularly in the first months, did not to my knowledge have tools such as the ones you've mentioned, a type of vade mecum which made it possible to see exactly where they were going and in what particular province, what were the elements that absolutely needed to be known with regards to this country. [ICC-01/04-01/06-Rule68Deposition-Red2-ENG WT 17-11-2010 1-75 NB T:53]

Следователи, особенно в первые месяцы, насколько мне известно, не имели таких инструментов, как те, что вы указали, наподобие vade mecum, которые позволили бы четко понять, куда они направлялись, в какую конкретную провинцию, что им было необходимо знать, какими были элементы, абсолютно необходимые для понимания ситуации в этой стране.

Это же значение *путеводитель*, но не в прямом смысле, а в переносном, в значении *дорожная карта* встречается и тексте материалов ООН по формированию Комитета по предотвращению угрозы конфликта и его разрешению в Кот д'Ивуар [L'ONUCI: 1]:

M. Kalama a exhorté les participants à prendre des engagements écrits et fermes à l'issue de ce séminaire qui, selon lui, devraient servir de vade-mecum pour toutes les régions de Côte d'Ivoire et permettre l'instauration de la cohésion sociale et la réconciliation.

Г-н Калама призвал участников семинара принять твердые обязательства, которые, по его мнению, должны послужить vade mecum для всех регионов Кот-д'Ивуар и обеспечивать установление социальной сплоченности и примирения.

Здесь *vade mecum* используется и как средство, помогающее в продвижении решения проблем, и как средство достижения намеченной цели (операция ООН в Кот-Д'Ивуар успешно завершила свой мандат 30 июня 2017 года).

Приведенные примеры показывают, что в юридических документах метафорически переосмыслиенные устойчивые латинские выражения зачастую

используются как в специальном юридическом значении, так и в общеизвестном. Несмотря на то, что *значения и сочетания латинских слов уже устоялись* [Толстых 2013: 47], смысл латинского термина не остается неизменным. Термин развивается, приобретая новые значения, отражающие современные правовые понятия и реалии.

Литература

1. Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю.С. Цыбульник. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 830 с.
2. Латинские термины в современном международном праве. Латинско-русский, русско-латинский словарь. / Авт.-сост. Н.В. Маршалок, И.Л. Ульянова. М.: Статут, 2015. – 302 с.
3. Толстых В.Л. Язык и международное право // Российский юридический журнал. 2013. № 2 (89). – С. 44-62.
4. Dissenting opinion of Judge ad hoc Sir Robert Jennings. / Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya v. United Kingdom). [Электронный ресурс] // URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/88/088-19980227-JUD-01-09-EN.pdf> (дата обращения 28.12.2019)
5. Guide to Latin in International Law. / Fellmeth A.X., Horwitz M. Oxford, University Press, 2009. – 328 p.
6. ICC-01/05-01/13-524 30-06-2014 1/20 EK PT Situation en République Centrafricaine. Affaire le Procureur c. Jean-Pierre Bemba Gombo, Aimé Kilolo Musamba, Jean-Jacques Mangenda Kabongo, Fidèle Babala Wandu et Narcisse Arido. [Электронный ресурс] // URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2014_05978.PDF (дата обращения 28.12.2019)
7. ICC-01/04-01/06-Rule68Deposition-T-2-Red2-ENG WT 17-11-2010 1/75 NB T Situation in the Democratic Republic of the Congo *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*. [Электронный ресурс] // URL: https://www.icc-cpi.int/Transcripts/CR2012_00067.PDF (дата обращения 28.12.2019)
8. L'ONUCI forme les membres des comites de veille du Moyen-Cavally a la prevention, la gestion et la resolution des conflits. 22 juin 2011. [Электронный ресурс] // URL: <https://onuci.unmissions.org/l%E2%80%99onuci-forme-les-membres-des-comites-de-veille-du-moyen-cavally-la-prevention-la-gestion-et-la> (дата обращения 28.12.2019)
9. Mattila H.E.S. Comparative Legal Linguistics. Ashgate Publishing, Ltd., 2006. – 347 p.

Ю.Б. Цверкун
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
Одинцово, Россия

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО
ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВХОДЯЩИХ В
ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ)**

Аннотация. Данная статья посвящена изучению специфики семантического терминообразования на материале единиц, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании. Особое внимание уделяется специфике терминообразования единиц с культурным компонентом значения. Рассматриваются примеры терминологических единиц с культурным компонентом значения, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании, полученных в результате метафоризации, метонимизации, заимствования терминов из терминологий других областей и т.д.

Ключевые слова: термин, терминологическая система, термин с культурным компонентом значения, терминосистема высшего образования Великобритании.

*Yulia B. Tsverkun,
MGIMO-University,
Odintsovo, Russia*

**PECULIARITIES OF SEMANTIC TERM FORMATION (ON THE
MATERIAL OF TERMINOLOGICAL UNITS OF THE UK HIGHER
EDUCATION)**

Abstract. The given article is devoted to the study of the semantic term formation peculiarities on the material of the terminological units belonging to the British higher education terminological systems. Special focus is given to the semantic formation specificity of the terminological units with the cultural component of meaning. The author examines the examples of the British higher education terminological units with the cultural component of meaning formed through metaphorization, metonymization, borrowing from other terminologies and etc.

Keywords: term, terminological system, term with the cultural component of meaning, British higher education terminological system.

Образование остается важнейшей областью межнационального сотрудничества, для которой характерны две противоположные тенденции: интеграционные процессы (следовательно, унификация терминологии) и сохранения культурного своеобразия отдельных образовательных систем (использования терминов с культурным компонентом значения).

Англоязычная терминология образовательной области представлена «совокупностью лексических единиц, которые не только соотнесены со специальными понятиями анализируемой области, но и в ряде случаев отражают локальное культурное своеобразие, в частности образовательной системы» [Цверкун 2019: 4]. По аналогии с исследованием англоязычной терминологии права, под терминологическими единицами с культурным компонентом значения понимаются «единицы, в значение языкового субстрата которых входит информация об историко-территориальных ценностях, представлениях, особенностях и реалиях культуры определенного историко-территориального сообщества» [Иконникова 2014: 11].

Актуальность данного исследования объясняется необходимостью изучения особенностей терминообразования единиц, входящих в англоязычные терминосистемы образования, поскольку терминология данной области постоянно пополняется в условиях глобализации.

Особенности отдельных способов получения новых терминологических единиц и специфика образования терминов в целом становились объектом исследования в трудах многих ученых-терминоведов [Лейчик 2009; Алексеева 1998; Гринев-Гриневич 2008; Крысин 2003; Иконникова 2011, 2016]. В отличие от данных работ предлагаемая статья посвящена изучению *семантического терминообразования* единиц, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании, в рамках концепции культурного компонента значения, поскольку термины, полученные в результате указанного типа терминообразования, демонстрируют процесс развития культурного компонента в структуре значения в наибольшей степени.

Для изучения специфики семантического терминообразования указанных единиц из лексикографических источников [Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus; Cambridge Handbook of Educational Abbreviations & Terms; Collins English Dictionary; A Dictionary of Education; Dictionary of British Education] было отобрано около 1500 терминов, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании, из которых 350 – термины с культурным компонентом значения.

Результаты анализа способов терминообразования (по классификации С. В. Гринева-Гриневича [Гринев-Гриневич 2008: 123-124]) рассматриваемых терминов отражены в следующей таблице:

Таблица 1. Способы образования терминологических единиц с культурным компонентом значения, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании

Способ терминообразования	Количество терминологических единиц
Семантические способы	12%
Морфологические способы	22%
Синтаксический способ	52%
Морфолого-синтаксические способы	14%

Перейдем к более детальному рассмотрению различных способов семантического терминообразования. Итак, к указанному типу терминообразования относится, например, займствование терминов из терминологий других областей. Рассмотрим термин высшего образования Великобритании *congregation*. Анализируемый термин приводится в русско-английском словаре с пометой *рел.* и имеет следующее значение: «конгрегация, паства, приход» [Lingvo]. Данная лексическая единица была заимствована из латинского через старофранцузский в английский язык в XII в. и употреблялась для обозначения ‘*a gathering, assembly, a crowd; an organized group*’ (*собрания, толпы, организованной группы людей*) [Online Etymology Dictionary] (Здесь и далее перевод – Ц. Ю.). В начале XVI в. единица *congregation* была использована У. Тиндейлом при переводе Нового Завета для передачи греч. *ekklesia* в значении ‘*an assembly of persons for religious worship*’ (*собрание людей для совместной молитвы*), а также в значении ‘*the Christian church in general*’ (*Христианская церковь*). В период Реформации рассматриваемая единица употреблялась вместо единицы *church*. Следовательно, единица *congregation* в современном английском языке используется в значении ‘*local society of believers*’ (*паства*) [Там же]. Итак, в результате заимствования из лексики религии и дальнейшей терминологизации в терминологии образования, анализируемая единица употребляется в значении ‘*an assembly of senior members of a university*’ (*совет университета*) и в словарях современного английского языка является территориально маркированной (помета *mainly British*) [Collins English Dictionary]. Таким образом, термин *congregation*

функционирует в рамках терминосистемы высшего образования Великобритании.

К терминам высшего образования Великобритании, полученным в результате метафоризации, относится *sandwich course*. Рассматриваемое терминосочетание состоит из двух элементов: *sandwich* и *course*. Общелитературное значение первого из них – «бутерброд, сэндвич», второго – «курс» [Lingvo]. Далее рассмотрим единицу *sandwich* с точки зрения этимологии. Первое употребление рассматриваемой единицы в приведенном значении датируется 1762 г. Уточним, что данная лексема происходит от титула Дж. Монтегю, четвертого графа Сэндвичского, игрока в карты, который за картежным столом ел холодное мясо, положенное между двумя ломтиками хлеба [Online Etymology Dictionary]. В терминологии британского высшего образования термин *sandwich course* употребляется для обозначения курса (как правило, продолжительностью в один год), цель которого состоит в применении знаний по определенной дисциплине на производственной практике [A Dictionary of Education]. То есть, речь идет о чередовании в процессе обучения теории и практики. Заключим, что термин *sandwich course* получен в результате метафоризации общелитературного значения и последующей терминологизации в рамках терминологии высшего образования Великобритании.

Примером терминологической единицы, образованной в результате метонимизации, является *Blue*. Общелитературное значение рассматриваемого термина «синий цвет» [Lingvo]. Однако в результате метонимизации значения данной единицы и дальнейшей терминологизации в англоязычной терминологии образования анализируемый термин стал употребляться для номинации высшего спортивного достижения в Оксфорде и Кембридже. Данная награда присуждается исключительно участникам ежегодного спортивного состязания *Varsity Match* [Glossary of Oxford terms]. Приведенное значение зафиксировано в глоссарии оксфордских терминов образования. Заключим, что рассматриваемый термин употребляется только в рамках образовательных терминосистем Оксфорда и Кембриджа. В словаре современного английского языка приводится другое значение анализируемого термина: ‘*a man or woman who has played for Cambridge or Oxford University in a particular sport*’ (мужчина или женщина, игравшие в команде Оксфордского или Кембриджского университета в конкретном виде спорта) [Collins English Dictionary]. Таким образом, речь идет о вторичной метонимизации значения рассматриваемого термина.

Итак, несмотря на то, что синтаксический способ терминообразования является наиболее продуктивным, исследование специфики семантического

терминообразования приобретает важное значения при анализе терминов с культурным компонентом значения. К семантическим способам терминообразования единиц, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании, относятся заимствование из терминологий других областей знания и деятельности человека, метонимизация, метафоризация и др.

Литература

1. Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразования: Учеб. пособие по спецкурсу / Л. М. Алексеева. — Перм. ун.- т. Пермь, 1998. — 120 с.
2. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С. В. Гринев-Гриневич. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с.
3. Иконникова В. А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии, США) / В. А. Иконникова. — М.: МПГУ, 2014. — 496 с.
4. Иконникова В. А. Метафора и метонимия при образовании терминов-эпонимов (на материале англоязычной юридической терминологии) / В. А. Иконникова // European Social Science Journal. — 2011. — № 10 (13). — С. 214-222.
5. Иконникова В. А. Метафоризация как средство терминообразования англоязычных единиц с культурным компонентом значения / В. А. Иконникова // International Symposium «Metaphor as Means of Knowledge Communication»: book of abstracts. — Пермь, 2016. — С. 154-155.
6. Крысин Л. П. Заимствование / Л. П. Крысин // Русский язык: энцикл. — М.: Большая Рос. энцикл., 2003. — С. 132–133.
7. Лейчик В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. / В. М. Лейчик. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 256 с.
8. Цверкун Ю. Б. Особенности англоязычных терминов системы образования: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... к.ф.н. / Ю. Б. Цверкун. — Москва, 2019. — 22 с.
9. A Dictionary of Education. 2nd edition / ed. by S. Wallace. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 368 p.
10. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. [Электронный ресурс] // URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 15.01.2020).

11. Cambridge Handbook of Educational Abbreviations & Terms. 6th edition / ed. by R. Hickman. University of Cambridge Faculty of Education, 2013. – 126 p. [Электронный ресурс] // URL: https://www.educ.cam.ac.uk/people/staff/hickman/CHEAT_RichardHickman_6th_ed%20_2013.pdf (дата обращения: 15.01.2020).
12. Collins English Dictionary. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 15.01.2020).
13. Dictionary of British Education. 3rd Revised / ed. by Peter Gordon and Denis Lawton. London: Taylor & Francis Ltd, 2005. – 304 p. [Электронный ресурс] // URL: <https://saidnazulfiqar.files.wordpress.com/2008/04/dictionary-of-british-education.pdf> (дата обращения: 15.01.2020).
14. Glossary of Oxford terms [Электронный ресурс]. // URL: http://www.ox.ac.uk/sites/files/oxford/media_wysiwyg/University%20of%20Oxford%20Glossaries.pdf (дата обращения: 15.01.2020).
15. Lingvo // ABBYY. Lingvo 12. Английская версия. Электронный словарь. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lingvolive.com/> (дата обращения: 15.01.2020).
16. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 15.01.2020).

Т.Д. Четверикова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия

ОБ ОДНОМ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ ЗАБЛУЖДЕНИИ: ГРАЖДАНСКИЙ БРАК

Аннотация. В статье рассматривается часто употребляемый юридический термин *гражданский брак* как с лингвистической, так и юридической позиции. Экскурс в историю, а также семантический анализ позволяют выявить причину появления прямо противоположных, антонимичных значений данного термина, что приводит к терминологическим затруднениям и заблуждениям. В связи с чем автор пытается доказать нецелесообразность употребления термина *гражданский брак* в современном русском языке.

Ключевые слова. Юридическая терминология, семейное право, семантика термина.

*Tatyana D. Chetverikova,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

A TERMINOLOGICAL MISUNDERSTANDING: THE TERM 'CIVIL MARRIAGE' IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article deals with the frequently used term «civil marriage (grazhdanskiy brak)» from the point of view linguistics and from the point of view of law. An excursion into the history of the term, as well as semantic analysis, reveals the reasons for the appearance of directly opposite, antonymous meanings of this term, which leads to terminological difficulties and errors. In this connection, the author tries to prove the inexpediency of using the term civil marriage in modern Russian.

Keywords. Terminology of law, family law, term semantics.

Юридический термин заключает в себе определенный смысл, соответствующий правовой норме, поэтому он должен быть всегда однозначным. Но, как отмечает Т.В. Губаева: «за пределами специального юридического контекста то же самое слово вполне может быть многозначным» [Губаева 2010: 38 – 39]. Так случилось и с юридическим термином *гражданский брак*,

который в прямом значении означает: «Брак, оформленный в соответствующих органах государственной власти без участия церкви» [Юрид. словарь 2003]. Между тем в общеязыковых словарях можно найти переносное значение данного термина: «2) (разг. устар.) свободное сожительство мужчины и женщины» [МАС 1999], «не оформленный официально» [БТС 1998] и др. Такое определение данного термина у современных юристов вызывает справедливое негодование. В соответствии с п. 2 ст. 1 Семейного кодекса РФ: «Признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния» [СК РФ]. Так, вступая в брак, люди меняют свое *гражданское* состояние, становятся законными мужем и женой, что подтверждается документально.

Получается, на сегодняшний день рассматриваемое словосочетание имеет два диаметрально противоположных значения, одно из которых – зарегистрированные брачные отношения, второе, напротив, – незарегистрированные брачные отношения, причем второе явно преобладает. Мало того, оно активно муссируется в СМИ, навязывается с экранов телевизора и т.п.; так происходит подмена понятия, которое с юридической точки зрения в корне не верно.

Попробуем разобраться, с какого момента и почему данный термин стал обозначать незарегистрированные отношения, для чего совершим небольшой экскурс в историю.

Начиная с принятия христианства на Руси, православная церковь взяла на себя право утверждения брака. Постепенно стали складываться нормы брачного права, отраженные в Кормчей книге, а позднее в Сборнике постановлений церковного собора «Стоглав». Единственной формой брака был церковный брак. Так продолжалось вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

18 декабря 1917 г. вышел Декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, детях и о введении книг актов гражданского состояния». Согласно этому Декрету единственной формой брака для всех граждан России независимо от вероисповедания стало заключение *гражданского брака* в государственных органах. Таким образом, брак стал называться *гражданским* (или светским) и стал противопоставляться прежнему *церковному* (религиозному) *браку*.

Надо сказать, что к гражданскому браку (т.е. светскому) церковь отнеслась резко отрицательно, посчитав его блудом, и немалое количество людей по традиции все же стремилось совершить обряд венчания в церкви. Думается, что основные коннотации ‘греховность’ и ‘аморальность’, заложенные в значение словосочетания *гражданский брак* изначально, и привели к пониманию данного термина как *неофициальные отношения*. Так перераспре-

деление сем в прямом значении термина *гражданский брак* – ‘зарегистрированные отношения’ – привел к переносному значению – ‘незарегистрированные отношения’. Именно с указанного периода незарегистрированный союз мужчины и женщины в литературном языке начал называться *гражданским браком*.

Более того, после принятия Кодекса законов о браке семье и опеке 1926 г. не зарегистрированные официально брачные отношения, которые в общем языке именовались *гражданским браком*, в законе стали называться *фактическими брачными отношениями* (п. 12, 13), приравнивались к зарегистрированному браку и таким образом обретали юридическую силу.

Надо сказать, что такое положение дел продержалось относительно недолго. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. незарегистрированные фактические брачные отношения были лишены юридической силы, что, с одной стороны, показало неудачный социальный эксперимент, длившийся почти 20 лет, а с другой – преимущество традиционного порядка в области семьи и брака.

Видимо, не случайно в 2018 г. попытка вновь узаконить *фактические брачные отношения* также не увенчалась успехом. Напомним, 22 января 2018 г. сенатор А. Беляков внес в Госдуму законопроект, юридически приравнивающий совместное проживание в течение пяти лет к браку. Однако уже в феврале в Госдуме данный законопроект отклонили. Большинство депутатов осудили такую инициативу [Семейное право в деталях...].

С принятием Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. признавался только зарегистрированный брак, оставшийся актуальным до сегодняшнего дня и зафиксированный в принятом в 1995 г. Семейном кодексе РФ. Именно такой брак с юридической точки зрения является *гражданским*, хотя в современном законодательстве России такие термины, как *гражданский брак* и *фактические брачные отношения* отсутствуют. Между тем незарегистрированные, но устойчивые и стабильные отношения все же существуют и это, согласно принятому терминоупотреблению, не что иное, как *сожительство*. Однако еще в советские времена данное слово имело негативный оттенок значения: подобная форма отношений не приветствовалась, поскольку не соответствовала идеологии того времени. На сегодняшний день нейтрального названия таким отношениям нет. Именно поэтому, как отмечает Н.Л. Варшамова: «...неправильное употребление термина «гражданский брак» как раз вызвано необходимостью устраниТЬ этот недостаток, а также желанием повысить статус данного рода отношений, придать им легитимность в глазах общества» [Варшамова 2017: 23]. Возникает вопрос, а надо ли подменять понятия, чтобы прикрыть реальное положение дел? Может быть, именно

нежелание находиться в таком положении подтолкнет людей оформлять свои отношения по закону?!

Рассматривая определение термина *брак*, данное в законе (заключенный только в органах записи актов гражданского состояния), мы можем выделить как ключевые эксплицитные семьи: *гражданский, акт, запись*, так и имплицитные семьи: *зарегистрированный, официальный, государственный*. Можно увидеть, что термин *брак* уже включает в свое значение понятие *гражданский*, и употреблять их в сочетании друг с другом излишне (ср. *мокрая вода, свободная вакансия* и т.п.). Следовательно, в современном юридическом языке сочетание *гражданский брак* в целом не может считаться правильным, поскольку является семантически излишним (плеоназмом).

Итак, *гражданский брак* с юридической точки зрения всегда означал и означает только ‘официально зарегистрированные отношения’ в отличие от названия незарегистрированных отношений, которое в законодательстве разных лет менялось в зависимости от идеологии, исторического периода и т.п.

Для наглядности отобразим сказанное в табл. 1.

Таблица 1. Трансформация названий зарегистрированных и незарегистрированных отношений в законодательстве разных лет

Законодательство разных лет	‘Зарегистрированные отношения’	‘Незарегистрированные отношения’
После Крещения Руси Кормчая книга, Стоглав	Церковный брак	Прелюбодеяние (блуд)
1917 г. Декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, детях и о введении книг актов гражданского состояния»	Гражданский брак	Свободный союз любящих людей («свободная любовь»)
1926 – 1944 гг. Кодекс законов о браке семье и опеке	Гражданский брак	Фактические брачные отношения
1969 г. Кодекс о браке и семье РСФСР	Гражданский брак	Сожительство
1995 г. – до наших дней Семейный кодекс РФ	Брак	Сожительство

Появление переносного антонимичного значения ‘незарегистрированные отношения’ произошло не в законодательстве, а только в общем языке. Так, внутрисловная антонимия (энантиосемия) повлекла за собой терминологическое заблуждение, приведшее к ошибочному пониманию юридического термина *гражданский брак*. Более того, в современном законодательстве, как нетрудно заметить в табл. 1, такое словосочетание отсутствует и не случайно, поскольку сегодня есть только одна форма официальных отношений – это брак без каких-либо определений уточняющего характера.

В связи с этим приведем основные аргументы, подтверждающие, на наш взгляд, что употребление словосочетания *гражданский брак* в современном языке нецелесообразно.

Во-первых, уже нет необходимости противопоставлять церковный брак государственному, как это было ранее. Сегодня церковный и государственный браки рассматриваются как взаимодополняющие друг друга. Более того, согласно современным правилам Русской Православной Церкви (РПЦ) обряд венчания должен проводиться только после заключения брака в органах записи актов гражданского состояния (загс) [О канонических аспектах церковного брака...]. Иными словами, отдельно от государственного только церковного брака быть не может, как не может возникнуть вопрос, какой у вас брак? Брак один – официально зарегистрированный в государственных органах, наряду с этим он может быть также и освящен в церкви.

Во-вторых, для терминов в целом, а для юридических особенно, недопустима энантиосемия, т.е. многозначность антонимического характера, которая порождает внутренне противоречивое представление о юридическом понятии, как в случае со словосочетанием *гражданский брак*.

В-третьих, с лингвистической точки зрения сегодня термин *брак* уже включает в свое значение понятие *гражданский*, поэтому употребление двух слов совместно порождает семантическое излишество (плеоназм), что для юридического термина недопустимо. Для обозначения зарегистрированных отношений единственno верным и с юридической, и с лингвистической точек зрения является термин *брак*, как это отражено в Семейном кодексе РФ. Для обозначения фактических отношений отпадают такие сочетания, как *незарегистрированный брак*, *неофициальный брак*, поскольку в значении слова *брак* уже заложены семы ‘зарегистрированный’, ‘официальный’, и такие сочетания тоже порождают внутрисловную антонимию, что влечет за собой ложное понимание института брака. В юриспруденции для обозначения незарегистрированных отношений уже есть слово *сожительство*, поэтому в данном случае не стоит подменять понятия, дабы придать легитимный характер не предусмотренному явлению в законодательстве.

В связи с изложенным полагаем, что словосочетание *гражданский брак* в современном русском языке следует считать семантически нелепым, порождающим не только лингвистическую, но и юридическую безграмотность. Мы предлагаем оставить его в пассивной лексике, в которой он будет выполнять функцию отделения светского брака от дореволюционного церковного брака. В общем языке для обозначения незарегистрированных брачных отношений предпочтительно использовать нейтральный термин – *фактические брачные отношения*.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка (БТС) / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998.
2. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. – М.: Инфра-М, 2003.
3. *Варшамова Н.Л.* Причины детерминологизации термина «гражданский брак» //Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов IX Международной конференции. – 2017. – С. 19 – 23.
4. *Губаева Т.В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма; Инфа-М, 2010. – 176 с.
5. Декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, детях и о введении книг актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г. // КонсультантПлюс [Электронная версия] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 27.12.2019).
6. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) (в ред. от 07.03.1995, с изм. от 29.12.1995) // КонсультантПлюс [Электронная версия] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 27.12.2019).
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 01.01.1996. – № 1. – Ст. 16.
8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2006.
9. О канонических аспектах церковного брака // Документ принят на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 29 ноября – 2 декабря 2017 г. // [Электронный ресурс] // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5075384.html> (дата обращения 27.12.2019).
10. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) //

КонсультантПлюс [Электронная версия] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 27.12.2019).

11. Семейное право в деталях [Электронный ресурс] // URL: <https://sudisk.ru/novosti/zakonoproekt-o-grazhdanskom-brake.html> (дата обращения: 07.12.2019).
12. Словарь русского языка (МАС): В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
13. Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства"» // КонсультантПлюс [Электронная версия] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 27.12.2019).

С.Д. Шелов

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Москва, Россия

ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ: В ПОИСКАХ РОДО-ВИДОВОЙ СТРУКТУРЫ ТЕРМИНОВ

Аннотация. Предлагается метод анализа терминологических дефиниций с целью установления фрагментов текста, номинирующих ближайшее родовое понятие (*Genus Proximum*, GP) и его специфические признаки (*Differentia specifica*, DS), а также самое удаленное родовое понятие (*Genus Remōtum*, GR) и его специфические признаки (*Differentia specifica*, DS). Этот анализ и его результаты сильно зависят от семантики и синтаксиса Dfn. Некоторые определения, приписываемые одному термину даже только в одном значении, могут быть истолкованы как номинирующие несколько ближайших родовых и несколько самых удаленных родовых понятий.

Ключевые слова. Определение термина; родо-видовая структура терминологии; определяющее выражение; ближайшее родовое понятие; удаленное родовое понятие; специфические признаки.

Sergey D. Shelov,

V. V. Vinogradov Russian Language Institute

of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia

ANALYSIS OF TERM DEFINITIONS: IN SEARCH OF DOMAIN GENUS-SPECIES STRUCTURE

Abstract. A method of terminology definitions analysis is proposed in order to establish the definiens fragments (Dfn) that nominate the nearest generic concept (*Genus Proximum*, GP) and its specific features (*Differentia specifica*), as well as the most distant generic concept (*Genus Remōtum*, GR) and its specific features (*Differentia specifica*, DS). This analysis and its results heavily depend on the semantics and syntax of the Dfn. Some definitions, assigned even to a single term with a single meaning can be interpreted as nominating several GP and several GR concepts.

Keywords: term definition; genus-species structure of terminology, concept; definiens fragment; nearest generic concept; most distant generic concept; specific features.

На протяжении продолжительного времени наблюдается устойчивое обращение и лингвистов, и терминологов к выявлению и изучению с различными целями родо-видовых отношений между терминами в огромном количестве исследований. Цель настоящей работы представить метод анализа терминологических дефиниций, который позволяет установить иерархию родовых для определяемых терминов понятий и их видовых признаков. Среди этих родовых понятий имеется и ближайшее родовое понятие (Genus Proximum – далее GP), причем в ряде случаев их может быть несколько. С помощью метода уточняется и само понятие родо-видовых определений: к числу родо-видовых дефиниций следует отнести только такие, в которых удается установить формулировку родового понятия и его видовых признаков; дефиниции, которые не позволяют выделить подобные формулировки, следует отнести к другим типам дефиниций.

Материалом данного исследования послужат термины и их определения из тематической области «Правила дорожного движения», как они представлены на официальном сайте <https://pdd-russia.com/pdd-russia/pdd/1-obshhie/polozhenija.html>. Правила начинаются с общих положений, в которых приводятся около 60 расположенных в алфавитном порядке терминов и их определений. Ниже приведем лишь шесть случайно выбранных примеров (подчеркивание точечной чертой «.....» фрагментов означает, что соответствующие фрагменты сами являются терминами, получающими определение в данной области).

Вынужденная остановка – прекращение движения транспортного средства из-за его технической неисправности или опасности, создаваемой перевозимым грузом, состоянием водителя (пассажира) или появлением препятствия на дороге;

Дорожное движение – совокупность общественных отношений, возникающих в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог;

Ограниченнaя видимость – видимость водителем дороги в направлении движения, ограниченная рельефом местности, геометрическими параметрами дороги, растительностью, строениями, сооружениями или иными объектами, в том числе транспортными средствами;

Механическое транспортное средство – транспортное средство, приводимое в движение двигателем;

Перестроение – выезд из занимаемой полосы или занимаемого ряда с сохранением первоначального направления движения;

Школьный автобус – специализированное транспортное средство (автобус), соответствующее требованиям к транспортным средствам для перевозки детей, установленным законодательством о техническом регулировании, и принадлежащее на праве собственности или на ином законном основании дошкольной образовательной или общеобразовательной организации;

Электромобиль – транспортное средство, приводимое в движение исключительно электрическим двигателем и заряжаемое с помощью внешнего источника электроэнергии.

Какова же родо-видовая структура всех терминов правил дорожного движения, если исходить из предъявленных определений, и как ее установить? Заметим, что большинство определений являются родо-видовыми, что делает обращение к ним в поисках родо-видовой структуры всей терминологии правил дорожного движения совершенно естественным и правомерным. При этом общая схема родо-видового определения, как известно, хорошо разработана еще с античных времен: она включает в себя формулировку ближайшего родового понятия и его видовых (отличительных) признаков. Так, можно предположить, что для термина *механическое транспортное средство* ближайший родовой термин формулируется, согласно определению, как *транспортное средство*, а его специфическим видовым признаком является признак «приводимое в движение двигателем». Аналогично, для термина *электромобиль* ближайшим родовым термином оказывается также *транспортное средство*, а его специфическим видовым признаком является признак «приводимое в движение исключительно электрическим двигателем и заряжаемое с помощью внешнего источника электроэнергии».

Но что является ближайшим родовым термином, скажем, для терминологических обозначений *вынужденная остановка*, *дорожное движение* или *перестроение*? Ответ на этот вопрос и, главное, его обоснование далеко не очевидны. Более того, возвращаясь к уже приведенному примеру, можно поставить под сомнение утверждение о том, что для термина *электромобиль* ближайшим (!) родовым оказывается терминологическое обозначение *транспортное средство*. В самом деле, представим себе транспортное средство, которое приводится в движение не только с помощью электрического двигателя (что вполне возможно) или транспортное средство, которое

заряжается, но с помощью не внешнего, а внутреннего источника. Будут ли такие транспортные средства электромобилями? Согласно данному определению – конечно, нет. Но тогда получается, что ближайшим (!) родовым термином для термина *электромобиль* оказывается не *транспортное средство*, а *транспортное средство, приводимое в движение электрическим двигателем и заряжаемое с помощью внешнего источника электроэнергии*, а специфическим видовым признаком является признак «исключительно» (т.е. транспортное средство приводится в движение исключительно, только (!) электрическим двигателем. Следуя той же логике, можно привести и еще одну формулировку ближайшего родового термина и его видового признака, а именно: в качестве ближайшего родового термина предъявить формулировку – *транспортное средство, приводимое в движение исключительно электрическим двигателем и заряжаемое с помощью {некоторого} источника электроэнергии*, а видовым признаком этого термина служит специфический признак «внешнего», при этом термин *транспортное средство* во всех случаях остается родовым термином, хотя и не ближайшим.

Приведенный пример и поставленные вопросы показывают нетривиальность задачи выявления в тексте дефиниции (точнее в тексте определяющего выражения) формулировки ближайшего родового термина и его специфических признаков. В частности, неожиданно возникает вопрос о том, возможно ли чтобы для одного и того же термина в одном и том же значении (т.е. значении, заданном одним и тем же определением) существовали несколько ближайших родовых терминов?

В работах, посвященных решению этой задачи [Шелов 2012; Шелов, Е Цисун 2018], был введен аналог понятию ближайшего родового термина (*Genus Proximum, GP*) – самый отдаленный родовой термин (*Genus Remotum, GR*) (для которого также существуют его специфические признаки), а кроме того сформулировано два правила, которые, как можно надеяться, позволяют решить поставленную задачу.

Правило 1. Фрагментом текста определяющего выражения (*Dfn*), называющее самое общее родовое (самое отдаленное) понятие (*GR*) для определяемого термина (*GR*), является его главная, синтаксически независимая, в смысловом отношении завершенная, минимально распространенная часть, включающая термин (или свободное сочетание терминов), если оставшаяся синтаксически подчиненная часть является синтаксически правильной (или, если их несколько, все оставшиеся синтаксически подчиненные части являются синтаксически правильными). Оставшиеся части определяющего выражения (*Dfn*) представляют собой видовой признак (если они синтаксически относятся к одному

слову) или объединение (конъюнкцию) видовых признаков (если они относятся к разным словам).

Самый отдаленный родовой термин называет самое общее, согласно данному определению, родовое понятие в пределах выбранной системы определений.

Правило 2. Фрагментом текста определяющего выражения (Dfn), называющее ближайшее родовое понятие (GP) для определяемого термина (Dfd), является его главная, синтаксически независимая, в смысловом отношении завершенная, максимально распространенная (отличная от всего определяющего выражения) часть, включающая термин (или свободное сочетание терминов), если оставшаяся синтаксически подчиненная часть является синтаксически правильной (или, если их несколько, все оставшиеся синтаксически подчиненные части являются синтаксически правильными). Оставшиеся части определяющего выражения (Dfn) представляют собой видовой признак (если они синтаксически относятся к одному слову) или объединение (конъюнкцию) видовых признаков (если они относятся к разным словам).

Если в состав Dfn вообще не входит термин какой-либо области знания, то анализируемое определение не является родо-видовым. Если в состав Dfn входит термин, но соответствующий анализ исчерпывает Dfn целиком и не оставляет никаких языковых средств выражения видового признака родового понятия, то определение также не является родо-видовым.

Правило 1 и правило 2 различаются фактически только в одном пункте и только одним словом: в правиле 1 ближайшее родовое понятие передает максимально распространенная часть Dfn, а в правиле 2 самое общее родовое понятие передает минимально распространенная часть Dfn.

Обращаясь теперь к представленному материалу можно предъявить следующие результаты обнаружения самых отдаленных родовых (GR) и ближайших родовых (GP) терминов и их специфических дифференциальных признаков (DS) названных ими понятий.

Вынужденная остановка – прекращение движения транспортного средства из-за его технической неисправности или опасности, создаваемой перевозимым грузом, состоянием водителя (пассажира) или появлением препятствия на дороге –

GR: прекращение движения транспортного средства;

DS: из-за его технической неисправности или опасности, создаваемой перевозимым грузом, состоянием водителя (пассажира) или появлением препятствия на дороге. {прекращение движения};

GP: прекращение движения транспортного средства из-за его неисправности или опасности, создаваемой перевозимым грузом, состоянием водителя (пассажира) или появлением препятствия на дороге;

DS: технической {неисправленности}.

Дорожное движение – совокупность общественных отношений, возникающих в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог –

GR: совокупность отношений, возникающих в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств;

DS: в пределах дорог {перемещения людей и грузов};

GP: совокупность отношений, возникающих в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог;

DS: общественных {отношений}.

Ограниченнaя видимость – видимость водителем дороги в направлении движения, ограниченная рельефом местности, геометрическими параметрами дороги, растительностью, строениями, сооружениями или иными объектами, в том числе транспортными средствами –

GR: видимость дороги;

DS: водителем {видимость}, ограниченная рельефом местности, геометрическими параметрами дороги, растительностью, строениями, сооружениями или иными объектами, в том числе транспортными средствами, {видимость};

GP: видимость водителем дороги в направлении движения, ограниченная рельефом местности, параметрами дороги, растительностью, строениями, сооружениями или иными объектами, в том числе транспортными средствами;

DS: геометрическими {параметрами}.

Механическое транспортное средство – транспортное средство, приводимое в движение двигателем –

GR: транспортное средство;

DS: приводимое в движение двигателем {транспортное средство};

GP: транспортное средство;

DS: приводимое в движение двигателем {транспортное средство}.

Перестроение – выезд из занимаемой полосы или занимаемого ряда с сохранением первоначального направления движения –

GR: выезд из полосы или ряда;

DS: занимаемой {полосы}, с сохранением первоначального направления движения {выезд};

GP: выезд из занимаемой полосы или занимаемого ряда с сохранением направления движения;

DS: первоначального {направления движения}

Школьный автобус – специализированное транспортное средство (автобус), соответствующее требованиям к транспортным средствам для перевозки детей, установленным законодательством о техническом регулировании, и принадлежащее на праве собственности или на ином законном основании дошкольной образовательной или общеобразовательной организации –

GR: транспортное средство (автобус);

DS: специализированное {транспортное средство (автобус)}, соответствующее требованиям к транспортным средствам для перевозки детей, установленным законодательством о техническом регулировании, и принадлежащее на праве собственности или на ином законном основании дошкольной образовательной или общеобразовательной организации {транспортное средство (автобус)};

GP: транспортное средство (автобус), соответствующее требованиям к транспортным средствам для перевозки детей, установленным законодательством о техническом регулировании, и принадлежащее на праве собственности или на ином законном основании дошкольной образовательной или общеобразовательной организации;

DS: специализированное {транспортное средство}.

Электромобиль – транспортное средство, приводимое в движение исключительно электрическим двигателем и заряжаемое с помощью внешнего источника электроэнергии –

GR: транспортное средство;

DS: приводимое в движение исключительно электрическим двигателем и заряжаемое с помощью внешнего источника электроэнергии {транспортное средство};

GP: транспортное средство, приводимое в движение электрическим двигателем и заряжаемое с помощью внешнего источника электроэнергии;

DS: исключительно {электрическим двигателем}.

Заметим, что одно и то же родо-видовое определение одного единственного термина может порождать несколько различных рядов родовых терминов, находящихся между ближайшим и самым отдаленным родовым термином по отношению к определяемому, ср.:

перестроение > выезд из полосы или ряда > выезд из занимаемой полосы или ряда > выезд из занимаемой полосы или занимаемого ряда > выезд из занимаемой полосы или ряда с сохранением направления движения

или

перестроение > выезд из полосы или ряда > выезд из занимаемой полосы или ряда > выезд из занимаемой полосы или ряда с сохранением направления движения

или

перестроение > выезд из полосы или ряда > выезд из полосы или занимаемого ряда > выезд из полосы или занимаемого ряда с сохранением направления движения.

Подводя итоги проведенного исследования на различном языковом материале, отметим следующее.

1. Мы представили метод анализа терминологических определений, позволяющий устанавливать формулировки ближайших и самых общих (самых отдаленных) родовых понятий определяемых терминов и их видовые признаки.

2. Эти формулировки сильно зависят от семантики и синтаксиса Dfn. В частности, формулировки некоторых родо-видовых определений допускают существование нескольких ближайших родовых понятий одного термина в одном единственном его значении. Наконец, в некоторых случаях одно и то же родо-видовое определение задает целую иерархию родовых понятий по отношению к определяемому термину.

Литература

1. Шелов С.Д. Родовидовые отношения в терминологии и терминологические дефиниции //Вопросы культуры речи. Вып. XI /Отв. ред. А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 370 – 384.
2. Шелов С.Д., Е Цисун. Ближайший род и его видовые признаки: об одном синтаксическом методе анализа терминологических определений // Терминология и знание: Мат-лы VI Межд. симпозиума /Отв. ред. С.Д. Шелов, Е Цисун. – М., 2018. – С. 100 – 115.

Секция 2.

Лингвострановедение и межкультурная коммуникация

Section 2. Cross-cultural communication and area/culture studies

E.A. Барсукова

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОСНОВЫ КУРСА «МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА США» ДЛЯ СТУДЕНТОВ-РЕГИОНОВЕДОВ

Аннотация. Анализ словника «Нового словаря культурной грамотности» Э. Херша продемонстрировал, что к фоновым знаниям среднего образованного американца относится значительное количество понятий и имен из мира музыки. Эти единицы составили концептуальное ядро курса «Музыкальная культура США» для студентов-регионоведов. Акцентирование внимания именно на наиболее частотных именах и понятиях, представленных в лексикографических источниках, позволяет сформировать у студентов некий культурный минимум, по объему приближенный к фоновым знаниям носителей языка, что может способствовать незатрудненной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: регионоведение, музыкальная культура США, фоновые знания, культурная грамотность.

Elena A. Barsukova

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

LEXICOGRAPHIC SOURCES IN THE FORMATION OF THE CONCEPTUAL BASIS OF THE COURSE "MUSIC CULTURE OF THE USA" FOR REGIONAL STUDIES STUDENTS

Abstract. *The New Dictionary of Cultural Literacy* by E.D. Hirsch contains a vast number of musical culture-specific items. The notions and names form a conceptual core of the elective course *Musical Culture of the USA*, which is aimed at broadening the background knowledge of Area Studies students. The article claims that the knowledge under consideration is applicable outside the music-related fields.

Keywords: Area Studies, US Musical Culture, cultural literacy, background knowledge.

Согласно государственному образовательному стандарту, квалификация специалиста-регионалога подразумевает владение разноплановыми знаниями о регионе специализации (история, экономика, культура, этнография, география и др.). Региональное изучение, по словам профессора МГУ А.В. Павловской, — «это комплексная учебная дисциплина, занимающаяся изучением закономерностей развития того или иного региона» [Павловская 2007: 11]. На факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова изучение региона ведется не столько через международные отношения и политику, сколько через историю, культуру и язык. Наряду с другими видами профессиональной деятельности студенты готовятся к работе в сфере культурных обменов и гуманитарного взаимодействия. К числу профессиональных компетенций регионалога относятся понимание и знание лингвокультурных фактов, относящихся к стране изучаемого языка, на иностранном и на родном языках. Поскольку предполагается, что регионалоги будут выступать в роли медиаторов в процессе межкультурной коммуникации, в задачи обучения входит максимально возможное приближение объема фоновых знаний выпускников к некоему ядру культурной грамотности носителей соответствующего языка.

По определению О.С. Ахмановой, фоновые знания – это «общественное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [Ахманова 1966: 498]. Несовпадение тезауруса фоновых знаний у представителей разных культур может привести к затруднениям в межкультурной коммуникации. Особую важность фоновых знаний или вертикального контекста подчеркивает Л.В. Полубличенко, указывая на их роль в верной трактовке художественных произведений: «Речь идет о знании реалий, о понимании бесконечного многообразия литературных, исторических, мифологических, библейских, а также метрических, интонационных, жанровых, сюжетных и иных аллюзий и реминисценций, переполняющих тексты классической литературы и отсылающих читателя к определенным культурно-историческим и филологическим фактам, которые предполагаются ему известными» [Полубличенко 2015: 19].

Так, например, И.М. Шеина приводит результаты эксперимента со студентами-лингвистами, которым были предъявлены содержащие имплицации отрывки из романа П. Уоррена “All the King’s Men” с целью выяснить, насколько лингвистический контекст может способствовать верному пониманию иноязычного текста при отсутствии необходимых фоновых знаний у реципиента. Одно из тестовых заданий содержало единицу *the Star-Spangled*

Banner. Испытуемым на основе контекста следовало установить характер описываемого в тексте мероприятия (формальное или неформальное). В результате автор исследования пришел к выводу, что только те студенты (40%), которые обладали фоновыми знаниями о гимне США правильно определили уровень официальности описываемого события [Шеина 2009: 116].

Как мы видим, импликации, относящиеся к музыкальной культуре США, могут встретиться реципиенту за пределами контекстов, связанных с миром музыки. Более того, знание подобных лингвокультурных фактов и реалий необходимо для понимания не только художественных текстов, но и материалов СМИ. В качестве иллюстрации можно привести цитату кандидата в президенты США Джона Байдена из газеты The Washington Post: “*Could I die happily not having heard ‘Hail to the Chief’ play for me?*” he asked. “*Yeah. I could. That’s not why I’m running.*” В данном отрывке используется название гимна президента США ‘*Hail to the Chief*’, который исполняется при появлении первого лица на официальных встречах и приемах. Отсутствие знаний данной единицы, относящейся к музыкальному наследию США, не позволит верно понять приведенный отрывок политического дискурса.

Курс «Музыкальная культура США» задумывался как продолжение дисциплины «Мир изучаемого языка». Поскольку он не имеет музыковедческой направленности, а предназначен для регионоведов, его основной целью является общее знакомство с наиболее известными в среде американцев музыкальными произведениями, а также музыкальными ассоциациями, типичными для носителей американского варианта английского языка. В связи с этим была поставлена задача выяснить, какие понятия и имена из мира американской музыки знакомы среднему американцу и составляют некое ядро культурной грамотности в данной сфере. Основным источником для исследования было избрано третье издание «Словаря культурной грамотности» Э. Херша [Hirsch 2002]. Фокус словаря на фоновые знания среднего образованного американца максимально отвечает потребностям курса. Важно, что словник формировался с опорой на принцип частотности употребления той или иной единицы в периодической печати. То есть в издание вошли только широко известные имена и понятия, относящиеся к музыкальной культуре США.

Словарь построен по тематическому принципу, все явления мира музыки представлены в рубрике *Fine Arts*. Отобранные единицы можно разделить на четыре основные категории. Первая группа понятий включает музыкальные термины и названия музыкальных инструментов (напр., *unison, suite, staccato, overture, viola*). Широко представлены в словаре рассматриваемого словаря названия популярных и патриотических песен (напр., “*Home, Sweet Home*”, “*Dixie*”, “*Battle Hymn of the Republic*”). Многочисленны

марши и гимны, к числу которых относятся и обсуждаемые выше произведения (напр., “*America the Beautiful*”, “*Hail to the Chief*”, “*The Star-Spangled Banner*”, “*Home on the Range*”). В зону описания издания также включены духовные хоровые песни спиричуэлс и рождественские песни (“*When the Saints Go Marching In*”, “*Swing Low, Sweet Chariot*”, “*Deck the Halls*”, “*Silent Night*” и др.). Справочник не обошел вниманием и популярные музыкальные произведения (мюзиклы, концерты, оперы): напр., “*Oklahoma!*”, “*Porgy and Bess*”, “*Hallelujah Chorus*”. Что касается персоналий, Словарь фиксирует значительное количество имён видных американских композиторов и авторов песен (*Scott Joplin, Leonard Bernstein, Irving Berlin, George Gershwin* и др.) и исполнителей (*Bob Dylan, Count Basie, Benny Goodman* и др.).

Таким образом, можно заключить, что материал описываемого лексикографического источника может послужить концептуальной основой рассматриваемого курса, в первую очередь нацеленного на исключение лакунарности фоновых знаний в области музыкальной культуры США.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь Лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 608.
2. Павловская А.В. Состояние и перспективы развития специальности "регионоведение" на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова// Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. №2. – С. 9-35.
3. Полубличенко Л.В. Vertical Context as the Problem of Intercultural Communication. Восток-Запад: взаимодействие языков и культур. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – Издательство: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (Улан-Удэ), 2015. – С. 18-24.
4. Шеина И.М. Роль фоновых знаний в понимании иноязычного текста. //Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. № 6. – С. 111-117.
5. Hirsch E.D. Jr., Kett J.F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. – Boston 2002. – 647 p.
6. Joe Biden's campaign plays the electability card: 'You have to look at who is going to win' [Электронный ресурс] // URL: https://www.washingtonpost.com/politics/joe-bidens-campaign-plays-the-electability-card-you-have-to-look-at-who-is-going-to-win/2019/08/21/391e0f60-c399-11e9-9986-1fb3e4397be4_story.html (дата обращения: 13.01.2020).

Л.М. Босова
МГИМО МИД РФ (Одинцовский филиал)
Одинцово, Россия

АГЛИЙСКИЕ ПАРЕМИИ О ТРУДЕ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Работа посвящена лингвокультурологическому исследованию английских паремий о труде с целью выявления культурных и ценностных приоритетов английской нации. На основе семантического и лингвокультурологического анализов было установлено, что англичане высоко ценят профессиональное, качественное, добросовестное отношение к труду как залогу благополучной и успешной жизни. Результаты исследования способствуют более полному пониманию этнических и социокультурных особенностей англичан. Полученные сведения могут быть использованы как в практике преподавания английского языка, так и в теоретических курсах по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: паремии, пословицы, поговорки, лингвокультурологический анализ, межкультурная коммуникация.

Ludmila M. Bosova
MGIMO-University
Odintsovo, Russia

ENGLISH WORK PROVERBS IN THE LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT

Abstract. The paper presents linguistic and cultural studies of English paremia on labour, it being aimed to reveal cultural and value priorities of the English. On the basis of semantic and linguocultural analyzes it was established that English people highly appreciate professional, qualitative, conscientious labour considering it a guarantee of a happy, successful life. The results of the research promote further learning of ethnic and sociocultural characteristics of the English and can be used in teaching both General English and theoretical courses of linguoculture and crosscultural communication.

Key words: paremia, proverbs, linguocultural analysis, crosscultural communication.

Стратегии исследования паремии

Человек во многом понимает мир благодаря языку, который хранит общечеловеческий и национальный опыт. Большое значение для познания прошлого и истоков культуры имеют паремии, включающие пословицы и поговорки (в греческом языке: паремия - «нравоучительное изречение»), которые по праву являются своего рода зеркалом многовековой народной мудрости. Они содержат в себе «и нравственный закон и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководстве потомкам» [Буслаев 2001: 41]. При этом через призму пословиц и поговорок отдельно взятой нации можно выявить и достаточно много общечеловеческих ценностей и убеждений.

В работе рассматриваются пословицы и поговорки английского языка, реализующие концепт «труд». В ходе исследования были использованы метод сплошной выборки для сбора материала; описательный метод; методы лексикографического, лингвокультурологического анализа лексики; метод концептуального анализа.

Пословицы и поговорки привлекают внимание ученых, фольклористов и писателей с XVII века до наших дней. Вначале исследование паремии ограничивалось собиранием и упорядочиванием материала, затем особый акцент делался на определении жанра, анализе количественного соотношения пословиц и поговорок и специфике пословиц как отдельной категории. XX в. и начало XXI века характеризуются узкоспециальным и целенаправленным лингвистическим интересом к пословичным фондам народов (А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, Ф.И. Буслаев, К.И. Григас, Г.Л. Пермяков, А. Дандис, Х. Касарес, В.В. Гвоздев, Ю.И. Левин, В.П. Жуков, С.Г. Лазутин, М.А. Рыбникова, З.К. Тарланов, Л.А. Морозова, Е.В Иванова, Л.Б. Савенкова, А. Тейлор, В.Л. Архангельский, Ю.А. Гвоздарев, Ю.Д. Левин, Н.В. Прекина, Н.М. Шанский). При этом рассматриваются паремии как малые жанры фольклора, исследуются синтаксис, стилистика, а также проблемы семантики, pragmatики пословиц в связи с менталитетом народа. Наряду с фольклористским, литературоведческим, лингвистическим подходами к исследованию паремий в XX в. возник еще один подход – лингвокультурологический [Маслова 1997; Телия 1996]. Пословицы и поговорки стали интересовать ученых в качестве носителя народной психологии и философии, того, что именуется народным духом и духовной самобытностью. С лингвокультурологических позиций, пословицы и поговорки рассматриваются как стереотипы народного сознания.

Лингвокультурологический анализ пословиц и поговорок напрямую связан с историей страны, развитием ее культуры, особенностями быта и

другими внешними факторами. Исследование пословиц и поговорок в лингвокультурологическом аспекте помогает уточнить, а в ряде случаев выявить дополнительные смысловые оттенки пословиц в связи с национально-культурной спецификой. Поэтому, несмотря на долгую и плодотворную историю изучения единиц паремиологии, их описание до сих пор остается актуальным. Лингвокультурологическое изучение паремии расширяет возможности более глубокого и точного отражения ее содержательного аспекта, способствует раскрытию источников, мотивировки и фоновых знаний. Пословицы и поговорки рассматриваются в лингвокультурологии в качестве одной из форм фиксации культурно значимых явлений, при этом лингвокультурологический анализ паремии направлен на выявление ее национально-культурной специфики.

Пословицы и поговорки изучаются также с позиций когнитивной лингвистики как отражение менталитета народа: «Пословичный менталитет – это один из вариантов языкового менталитета, шире – один из вариантов народного менталитета» [Мезенцева 2005: 25].

Из пословиц и поговорок во многом складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями языка. В лингвистике существуют разные определения языковой картины мира. В данной работе под картиной мира понимается «отражённый средствами языка образ сознания реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком. Языковую картину мира принято ограничивать от концептуальной или когнитивной модели мира, которая является основой языкового воплощения, словесной концептуализации знаний человека о мире» [Шакlein 2012: 234].

Конденсируя народный опыт, пословицы ориентированы своим содержанием почти исключительно на человека, черты его характера, поступки, отношения в семье, коллективе, обществе и т.п. «Становление пословицы связано с пониманием человеком своего места в мире, с диалектикой познания мира: пословица является результатом «спорта, диспута, словесного турнира» [Колесов 1989: 276].

Пословицы и поговорки воплощают в себе все многообразие жизни народа и его мировоззрение. Они передают как бытовые и социальные, так и философские, религиозные, морально-этические и эстетические взгляды, характерные для той или иной страны. Они реагируют на все без исключения явления действительности, охватывая практически все сферы человеческой жизни. Паремии являются неотъемлемой частью культуры любого народа, отражением социальных ценностей и чувств людей. Они впитывают в себя историю народа, отражая и фиксируя все этапы его исторического развития,

передавая энергию и дух людей, говорящих на определенном языке, их отношение к жизни и особенности менталитета [Гридина 1996: 176].

Пословицы и поговорки сопровождают человечество на протяжении долгих времен. Особый слог, простая форма, точность и лаконичность обуславливают их запоминаемость и необходимость в речи. Паремии передают весь многовековой познавательный опыт той или иной нации, ее нравственные, социально-эстетические, художественные идеалы и ценности. В них воплощен дух народа, его морально-этические нормы, отражена история движения народа по пути цивилизации. Пословицы и поговорки вобрали в себя всю специфику оценочного отношения к действительности, ее восприятия и отражения.

Кратко пословицы и поговорки можно определить как устойчивые выражения, широко употребляющиеся в речи. Однако при всей своей схожести пословицы и поговорки также имеют и ряд различий. В частности, они относятся к разным типам устойчивых единиц, которые не совпадают не по своей структурной организации, не по содержанию. На это обратили внимание уже первые исследователи пословиц и поговорок.

Пословица представляет собой самоценное высказывание. Она заключает в себе безусловную истину и без применения к какой-либо конкретной жизненной ситуации. Пословица не определяет действия, обстоятельства, лица, не является характеристикой. При этом она содержит в себе некий, неоспоримый для каждого человека нравственный закон. Ее действие распространяется не на конкретное событие, а на весь срок существования человечества. Это «заповедь», передаваемая народом из уст в уста, от поколения к поколению которой должны следовать все люди. Главной особенностью пословицы является ее законченность и дидактическое содержание. Поговорка же, наоборот, является характеристикой конкретных обстоятельств, личности человека или его поведения. Она воспринимается как реплика в той или иной ситуации и содержит иронию, даже сатиру. Поговорка отличается незавершенностью умозаключения, отсутствием поучительного характера. Обычно в качестве поговорок приводятся такие выражения, как: *When pigs can fly/ When two Sundays come together*. Иногда очень трудно отличить пословицу от поговорки или провести четкую грань между этими жанрами. В устной речи поговорки часто становятся пословицами, а пословицы – поговорками.

Заслуживают внимания те выразительные средства, с помощью которых достигается стойкость или запоминаемость пословиц и поговорок. Паремии имеют простую сбалансированную форму (*More haste, less speed*), характеризуются точной или ассонансной рифмой (*A stitch in time saves nine*), их отличает краткость (*Practice makes perfect*), они являются частью общест-

венного сознания, значение слов постепенно выходит за рамки пословиц (*Make hay while the sun shines*), и, наконец, паремии обладают подвижностью, меняясь по форме и содержанию.

Английский язык очень богат пословицами и поговорками, которые постоянно встречаются в литературе, в газетах, в фильмах, в средствах массовой информации в каждойодневной речи англичан. В целом, пословицы и поговорки создаются не столько для того, чтобы вычленить какие-либо явления из жизни, сколько для того, чтобы дать краткую и точную оценку отдельного отрезка действительности.

Иносказательный образ глубинной мысли, выраженной в пословице, является, прежде всего, отражением определенных культурных и исторических традиций той или иной нации. Они или действительно существовали ранее, или имеют место быть. Именно поэтому для выражения концептов реальной действительности каждая нация вне зависимости от других выбирает свои, близкие образы для сравнения, ориентируясь на особенности своей картины мира. В частности, британцы для сопоставления большого и малого широко используют меры измерения земли, которой в их стране достаточно мало. Такие категории как дюйм и миля, с одной стороны, указывают на национальную принадлежность данных пословиц и поговорок, а с другой – объясняют особенности такой сегментации реального мира: «*After dinner sit awhile, after supper walk a mile*».

Основными источниками возникновения английских пословиц и поговорок являются библейское, народное, литературное происхождение, использование цитат Шекспира, заимствование. Важно отметить и то, что иносказательный образ той или иной глубинной мысли является, прежде всего, отражением определенных культурных и исторических традиций конкретного народа. Для выражения концептов реальной действительности каждая нация вне зависимости от других выбирает свои, близкие образы для сравнения, ориентируясь на особенности своей картины мира. Именно поэтому пословицы, в основу создания которых положены определенные обычаи, обряды и предания либо исторические факты, довольно часто требуют дополнительной историко-этимологической информации с целью полного их понимания.

Лингвокультурологический анализ англоязычных пословиц и поговорок о труде.

В работе представлен семантический и лингвокультурологический анализ англоязычных паремий, в которых, так или иначе, раскрывается значение концепта «труд». Исследовательский материал, включающий 150

английских пословиц и поговорок о труде, отобранных методом сплошной выборки из словаря [Oxford Dictionary of Proverbs 2008], показывает отношение англичан к труду, а также выявляет особенности национального характера, связанные с трудовым процессом. Для уточнения значения пословиц и поговорок о труде использовались словари [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 2009, Longman Dictionary of English Language and Culture 2009].

Анализ материала, говорит в целом о явно положительном отношении англичан к труду. Так, из всего количества исследуемых примеров пословицы и поговорки, указывающие на негативное отношение к труду, составляют только 4 % (6 примеров): *All lay load on the willing horse/ Only fools and horses work/ A woman's work is never done.* Причем, в них скорее подчеркивается то, что работа требует больших затрат сил и энергии, а не пренебрежение к работе как таковой. Таким образом, в ментальном поле английской нации скорее отражена тяжесть труда, при этом мысль о том, что эта деятельность является бесполезной и не нужной, отсутствует.

Все остальные примеры говорят о важности труда, его пользе и глубоком к нему уважении в английском обществе: *The labour is in itself a pleasure/ Hard work never did anyone any harm/ A good deed is never lost.* В рассмотренном материале выявлены группы, которые включают пословицы и поговорки, касающиеся той или иной стороны труда и его роли для носителей языка.

Самая многочисленная группа представлена паремиями, прославляющими качественный труд, включая и «грязную» работу, а также добросовестное к нему отношение (40% примеров): *If job is worth doing it is worth doing well/ Never do things by halves/ As you sow, so shall you reap/ As you make your bed, so must you lie on it/* В паремиях этой группы прослеживается мысль о необходимости приложения усилий для достижения должного результата: *No cross, no crown/ He that would have eggs musten dure the cackling of hens.* Более того, для достижения высоких результатов необходимо не бояться тяжелого труда. Выделенная группа пословиц еще раз подтверждает фактуважительного отношения английской нации к трудовой деятельности, для них даже самая «грязная» работа оправдана: *The best fish swim near the bottom/ He who would catch fish must not mind getting wet/ He who takes the profit ought also to take the labour.* Анализ всех пословиц этой группы подтверждает тот факт, что для английского народа залогом успеха является только интенсивный труд. В любой работе необходимо приложить достаточно много усилий, чтобы она дала плоды. Все эти паремии, прежде всего, подчеркивают, что для англичан

качество выполнения работы также является очень важным критерием оценки человека и его деятельности.

Довольно обширно в английском языке представлена группа паремий (10% примеров), в которых указывается на необходимость доведения начатого дела до логического завершения, подчеркивается важность энтузиазма в работе, превозносится добросовестность ее исполнения: *A journey of a thousand miles begins with a single step*. В пословицах и поговорках этой группы отмечается важность любого этапа работы: *Well begun is half done/A good beginning is half the battle/A good beginning makes a good ending/The end crowns the work*. Во всех этих изречениях можно увидеть, насколько важно соблюдение всех этапов трудового процесса для англичан. При этом энтузиазм и увлеченность на старте является залогом добросовестного доведения начатого дела до конца.

Англичане высоко ценят профессионализм в работе (13% примеров): *Such carpenters, such chips/The workman so is the work/A tree is known by its fruit*. Все эти примеры, четко демонстрируют отрицательное отношение англичан к тем, кто перекладывает ответственность за плохие результаты своей работы на внешние обстоятельства. В англоязычных пословицах о труде часто прослеживается мысль о том, что результаты работы, ее итог напрямую зависят от профессиональной подготовки работника, его мастерства.

Значение и важность труда для английского общества определяется и такой группой паремий, которые категорически осуждают болтливость (12%) в работе: */Deeds, not words/A man of words and not of deeds is like a garden full of weeds/Easier said than done*. Интересно заметить, что паремии этой группы отличаются высокой экспрессивностью для них характерно наличие аллегории, отождествлений с теми или иными иносказательными образами: *Great cry and little wool/A man of words and not of deeds is like a garden full of weeds*.

Довольно обширную группу в английском языке составляют пословицы и поговорки, порицающие лень в работе, они составляют 12% примеров: *Idleness is the mother of all evil/Idleness rusts the mind/Idle folks lack no excuses/Of idleness comes no goodness*. Анализ всех этих примеров показывает, что в английской культуре безделье всегда придавалось критике и осуждению. Во всех этих пословицах указывается на то, что человек в первую очередь оценивается по своим поступкам.

Почтительное отношение к труду, прослеживается в примерах (9%), которые утверждают приоритетность труда над развлечением: *Business before pleasure/Business is the salt of life/In the morning mountains, in the evening fountains/Work done, have your fun*. При этом заслуженный отдых не

отрицается, а поддерживается: *The busiest man finds the most leisure/ All work and no play makes Jack a dull boy*. Все эти паремии акцентируют внимание на том, что именно работа должна занимать главное место в жизни каждого человека. При этом отдых рассматривается исключительно как награда за достойное ее выполнение: *First deserve and then desire*.

Паремии, утверждают, что качественное выполнение работы предполагает высокую ответственность за ее исполнение: *Self done is well done/ Too many cooks spoil the broth/ Everybody's business is nobody's business*. Смысл этих устойчивых выражений сводится к совету не перекладывать ответственность за результаты своей работы на кого-либо, рассчитывать необходимо только на себя.

Осуждается и чрезмерная спешка как нежелательная черта, отнюдь не способствующая выполнению работы на должном уровне качества, что отмечается в следующих примерах: *More haste, less speed*. При этом подчеркивается, что отведенное время на выполнение того или иного дела влияет на результат, а тщательное выполнение работы является приоритетом.

В паремиях о труде находят отражение и такие типичные черты,ственные английскому народу, как точность, внимательность, аккуратность и тщательность. Этот смысловой подтекст наиболее ярко отражается в следующих устойчивых выражениях: *Score twice before you cut once/ Measure the cloth ten times, thow canst cut it but once*. Интересная мысль прослеживается и в таких пословицах: *He who begins many things, finishes but few/ If you run after two hares, you will catch neither*. Иными словами, англичане ценят сосредоточенность на одном деле, подразумевая, что стремление браться сразу за несколько видов работы не приведет к хорошему результату ни в одном из них [Иванова 2010: 25]. Только с помощью долгого и упорного труда можно достичь хорошего результата: *He that shoots often lasts hall hit the mark/ Patience brings everything about/ Everything comes to him who knows how to wait/ With time and patience the leaf of the mulberry becomes satin/ Everything comes to him who knows how to wait/ With time and patience the leaf of the mulberry becomes satin*.

Одной из главных особенностей англоязычных пословиц и поговорок является конкретность в выражении смыслового подтекста. Так, для пословиц английского языка скорее характерен совет, предостережение: *Idleness rusts the mind*. В английской паремии распространено отождествление тех или иных человеческих качеств, проявляющихся в процессе труда, с образами животных. Символом трудолюбия и добросовестного отношения к работе выступает образ пчелы, птички: *The early bird catches the worm*. Для англоязычной лингвокультуры, также характерен образ бобра: *An eager beaver/ To be as busy as a beaver*.

Только добросовестный труд является залогом материального благополучия и процветания в англоязычной культуре. Негативное отношение к труду занимает незначительное место в английской паремиологии и составляет только 4%. Можно сделать вывод о том, что в англоязычной лингвокультуре паремии с положительной оценкой труда, как вида деятельности являются превалирующими. В любой работе главным приоритетом для англичан являются высокое качество, тщательность и систематичность. В английских пословицах и поговорках четко прослеживается мысль и о том, что по работе мастера можно оценить, насколько он хорош, а отношение к безделью зачастую бескомпромиссное, это прямая дорога к нищете и лишениям. Добросовестный труд, напротив, является и залогом материального благополучия, и процветания в английской культуре.

В целом, было бы неправильным делать выводы об отношении к труду того или иного народа, взяв за основу исключительно анализ пословиц и поговорок. Паремии представляют лишь небольшую часть языкового сознания англичан как нации. В основе как положительной, так и отрицательной оценки концепта «Труд» лежит множество факторов. Отношение к одному и тому же понятию разных социальных групп, может существенно разниться. При этом не стоит списывать со счетов и социально-исторические условия развития того или иного народа, а также тип культуры, к которой он принадлежит.

Заключение

Давно замечено, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и более глубокому пониманию образа мыслей и менталитета народа. Правильное и уместное использование пословиц и поговорок придает речи неповторимое своеобразие и особую выразительность.

Английские пословицы и поговорки многозначны, часто реализуют достаточно общее значение, не конкретизируя определенные явления действительности, они ярки по своей выразительности и разнообразны по форме. Характерной чертой английских паремий о труде является то, что они выражают в основном положительное отношение англичан к трудовой деятельности, более того, качественное, добросовестное, профессиональное отношение к трудовой деятельности является критерием высокой оценки человека, залогом его благополучия.

Анализ английских паремий о труде и трудовой деятельности показал, что англичане выделяют понятие «труд» в качестве одной из основополагающих социальных ценностей в жизни личности: труд не только кормит,

но и облагораживает, является одной из главных составляющих жизни общества.

Значимость исследования заключается не только в уточнении понимания ценностной картины мира носителей английского языка, определении этнических и социокультурных особенностей английских паремий о труде, но и в возможности использовать полученные сведения на практике: в преподавании английского языка, а также теоретических курсов лексикологии, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Литература

1. *Буслаев Ф. И.* Древнерусская литература и православное искусство. – СПб.: Лига плюс, 2001. – 349 с.
2. *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. – 215 с.
3. *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. – СПб.: Питер, 2010. – 137 с.
4. *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. – СПб.: Питер, 2010. – 137 с.
5. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 4. Мудрость слова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ: Нестор-История, 2011. – 480 с.
6. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
7. *Мезенцева Е.С.* Пословичный фонд языка как фрагмент языкового сознания этноса // Вестник КазНУ. – №2. 2005. – СС. 23-26.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, pragматический и лингвокультурологические аспекты. – М., 1996. – 241с.
9. *Шакlein В.М.* Лингвокультурология. Традиции и инновации. Монография. – М.: Флинта, 2012. – 301 с
10. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (7 th edition). – Oxford University Press, 2009. – 1780 p.
11. *Longman Dictionary of English Language and Culture* (15th edition). – Addison Wesley, 2009. – 1528 p.
12. *Oxford Dictionary of Proverbs* (6ed). Edited by John Simpson and Jenifer Speake. –Oxford: University Press, 2008. – 625 p.

E.B. Власова

Одинцовский филиал МГИМО МИД России

Одинцово, Россия

**ГИПЕРБОЛИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО
ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРЕОЦЕНКИ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЧАН
(на материале художественной литературы начала XXI века)**

Аннотация. В статье рассматривается гиперболическая метафора, используемая в речи современных англичан для создания эффекта преувеличения. Определяется особое место гиперболической метафоры в речи персонажей современной художественной литературы, служащей не только для выражения оценочной характеристики окружающей действительности, но и для выявления завуалированной социально-культурной информации.

Ключевые слова: гиперболическая метафора, переоценка, преувеличение, средний класс, средний и старший возраст.

Ekaterina V. Vlasova

MGIMO-University

Odintsovo, Russia

**HYPERBOLIC METAPHOR AS A MEANS OF EXPRESSING
OVERESTIMATION IN THE SPEECH OF MODERN ENGLISH PEOPLE
(based on the fiction sources of the early XXI century)**

Abstract. The article deals with the hyperbolic metaphor used in the speech of modern Englishmen to create the effect of exaggeration. The author defines the special place of hyperbolic metaphor in the speech of characters of modern fiction, which serves not only to express the evaluation characteristics of the surrounding reality, but also to identify the hidden social and cultural information.

Keywords: hyperbolic metaphor, overstatement, exaggeration, middle class, middle and senior age.

Переоценка – это языковая категория, которая нарочито завышает оценочную реакцию на ситуацию, людей и предметы с определённой целью, она отражает культурные и национальные особенности британского характера [Ивушкина, Власова 2005: 14]. Переоценка всегда связана с переносом значения, в частности, с гиперболой или гиперболической метафорой

[Ивушкина 1997: 73]. Гиперболическая метафора (метафорическая гипербола) – это образная метафора, основанная на преувеличении [Москвин 2004: 52]. В случае переоценки необходимо тщательно соотносить каждый пример с метафорой, так как не всякая метафора создаёт эффект преувеличения, утрирования [Ивушкина 1997: 73]. Гиперболическая метафора отражает лингвокультурные особенности коммуникативного поведения британцев, которые свидетельствуют о культурных традициях и навыках, манере поведения, жизненных установках людей. Гиперболическая метафора используется для того, чтобы передать чувства англичан, подчеркнуть иногда театрализованность и комичность ситуаций, в которые они попадают. Переоценка, создаваемая гиперболической метафорой, всегда дает возможность также отразить особенность представителей среднего класса говорить обо всем в утрированном виде. Интересно, что гиперболическая метафора использовалась для создания переоценки и в речи джентри XIX и начала XX века. Этот же стилистический приём мы находим в речи представителей средних классов в начале XXI века, причем в речи средних классов гиперболическая метафора представлена в более оригинальном и нешаблонном виде. Эта особенность является социально значимой.

Остановимся на анализе использования гиперболической метафоры в речи современных англичан в романе «Моя жизнь на тарелке» современной британской писательницы И. Найт. Основные персонажи романа – мужчины и женщины среднего класса среднего и старшего возраста, имеющие профессию журналиста, чья речь представляет собой богатый материал для анализа употребления метафор. Отметим, что употребление метафор для выражения переоценки в данном романе имеет целью реализовать коммуникативные стратегии говорящих, такие как, например, критика, привлечение внимания и выражение негодования. Рассмотрим примеры:

1. “ ‘And it is in spite of supportiveness that I would urge you all to keep the bread and rolls away from Clara, who is in serious danger of turning into...well, a sort of pudding on legs, really.’ Kate looks pensive. ‘Or perhaps a hippopotamus...’” [Knight 2000: 25].

Кейт, представительница старшего поколения, обеспокоена внешним видом своей дочери, явно склонной к полноте. Зная ее пристрастие к хлебу и всему мучному, она хочет остановить ее, предупредить о том, что она будет похожа на “пудинг на ножках, а, может быть, и на бегемота”. Гиперболическая метафора используется для того, чтобы реально обрисовать возможные последствия увлечения булочками и образумить свою дочь. Подобная перспектива к тому же и смешная.

Приведём примеры метафорического переноса значения, используемые в речи *Клары*, представительницы среднего возраста, которая в шутку говорит о себе следующее:

2.“...I am the Elephant Girl and may as well pack my trunk now feeling.” [Knight 2000: 34]; (я девочка-слон).

3.“ ‘Big Pig,’ I’d reply, matter-of-factly, dishing out the chicken (we toyed with the idea of my shouting it – ‘BIG PIG’ – for added impact). ‘It’s Robert’s special name for me. I am Big Pig.’” [Knight 2000: 48-49]; (я большой поросёнок).

Существительные Elephant и Pig дают смешную и комическую характеристику персонажа – большая и толстая. Героиня играет этими сравнениями, дожидаясь участия и внимания своего мужа. С другой стороны, это своеобразная игра, в которую супруги играют ради смеха перед гостями: “We were trying to think of the most horrible pet names to use out aloud, with the specific intention of appalling our guests. Merely imagining Naomi’s repulsed and bewildered face – ‘But it’s so cruel!’ – reduced us to tears of laughter.” [Knight 2000: 48-49].

4.“I’m an appalling parent. I’m an *atrocious* mother. My poor little boy has nits and it takes me ages to do anything about it and even when I do it doesn’t work. I light a stress-relieving cigarette (bad mummies are like the baddies in US blockbusters: we all smoke). I’m such a *lamentable* parent, I think, that I don’t even notice what’s going on in my own child’s head. I’m a freak. I’m a monster.” [Knight 2000: 175].

В данном примере героиня называет себя “уродливой и чудовищем”, ругая себя за то, что не заметила вшей у ребёнка, так как думала только о своих проблемах. Она также называет себя “ужасной матерью” и “жалкой родительницей”, демонстрируя своё «раскаяние». Энантиосемические выражения (выделенные курсивом) свидетельствуют об иронии героини, которая, уже в следующее мгновение, думает о том, должна ли она нести наказание и пропустить вечеринку ради избавления от вшей:

“...I am wondering whether I should miss tonight’s party and do de-lousing penance.”

5.“ ‘...do you think I’m butch?’

‘Not normally, no. But like all tall women, you have to be careful.’

‘Do you think I’m obese?’ I often use exaggeration as a little signal to Robert to go easy on me. Am I obese? Am I hideous? Is my hair like rat’s tails? Sometimes it works. And sometimes it doesn’t.”

‘You are slightly overweight,’ Robert replies evenly, ‘but not actually a poker. You aren’t actually *my little porker*. You aren’t my Big Pig either.’ For a split second, he looks like malice incarnate. Then he starts giggling” [Knight 2000: 48].

Клара поддразнивает и заводит своего мужа: “Ты считаешь меня мясником?; Я жирная? Я противная? Мои волосы как крысиные хвостики?” для того, чтобы привлечь его внимание и чтобы он проявил тактичность по отношению к ней. Иногда с помощью переоценки в свой адрес она добивается своей цели, а иногда нет. В данном случае он вовлекается в легкую незлобную словесную игру, которая переходит в злоумышленную насмешку.

Все вышеперечисленные примеры переоценки находим в речи Клары, от лица которой повествует писательница. Клара Хатт беспрерывно попадает в самые неожиданные и нелепые ситуации, и автор комически передает все ее переделки.

В рассмотренных выше примерах эксплицитно присутствует оценка употребляемых рассказчиком языковых средств, свидетельствующая о замысле автора сконцентрировать внимание читателя на имеющееся в тексте несоответствие между реальными событиями и оценкой этих событий героями романа для создания комического эффекта. Для того, чтобы преувеличение вызывало смех, оно должно восприниматься как чрезмерное, а для этого необходимо, чтобы сама ситуация была настроена достаточно высоко, то есть вызывала бы у читателя определённое ожидание.

6. “My own father, the improbably named (for sometime manic depressive) Felix, never actually had much of a job, which explains why I am the only one of my siblings, both blood and step, to actually need to work for living and to fret about mortgages. Felix, Kate says, was ‘a biker,’ which is only a very slight exaggeration.” [Knight 2000: 84];

Здесь героиня упоминает собственного отца, который, по мнению матери, был “мотоциклистом”, что считается “лёгким преувеличением”. Слово «мотоциклист» на самом деле предполагает бездельника и тунеядца.

С помощью гиперболической метафоры героиня (автор романа) критикует своих героев и смеется над ними. Гиперболическая метафора является мощным средством характеристики явлений и предметов действительности и в значительной степени способствует раскрытию авторского мироощущения, выявляя субъективно-оценочное отношение писателя к фактам объективной действительности. Данный приём позволяет автору передать в более яркой и утрированной форме чувства и состояния своих персонажей и с помощью сильного, неадекватного преувеличения создать комический и иронический образ ситуации. Гиперболическая метафора преимущественно употребляется в речи женщин среднего и старшего

поколений, умеющих творчески подходить к языку, играть словами, выражать критику и иронию.

Литература

1. *Ивушкина Т.А.* Язык английской аристократии: социально-исторический аспект: монография / Т. А. Ивушкина / МГУ, ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1997. – 157 с.
2. *Ивушкина Т.А., Власова Е.В.* Недооценка и переоценка в речи современного англичанина: социолингвистический аспект: монография. Волгоград: Перемена, 2005. – 149 с.
3. *Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 248с.
4. *Knight I.* My Life on a Plate. – London, 2000.

O.B. Вострикова
Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

СТИЛИЗОВАННАЯ РЕЧЬ ИНОФОНОВ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕЧЕ-ЯЗЫКОВЫХ АВТО- И ГЕТЕРО- СТЕРЕОТИПОВ

Аннотация. Ломаная речь инофонов, стилизованная в художественных текстах, отражает имплицитные метаязыковые представления наивного пользователя языка о своём и чужом языках и речевом поведении, а также об отличиях между ними, вызывающих в наивном представлении трудности и ошибки при коммуникации. Подобные трудности и ошибки характерны и типичны в каждом конкретном случае взаимодействия между интерферирующим (родным для инофона) и интерферируемым (чужим для инофона) языками. Эти специфические отличия служат основой для метаязыковых представлений об иностранных акцентах, узнаваемых и признаваемых непрофессиональными пользователями, и складывающихся в кластеры языковых стереотипов.

На примере лингво-имагологического анализа ломаной речи франкофона и германо-фона – героев детективных произведений А. Кристи – выявляются различия в восприятии англоязычным наивным пользователем характерных особенностей французского и немецкого языков.

Ключевые слова: лингвистическая имагология; этно-стереотип; инаковость; метаязыковое представление; инофон; ломаная речь.

Olga V. Vostrikova
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

STYLIZED SPEECH OF FOREIGN SPEAKERS OF DIFFERENT CULTURES AS A REFLECTION OF SPEECH AND LANGUAGE, AUTO- AND HETERO- STEREOTYPES

Abstract. A foreigner's broken speech stylized in literary texts reflects implicit metalinguistic perceptions of naive language-users about their native and foreign

languages and speech behavior, as well as about the differences between them, which according to the naive perception cause difficulties and errors in communication. Such difficulties and errors are typical in each case of the interaction between the interfering (native to the foreigner) and the interfered (foreign to the foreigner) languages. These specific differences serve as the basis for metalinguistic perceptions of foreign accents, recognized and accepted by non-professional users. The recognized differences form clusters of linguistic ethno-stereotypes.

The linguo-imagagological analysis of broken speech of a French-speaking and a German-speaking heroes of A. Christie's detective works reveals the differences between the characteristic features of the French and German languages in the English-speaking naive user's perception.

Keywords: linguistic imagology; ethno-stereotype; strangeness; meta-linguistic perception; foreigner; broken language.

Наблюдения за языковой репрезентацией социального феномена инаковости сохраняют свою актуальность в филологии последние несколько декад. На наш взгляд, это вызвано не только активной межнациональной интеграцией, но и обратной реакцией на культурную глобализацию. Культуро-несущие документы – по мнению мэтра имагологии Йупа Леерсена, прежде всего моделирующие разговорную речь художественные тексты с зафиксированными в них этно-стереотипами [Поляков 2015: 165] – обязательный материал имагологического анализа, процедуры, проводимой имагологией, наукой, концептуализирующей и структурирующей образ «иного» в противопоставлении образу «своего», как отклонения от нормы – стандарту. Художественный текст в субъективной авторской интерпретации выражает наиболее характерные черты, узнаваемые и признаваемые публикой как аутентичные.

Лингвистическое направление имагологии занимается среди прочего и языковыми этно-стереотипами, которые мы рассматриваем как результаты метаязыковой рефлексии, т. е. представлений, оценки и интерпретации всевозможных элементов родного или иного языка: грамматики, лексики, звучания и т. д. и речевого поведения, – в сознании наивных, непрофессиональных пользователей языка о своем языке и любом другом в каждом конкретном случае [Хайров 2017: 293-294]. Коммуникативное поведение и рече-языковая деятельность являются отдельными составляющими имагологического образа и подвергаются стереотипизации. Противопоставление «своего» и «иного» в сознании, с точки зрения носителя языка – не-филолога, основываются на принципиальных отличиях между его собственным родным языком и родным языком говорящего иностранца и, согласно «прото-теориям наивных пользователей, лежат в основе большинства некорректных выборов» [Кашкин

2012: 244]. Художественный текст «реализует личные представления и вкусы автора, в том числе языковые и метаязыковые, однако писатель является частью языкового коллектива, и его сознание – это часть культурного самосознания общества, поэтому изучение метаязыковых суждений, вербализованных в художественных текстах, позволяет делать выводы о некоторых общих закономерностях обыденной метаязыковой рефлексии» [Шумарина 2011: 27].

Ограничность, повторяемость и оценочность, т. е. стереотипность средств при изображении речевых индивидуальных черт любых героев в художественном тексте – установленный факт. Ломаная речь инофона (ЛРИ) классифицируется лингвистами как разновидность периферийных языковых подсистем смешанного (коллективно-индивидуального) типа [Голованова 2012]. Регулярно повторяющиеся различия в изображении контаминированной речи инофонов в художественном дискурсе могут идентифицировать говорящих территориально, отражая специфические отличия их родных языков от вторых языков, на котором они говорят, что позволяет, «несмотря на отсутствие их чёткой нормативности, <...> различать типы такой речи и обуславливает существование стереотипных представлений о ней» [Ibid: 9].

В настоящем сообщении представлены примеры стереотипных представлений англоговорящих о трудностях, испытываемых франкоязычным и германоязычным билингвами, для которых английский язык является неродным.

Эти билингвы – персонажи детективных произведений А. Кристи (A. Christie) Эркюль Пуаро (Hercule Poirot) и кухарка Мици (Mitzi). Библиографом Е.Н. Цимбаевой было замечено, что писательница неоднократно включала в свои произведения персонажей-инофонов в ролях как добропорядочных свидетелей, несчастных жертв, так и преступников [Цимбаева 2013: 120].

Литературные произведения, в которых действуют означенные персонажи, появились по большей части в социально-политической атмосфере до- и послевоенного периода, времени стремительной потери Британией позиций недавнего мирового лидерства. Однако, как показывают наблюдения [Вострикова 2016], недавние экranизации (1985-2013 гг.) произведений гения детектива, созданные в эпоху тотальной миграции, доминирующей политики толерантности и политкорректности, свидетельствуют о популярности сюжетов и посылов произведений, а «инаковость» героев акцентируется и получают развитие.

Итак, для лингво-имагологического анализа ЛРИ послужили выборки реплик Э. Пуаро, центрального героя целого цикла произведений, созданных

на протяжении 1920-х-1970-х гг. (далее в каждом случае будет указан источник приводимого примера), и Мици, второстепенного персонажа детективного романа «Объявлено убийство» («A Murder Is Announced», 1950).

Бельгийская этно-культурная принадлежность первого не только обозначена автором, но многократно подчёркивается через ошибочное, полное презрения принятие его за француза англичанами: «*Suddenly Lord Mayfield laughed. 'By the Lord, George, I thought you were too much of an old John Bull to put your trust in a Frenchman, however clever'*». («The Incredible Theft», 1937).

Вероятно, страна предыдущего проживания кухарки Мици – Германия или Австрия. Эта информация прямо не обозначена в тексте, но вдумчивый читатель может догадаться, принимая во внимание следующие признаки принадлежности беженки к германской культуре. Один из основных неречевых маркеров этно-культурной принадлежности Мици – её имя: германский сокращенный ласкательный вариант имени Мария. Мици при первом появлении одета в яркую юбку дирndl – часть национального женского костюма в альпийском регионе Германии и Австрии (Баварии, Тироле и т. д.). Высокое кулинарное мастерство Мици – «контршаблон» стереотипа о безвкусности английской кухни: она прекрасно готовит мясные блюда и выпечку, что характерно для германско-австрийской кухни: «*These foreigners certainly understand confectionery*». Детектив-любитель Мисс Марпл, дабы подвигнуть Мици на помочь в раскрытии преступления, льстит ей, предполагая, что у себя на родине она бы участвовала в Сопротивлении (разрозненные группы участников которого действовали и в Германии)».

Что касается авторской прямой характеристики речи инофонов, то она отсутствует относительно бельгийца Пуаро, несмотря на то, что ей не обделены «разовые персонажи» цикла: «*Although Mrs Luttrell occasionally affected a faint brogue, she had no Irish blood. It was a mere affectation*» («Curtain: Poirot's Last Case», 1940-е гг.). Возможно, это сделано преднамеренно, т. к. ЛРИ, производимая сыщиком постановочна: «*It is true that I can speak the exact, the idiomatic English. But, my friend, to speak the broken English is an enormous asset. It leads people to despise you. They say – a foreigner – he can't even speak English properly... And so, you see, I put people off their guard*» («Three Act Tragedy», 1935).

Язык и речевое поведение Мици вербально характеризуется и указывает на её инаковость. Мици излишне эмоциональна, громка, несдержанна, некультурна: «*tempestuous*»; «*said dramatically*», «*said conversationally*», «*screeched*», «*screamed triumphantly*», «*burst into a torrent of words*», «*said defiantly*», «*asked sulkily*», «*cried in an ecstasy*».

Метаязыковая рефлексия особенностей немецкого языка вербализуется в фиксации его характерной фонической и лексической грубоści: «*Mitzi uttered a sound that to Miss Blacklock's English ear sounded like Schwitzebzr or alternatively like cats spitting at each other.*»

Упомянутая излишняя эмоциональность речи касается и Э. Пуаро и является одним из ключевых невербальных лингвистических маркеров представителей неанглийской культуры.

Их реплики изобилуют междометиями и нехарактерными для английского языка восклицаниями и восклицательными предложениями: «*'Sacre!' murmured Poirot to himself, as he brought back the replenished cup.*»; («The Mysterious Affair at Styles»); «*Oh, yes, I could tell you!*», «*That is what you say last time – and see what happened!*» («A Murder Is Announced»).

Также для выражения волнения, страха, гнева в речи Мици регулярно встречаются такие стилистические приемы, как лексический повтор: «*And then I bring candles, many many candles – and the lights go on, and I see blood – blood!*», пролепсисы: «*My family they all die*» и т. н. расщеплённые предложения (cleft-sentences): «*Then it is a maniac that is about!*». Пролепсис – характерное для французского языка двойное подлежащее – встречается и в репликах детектива: «*That object, it concerns Mr. Alfred Inglethorp*» («The Mysterious Affair at Styles»).

Повторы, пролепсисы и расщеплённые предложения, на наш взгляд, к тому же служат демонстрацией ограниченного вокабуляра и средством паузации, необходимой инофону для подбора языковых средств для дальнейших высказываний. Отсюда их относительная редкость несмотря на больший объём анализируемого материала в случае инофона, лучше владеющего английским языком, и частота их использования во втором случае.

Исследования прагматику речи Пуаро на материале сборника ранних рассказов «*Poirot Investigates*» (1924 г.) И.Ю. Мишенцева установила, что его билингвизм – сбалансированный (владение обоими языками – на высоком уровне), активный (способность воспринимать и продуцировать речь на обоих языках), двуединый (одинаково развитая устная и письменная речь), взрослый по возрасту формирования, естественный по способу формирования, неинтенциональный (этот вывод мы подвергнем сомнению: несмотря на то, что писательница не рассказывает, как и где бельгиец Пуаро усвоил английский язык, нам кажется, процесс мог быть в равной мере произвольным), аддитивный (английский – более престижен в создавшемся для героя положении эмигранта), неблизкородственный (что в случае английского и французского языков, на наш взгляд, относительно), контактный (по характеру культурноязыковых контактов), чистый (по характеру взаимодействия языковых систем

в сознании) [Мишинцева 2010: 100]. По прочтении цикла становится ясным, что кроме родного французского и второго английского, он говорит на немецком, итальянском и немного – арабском.

Следуя процитированной характеристике, определяем билингвизм Мици как не сбалансированный в сторону интерферирующего родного немецкого языка, активный, (не)двуединый (?) (в тексте нет ссылок на письменное владением Мици английским), взрослый, естественный, интенциональный, аддитивный, близкородственный, контактный, чистый. Т. о. за исключением уровня владения английским языком, билингвизм героев подобен. Мы предполагали большее количество и разнообразие стилизующих маркеров в речи героини, особенно относительно словаря, сочетаемости, идиоматики согласно научно установленному реифицирующему мифу о знании языка как знании большого количества слов [Кашкин 2012].

Лингво-имагологический анализ непосредственно реплик инофонов показал следующее.

Особенностями фонетического уровня в обыденной англоязычной картине мира характеризуются, а в художественной литературе – отражаются как территориально-социальные диалекты, так и стилизованная ЛРИ [Голованова 2012: 9]. Однако фонетический аспект не актуален для презентации ЛРИ в рассматриваемых печатных текстах (опять же см. графоны в реплике англичанина-хозяина дома, сдающего квартиру эмигрантам-белгийцам: «*You'm from the Hall, hain't you?" he asked.*» («The Mysterious Affair at Styles», 1920)). При этом отметим, что в киноверсиях и аудиокнигах, где ЛРИ получает возможность аудио-репрезентации; фонетическая составляющая стилизации четко выражена регулярными фонетическими и фонологическими маркерами, характеризующими фонетические особенности интерферирующих французского и немецкого языков.

Речь обоих персонажей контаминация, т. е. содержит ошибки, возникающие вследствие языковой интерференции, в т. ч. (нарочно контаминированная?) речь Пуаро.

Набор средств, стилизующих ЛРИ, используемый А. Кристи, невелик. Индивидуальные отклонения от нормы вообще в художественном тексте обычно изображаются автором по принципу типичности и стереотипности [Голованова 2012: 18]. К тому же подобная ограниченность характерна для стиля писательницы.

Наиболее очевидными предваряющими чтение языковыми маркерами ЛРИ выступают лексические вкрапления французских и немецких заимствований, выполняющих функцию самоидентификации. В обоих случаях

интерферирующие вкрапления немногочисленны, причём более разнообразны в случае франко-говорящего героя.

Пуаро прежде всего использует франкоязычные обращения: *mon ami*, *mon cher*, *Messieur(s)*, *Madame*, *Mademoiselle* и императивы: «*Ne vousfachez pas!*» («The Mysterious Affair at Styles»), выполняющие фатическую (привлечения внимания) и перлокутивную (воздействующую) функции; междометия: «*Not so. Voyons! One fact leads to another-so we continue. Does the next fit in with that? A merveille! Good! We can proceed*» («The Mysterious Affair at Styles») и т. п., – чтобы выразить эмоции.

Немецкоязычные лексические вкрапления также носят междометийный характер и выполняют эмоциональную функцию: «*Ach!*», «*Ach, Gott im Himmel, the blood!*», «*Ach so!*».

Полагаем, что автор намеренно избегала большого числа вкраплений, например, с предметно-тематической функцией (когда говорящему привычнее или легче называть какие-то объекты на родном языке), дабы не «усложнять» условия детективной задачи, тем более учитывая аддитивность интерферирующих французского и немецкого.

Вопреки ожидаемому, лексические ошибки в обоих случаях отнюдь не частотны.

От А. Кристи исходила идея о «его (Пуаро) тенденции выбирать неправильные слова» [Suchet 2013: 70]. Так неоднократно встречаются лексико-грамматические кальки с французских сочетаний с когнатом *comprendre*: *je comprends pas*, *Vous comprenez?* – *I comprehend / You comprehend(?)* («постигать нечто сложное для понимания» вместо «понимать») причем наряду с более естественно звучащими *I understand / You understand* (?). Однако бельгиец чувствует разницу коннотаций синонимов: В реплике «*Ah, yes, it is what you call the old **gasp** – no, pardon, the old **wheeze** – that –to come back for a book*» («The Incredible Theft») ошибочно использованное первоначально существительное *gasp* заменяется на правильное *wheeze* – синонимы в прямом значении *тяжёлое дыхание*, но у *wheeze* есть переносное значение «избитая шутка, трюк». «*No, I am not pleased (доволен). But I am content (удовлетворен)*» («The Incredible Theft»).

Другая разновидность лексической контаминации речи – стилистическое несоответствие лексем, т. наз. книжность, формальность речи, характерная для иностранцев, изучающих язык по литературным источникам, либо индивидуально – для Пуаро, склонного к некоей театральности: «*I conceive(of) a plan*» («Curtain: Poirot's Last Case») (вместо стилистически нейтрального *think* «обдумывать»).

Книжность, однако, характерна не только для речи Пуаро, но и многих других персонажей. Так Гастингс описывает в воспоминаниях: «*'My dear Poirot,' I expostulated, 'I never thought it would interest you. I didn't know it was of any importance.'*» («The Mysterious Affair at Styles»).

В речи немецко-говорящей кухарки наблюдаются опущения, репрезентирующие незнание английских эквивалентов: «*When I saw that in the paper saying about murder I wanted to go away*» (должно быть – «advertisement»); неверная контекстная семантика слова «*I want now to make a very careful sauce.*»; сочетаемостные ошибки при калькировании конструкций интерферирующего языка (нем. Herr Polizist): «*What do you come in my kitchen for, Mr. Policeman?*»

Контаминация также проходит на фразеологическом, грамматическом и синтаксическом уровнях.

Однако идиоматика в английском метаязыковом наивном сознании, видимо, не является показателем уровня владения языком. Пуаро весьма уместно использует английские идиомы, свидетельствующие о высоком уровне владения иностранным языком: «*blood tells*» («The Mysterious Affair at Styles»), «*to leave no stone unturned*» («The Incredible Theft»), «*to go without a hitch*» («Four and Twenty Black Birds») и т. д.

Мици также грамотно употребляет устойчивые выражения различной степени идиоматизированности: «*...she sends him away, as – you say, with a flea in the ear*»; «*Why look down your nose?*»; «*...and I hold my tongue till now*»; «*Again and again I answer the door*» и т. п.

К типовым грамматическим признакам контаминации ЛРИ франкофона относятся только отсутствие редуцированных форм вспомогательных глаголов и отрицаний: «*It is very clear, is it not?*» («The Incredible Theft»). Оно же характерно и для ЛРИ германофона: «*That young man, he does not work alone.*»

Грамматически речь Мици более интенсивно контаминирована, видимо, в силу более низкого уровня владения английским языком.

Типовыми, но нерегулярными ошибками, стилизующими ломаную речь немецко-говорящего персонажа на английском языке, видятся также следующие явления.

- Несогласование числа имени существительного с глаголами, замещающими их местоимениями и т. п.: «*These English people with their cakes that tastes* of sand...*».
- Использование настоящего простого времени (Present Simple) или же омонимичного ему простого инфинитива для выражения многих грамматических времён: вместо Present Progressive: «*I give** you my

notices and I go – I go* at once!»; вместо Present Perfect Progressive: «... and I hold* my tongue till now»; вместо Past Simple: «In my country I do* intellectual work.»*

Вероятно, согласно метаязыковым наивным представлениям, начинающий билингв запоминает и преимущественно употребляет слова в базовых формах: для глаголов – в инфинитиве и т. д. Для наивных пользователей английского языка разнообразные глагольные видо-временные формы должны вызывать трудность у инофона.

- Инверсия, также не характерная для английского языка, за исключением эмфатических высказываний: *«I have there close at hand the big carving knife, all sharp»*, что опять возвращает нас к неестественно эмоциональной маркированности речи иностранца.
 - Прямой порядок слов в вопросах: *«It is not a joke* to murder someone?»*
 - Замена разделительных вопросов на вопросительные междометия / грамматические частицы yes / no: *«I can speak to you, yes, please, no?»*
- Также встречаются единичные грамматико-синтаксические ошибки, не связанные с глагольной парадигмой:
- Употребление местоимения much в повествовательном предложении *«I need for it chocolate and much* butter...»*
 - Выражение грамматической категории рода для неодушевлённых предметов, свойственной немецкому языку: *«And this saucepan here that you have used – that one, I use him* only for milk».*
 - Формирование регулярной формы множественного числа у существительных, имеющих только форму множественного числа в определенном значении: *«Because they are bad peoples*...»*
 - Отсутствие артиклей, вероятно, мало ожидаемое в английском метаязыковом представлении в силу наличия артиклей в немецком языке: *«When I saw that in the paper saying about murder* I wanted to go away».*

Подтверждая преобладание метаязыкового мифа о лексической первичности при владении языком: «чтобы знать язык, «надо выучить много слов»» [Кашкин 2012], отметим, что в метаязыковом сознании А. Кристи речь инофона большей частью выделяется не только лексическими, но и грамматико-синтаксическими лингвистическими, а также эмоциональными речевыми аспектами маркерами, которые выдвигаются на первый план как характеристики контрастирующие «своей» лингвокультуре. Начинающему говорить на чужом языке невозможно избежать грамматических ошибок, т. к.

грамматические формы интерферирующих языков, на которых говорит билингв, будут отличаться.

«Ошибки в выборе слов» более характерны для франкофонов, несмотря на этимологическое влияние французского языка на английский. «Ошибки в правилах» более характерны для германофонов, несмотря на более сложную сходную грамматическую парадигму немецкого и английского языков, нежели французского и английского. В целом уровень владения языком приравнивается уровню использования грамматических правил. Идиоматическая «продвинутость «вторична». Фонетико-фонологические стилизующие приемы необязательны в печатном художественном тексте.

Высказанные предварительные выводы следует подкрепить аналогичным лингво-имагологическим анализом других текстов с целью структурирования лингвистического аспекта имагем и выявить их (не)соответствие лингвистическим стереотипам, вербализованным через метаязыковые суждения с помощью опросов наивных пользователей языка.

Литература

1. *Вострикова О.В.* Английские этностереотипы в детективном цикле о Пуаро А. Кристи и его британской киноадаптации 1989-2013 гг. // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы первой международной научно-практической конференции (Москва, 14-16 апреля 2016 года). Под. общ.ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. – М.: МГПУ; Языки народов мира, 2016. – С. 115-119.
2. *Голованова Я.В.* Соотношение периферийных явлений в англоязычных художественных текстах и их переводах на русский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб, 2012. – 25 с.
3. *Кашкин В.Б.* Обыденная лингвистика и «контекстуальный детерминизм» // Вестник КемГУ. Филология. № 4 (52), Т. 3, 2012. – С. 241-245.
4. *Мишинцева И.Ю.* Прагматика речи билингвального персонажа (на материале высказываний Эркюля Пуаро) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 13 (194). – С. 99–103.
5. *Поляков О.Ю.* Й. Леерссен о презентации национальных образов в системе культуры // Знание. Понимание. Умение. – № 3, 2015. – С. 162-168.

6. *Хайров Ш.* Графика как объект лингвистической имагологии. О некоторых типах эстетических и идеологических оценок дореформенной кириллицы в России до и после 1918 г. // *Studi Slavistici*. – XIV, 2017. – Р. 293-307.
7. *Цимбаева Е.Н.* Агата Кристи. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 352 с.
8. *Шумарина М.Р.* Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. М.: 2011. 47 с.
9. *Suchet D., Wansell G.* Poirot and Me / D. Suchet, G .Wansell. – London: Headline, 2013. – 298 p.

A.A. Горностаева
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

ИРОНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В центре внимания – ирония как коммуникативная ценность, присущая некоторым культурам. Отмечено, что ироничность является характерной чертой английского стиля коммуникации, а понимание юмора и иронии в иностранном языке и культуре обеспечивает плодотворный межкультурный диалог. Цель исследования – установить связь между культурно-коммуникативными ценностями и функционально-прагматическим аспектом использования иронии в русской, английской и американской лингвокультурах на примерах современного политического дискурса. Гипотеза состоит в следующем: ирония является отражением культурно-исторических традиций и ценностей, является неотъемлемой частью этнокультурной идентичности народа. Знание механизмов построения иронии, умение использовать языковые средства ее выражения необходимы для эффективного межкультурного общения, достижения понимания между представителями различных лингвокультур. Исследование выполнено на материале отрывков из современного политического дискурса британских, американских и российских политических деятелей. Всего проанализировано 250 иронических высказываний, в данной статье представлены некоторые из них.

Ключевые слова: ирония, межкультурная коммуникация, коммуникативные ценности, язык, культура, дискурс.

Anna A. Gornostaeva
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia

IRONY AND COMMUNICATIVE VALUES: CROSS-CULTURAL ASPECT

Abstract. The article focuses on irony as a communicative value of certain cultures, which is an integral part of the English communicative style. Understanding

irony and humour in intercultural aspect plays an important role in ensuring a fruitful and efficient communication. The paper aims at establishing connection between the national communicative values and the functions of irony in the Russian, English and American modern political discourse. The hypothesis is the following: irony is a reflection of cultural traditions and values and expresses the ethnic identity. The knowledge of ironic mechanisms, ability to use expressive means are necessary to reach understanding in intercultural communication. The material, used for the analysis, is represented by ironic utterances of contemporary Russian, British and American politicians. It comprises 250 ironic phrases, some of which are given in the paper, accompanied by commentaries.

Keywords: irony, intercultural communication, communicative values, language, culture, discourse.

Введение

В современном мире в эпоху глобализации связи между странами и национальностями становятся все прочнее, что выводит на первый план вопросы и проблемы межкультурной коммуникации. Несомненным представляется факт необходимости овладения не только иностранным языком, но и иностранной культурой для достижения эффективной и плодотворной коммуникации. Не менее важно знание культурных и коммуникативных ценностей, составляющих картину мира – как общенациональную, так и индивидуальную. Национальный юмор и ирония представляют собой значимую часть этой картины и отражают менталитет народа, его самоидентификацию и способ восприятия мира. Все вышесказанное обуславливает необходимость не только овладевать навыками понимания иронии и юмора на межкультурном уровне, но и развивать способность реагировать на реплики и поддерживать иронический и юмористический дискурс. Неумение вести ироническую коммуникацию ведет к неудачам как в межличностном, так и в межкультурном аспекте.

Методология

В основу исследования положена гипотеза о принадлежности иронии к английскому стилю коммуникации [Fox 2005, Горностаева 2013]. Ироничность, как характерная черта английского общения, в то же время является одной из важных коммуникативных ценностей; ограничения на использование иронии в речи делают англичан уязвимыми, подобно черепахам, лишенным панциря: “turtles devoid of their shells” [Fox 2005]. В отличие от английского дискурса, в русском дискурсе ирония уместна лишь в определенных ситуациях. Функции, выполняемые иронией, разнообразны – от насмешки и

нападения до самозащиты, от развлечения до самовыражения. Важна роль самоиронии как способа снять напряженность дискурса и сохранить лицо. Исследователи указывают на такие функции иронии в дискурсе, как выражение национальной идентичности и культурно-коммуникативных ценностей, укрепление социальных норм и отражение верований народа [Habib 2008; Fine and de Soucey 2005; Жирова, Епифанцева 2018]. Ирония может укреплять связь между собеседниками как фактор солидарности или отдалять их друг от друга, выполняя роль барьера (“a boundary marker”) [Schnurr 2010: 319].

При анализе национальных культурных и коммуникативных ценностей мы опирались на учения в области межкультурной коммуникации: [Ларина 2009, 2013; Тер-Минасова 2000; Wierzbicka 2006].

Материалом для проведения анализа послужил современный политический дискурс таких известных государственных деятелей, как Б. Джонсон, Б. Обама, Д. Трамп, В.В. Путин. Анализируя данный материал, мы основывались на теории критического дискурс-анализа [Van Dijk 2009; Wodak 1997] и результатах его практического применения в конкретных ситуациях [Bilig 2007; Schollon 2007].

Национальные коммуникативные ценности

Для понимания национальной иронии и юмора необходимо принимать во внимание ряд социальных факторов, таких как: тип отношений между собеседниками, их культурную и этническую идентичность, возраст и пол [Schnurr 2010]. Также представляется важным знать то, что в той или иной культуре считается смешным, забавным иди ироничным. Понимание иронии может варьироваться не только от культуры к культуре, но и внутри одной и той же культуры.

Поскольку механизмы и функции иронии тесно связаны с культурными и коммуникативными ценностями, в данной статье употребление иронических высказываний рассматривается через призму ценностной картины мира. Для проведения анализа мы обратили внимание на следующие коммуникативные ценности, которые выделяют исследователи:

1. Для британской культуры: зона личной автономии (прайваси), равенство, рационализм, традиционализм, толерантность, ироничность [Ларина 2009, 2013; Горностаева 2013; Fox 2005; Wierzbicka 2006 и др.]

2. Для американской культуры характерны схожие ценности: индивидуализм, прагматизм, соревновательность, равенство, с преобладанием ассертивности, то есть уверенности в себе и в будущем [Леонтович 2015].

3. Для русской культуры: соборность, общинность, коллективность, общительность, эмоциональность, духовность (непрагматизм), скромность [Ларина 2009, 2013; Тер-Минасова 2000 и др.]

Примеры и комментарии

(1) *It's absolutely wonderful to be here in Manchester – one of the few great British cities I have yet to insult* [<https://www.hitc.com/en-gb/2017/11/13/boris-johnsons-4-best-quotes/>].

Эта цитата из приветственной речи Бориса Джонсона, обращенной к жителям Манчестера («Совершенно чудесно оказаться в Манчестере, одном из немногих городов Британии, которые я еще не успел обидеть»). Политик, известный своей эксцентричностью и заработавший репутацию «грубияна», часто подвергается критике за свою несдержанность в высказываниях. Ирония используется оратором для предупреждения возможных обвинений в бесактности и грубоści. Джонсон опережает критиков, открыто признавая себя грубияном, таким образом предупреждая возможное вторжение в область своего «прайваси».

(2) *Insert joke here, as Jeremy Corbyn would say* [<https://www.youtube.com/watch?v=V1n7b8iTbqw> – YouTube. Boris Johnson's rugby scrum joke – BBC News, 6.10.2015].

В данном случае мы имеем дело с завуалированной насмешкой, понятной лишь тем, кто знаком с экстралингвистической ситуацией: лидер лейбористов Джереми Корбин не отличается чувством юмора, в его речах не хватает иронии, что, с точки зрения английского стиля коммуникации, является серьезным недостатком. Говоря о том, что в этом месте Джереми Корбин предпочел бы вставить шутку, говорящий имеет в виду прямо противоположное. Ирония выражает критику оппонента и помогает Борису Джонсону самовыразиться: ведь сам премьер-министр известен своими ироническими и саркастическими высказываниями.

(3) *I said to the American people, regardless which side you are on in the election, regardless whether your candidate won or lost, the sun would come up in the morning. And that's one bit of prognosticating that actually came true. The sun is up.* [<https://www.youtube.com/watch?v=Wr2USTE3L98>].

Эта фраза была произнесена Бараком Обамой сразу после объявления результатов выборов в США в 2016 г., когда к власти неожиданно пришел Дональд Трамп. Чтобы успокоить своих сторонников, голосовавших за Клинтон, Обама прибегает к тактике позитивной оценки, используя иронический механизм открытия очевидного: «Часть моего прогноза сбылась – солнце взошло». Механизм использования иронии в данном высказывании

соответствует главным коммуникативным ценностям американцев – ассертивности и оптимизму.

(4) It is great to be here with a thousand wonderful people or as I call it “a small intimate dinner with some friends” or as Hillary calls it “her largest crowd of the season” [<https://www.youtube.com/watch?v=yGgxr4Sxoas> – YouTube. Al Smith dinner, 20.10.2016].

(5) Данное высказывание принадлежит Дональду Трампу и содержит явную насмешку над оппонентом в президентской гонке, для которой публика, пришедшая на благотворительный обед – «огромная толпа», в то время как для самого говорящего это «обед в тесном кругу друзей». Трамп делает акцент на количестве своего избирателей и подчеркивает свою значимость по сравнению с Хиллари Клинтон, используя иронические метафоры.

(6) Я не помню ни господина Крафта, ни кольца... Но если это такая большая ценность, я попрошу, чтобы у нас изготовили, чтобы было видно, что это дорогая вещь. Это будет лучшим решением этой сложной международной проблемы. [<http://www.youtube.com/watch?v=VLMX7m1vmCo>, 2.06.2014].

Этот ответ президента России на вопрос о кольце, якобы украденном в России у американского бизнесмена, содержит иронию, отвечающую русским коммуникативным ценностям – духовности и непрагматичности. Обещание изготовить «действительно дорогую вещь» (ироническая метафора), а также использование иронической гиперболы «сложная международная проблема» подчеркивает широту русской души и ориентир на духовные, а не материальные ценности.

Выводы

Проанализированный материал позволяет выделить некоторые сценарии употребления иронии в политическом дискурсе и определить функции иронии в каждом конкретном случае. Исследование показало, что функции иронии разнообразны и включают в себя нападение, насмешку, защиту, само выражение, снятие напряжения и т.д. Ирония помогает говорящему сохранить лицо, закрыть неприятную тему, акцентировать какой-либо аспект, сократить дистанцию и приблизиться к собеседнику или, наоборот, отдалиться от него.

Использование иронии происходит в соответствии и тесной связи с национальными культурными и коммуникативными ценностями, что предопределено культурной картиной мира, как общенациональной, так и индивидуальной. Культуры Великобритании и США являются индивидуалистскими и обладают общими ценностями, такими как индивидуализм,

равенство, прагматизм, позитивное мышление. Русская культура концентрируется вокруг таких основных ценностей, как духовность, скромность, искренность, соборность. Особенности культурно-ценностной картины мира находят свое отражение в способах выражении иронии.

Понимание иронии и юмора в процессе межкультурного общения представляет большую важность для достижения взаимопонимания и ведения плодотворного межкультурного диалога. Изучение иронии в рамках политического дискурса имеет большое теоретическое и практическое значение и открывает новые возможности для исследователей.

Литература

1. *Горностаева А.А.* Ирония как компонент английского стиля коммуникации. Монография. –М.: ИПЦ «Маска», 2013. – 240 с.
2. *Жирова И.Г., Епифанцева Н.Г.* Ирония – «ключевое слово» в британской и французской языковых культурах // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2018. № 2 (22). – С. 77-98.
3. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
4. *Ларина Т.В.* Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. – М.: Языки славянских культур. 2013. – 360 с.
5. *Леонович О.А.* Позитивная коммуникация: постановка проблемы. // Вестник РУДН, серия «Лингвистика», № 1, 2015. – С. 164-178.
6. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 166 с.
7. *Billig M.* Critical Discourse Analysis and the Rhetoric of Critique// Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity. – Palgrave Macmillan, 2007. – PP. 35-47.
8. *Fine G.A., de Soucey M.* Joking cultures: Humor themes as social regulation in group life. *Humor.* 18(1) P.1 – 22, 2005.
9. *Fox K.* Watching the English. The hidden rules of English behaviour. – London. Hodder and Stoughton. – 2005. – 424 p.
10. *Habib R.* Humor and disagreement: Identity construction and cross-cultural enrichment // *Journal of Pragmatics* 40. – 2008. – PP. 1117–1145.
11. *Schnurr S.* Humour // *Interpersonal Pragmatics. Handbook.* Ed. by Locher, Miriam A. / Graham, Sage L. – 2010 – PP. 307-326.

12. *Scollon S.* Political and Somatic Alignment: Habitus, Ideology and Social Practice // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity. – Palgrave Macmillan, 2007. – PP. 167-199.
13. *Van Dijk T. A.* Society and discourse: how social contexts influence text and talk. – Cambridge University Press, 2009.
14. *Wierzbicka A.* English: Meaning and Culture. – Oxford University Press, 2006.
15. *Wodak R.* Critical Discourse Analysis. Discourse as Social Interaction, Vol. 2. – London: Sage Publications, 1997. – pp. 259-284.

М.В. Григоренко
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
Одинцово, Россия

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены практические и теоретические основы изучения экстралингвистических факторов в рамках обучения иностранному языку на различных этапах, а также роль экстралингвистики в овладении коммуникативной компетенцией.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативный подход, коммуникативные навыки, экстралингвистика, экстралингвистические факторы.

Marina V. Grigorenko
MGIMO-University,
Odintsovo, Russia

THE ROLE OF EXTRALINGUISTIC FACTORS IN THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE

Abstract. The article is devoted to the practical and theoretical foundations of the study of extralinguistic factors in the framework of teaching a foreign language at various stages, as well as the role of extralinguistics in the mastering of communicative competence.

Keywords: communication, communicative approach, communication skills, extralinguistics, extralinguistic factors.

Формирование знаний, умений и навыков в иностранном языке до относительно недавнего времени сводилось к четко сформулированной цели – освоение системы языка. Данная цель носила ключевой характер в системе образования на разных исторических этапах развития общества до устранения барьеров в процессе коммуникации. В наши дни все более тесного межкультурного взаимодействия возникает острая необходимость освоения практических языковых навыков, а именно высокого уровня владения спецификой применения единиц языка в различных ситуациях общения.

В середине XX века в практике обучения иностранным языкам возник кризис: учащиеся владели языковыми знаниями, но в большинстве своем не

имели соответствующих коммуникативных навыков для полноценного общения. Эта проблема требовала расширения как теоретической базы методики преподавания иностранных языков, так и разработки практических заданий, моделирования и анализа речевых ситуаций для совершенствования коммуникативных умений [Савельева, 2011: 113]. Активная работа ученых в данных направлениях привела к формированию *коммуникативного подхода* в обучении иностранным языкам, играющего важнейшую роль в современной системе языкового образования.

Для формирования *коммуникативной компетенции* обучаемого необходима работа сразу в нескольких направлениях: формирование системы знаний о структуре языка, его функциональных стилях, владение стратегией ведения диалогов и монологов, владение спецификой применения вводных и устойчивых конструкций [Григоренко, 2017: 124]. Как минимум три из упомянутых пунктов требуют учета экстралингвистических факторов, определяющих коммуникативную ситуацию.

Понятие экстралингвистических факторов довольно широко и может включать в себя как внешние факторы ситуации общения и обусловленный ими функциональный стиль, так и индивидуальные особенности участников общения, такие как: пол, возраст, социальный статус, этнокультурную принадлежность и многие другие. Для успешной коммуникации необходимо соотнесение стилистики сферы общения с *экстрафактором*, что позволит определиться с использованием одного из пяти основных интуитивно распознаваемых функциональных стилей (обычно изучаемых в стилистиках самых различных языков): научного, официально-делового, публицистического, художественного, разговорного и закономерно к ним присоединяемого религиозного [Кожина, 2017]. Многие ученые - лингвисты предпочитают выделять цель коммуникативного акта как основополагающий экстралингвистический фактор. С этой точкой зрения можно согласиться при условии, что данная цель едина для всех участников общения, либо была обозначена в начале коммуникативного процесса.

Важным умением для обучающегося также становится распознавание и соотношение с функциональной стилистикой таких экстрафакторов, как социальная, этнокультурная и профессиональная принадлежность участников коммуникативного процесса. Данная информация будет играть немаловажную роль как в ведении переговоров, произнесении речей, так и в неформальной беседе. Особого внимания заслуживают цитаты, устойчивые единицы языка, фразеологизмы, зачастую имеющие глубокий социокультурный, а порой и религиозный, и национально политический подтекст. При разумном и уместном их применении с учетом всех экстралингвистических факторов речь

говорящего приобретает яркий, запоминающийся, высокохудожественный характер. В противном же случае процесс коммуникаций может утратить шансы на успех, либо вовсе не состояться.

Наибольшей эффективности освоения навыка распознавания и учета экстралингвистических факторов можно достичь не только за счет применения коммуникативных заданий диалогического характера на занятиях по иностранному языку, но и с внедрением таких проблемных методов как дискуссия, дебаты, проект, ролевая игра и т.п. Кроме того особую роль в решении данной задачи могут играть аудирование и задания аудиовизуального характера, где обучающиеся могут совершенствоваться в умении распознавать пол, возраст, этническую принадлежность говорящего, а так же стиль и манеру его изложения. [Григоренко, 2017: 124] Данные методики послужат полноценной базой для формирования основополагающей *коммуникативной компетенции* обучающихся и их способности ориентироваться в речевом пространстве.

Литература

1. Григоренко М.В. Роль экстралингвистических факторов в обучении иностранному языку // Сборник статей Международной научно-практической конференции: Новая Наука: История становления, современное состояние, перспективы развития, 2017. – 222 с.
2. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. [Электронный ресурс] // URL: <http://endic.ru/default.htm> (дата обращения 13.11.2017).
3. Савельева И.Ф. Формирование знаниевого компонента лингвосоциокультурной компетенции // Современная методика соизучения иностранных языков и культур: методическое пособие / под общ. ред. М. К. Колковой. – Санкт-Петербург: КАРО, 2011. – 198 с.

A.V. Зыкова
Одинцовский филиал МГИМО
Москва, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ПРАВИЛ ПРАВОПИСАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена описанию основных направлений развития современного французского языка с опорой на тенденции его развития в диахроническом аспекте: рассматриваются экстралингвистические факторы и внутриязыковые законы, обуславливающие направление развития языка и снижение языковой нормы. Пристальное внимание уделено фонетическому и фонологическому уровням языка.

Ключевые слова: французский язык, современные тенденции развития языка, языковая политика, снижение языковой нормы, закон аналогии, закон экономии языковых усилий, современное произношение.

Anastasia V. Zykova
MGIMO-University
Odintsovo, Russia

LANGUAGE POLICY IN THE PROCESS OF TEACHING FRENCH IN THE CONTEXT OF APPLYING NEW SPELLING RULES

Abstract. The article describes the main directions of development of the modern French language basing on the trends of its development in the diachronic approach. The author analyses extra-linguistic factors and linguistic laws, determinant the language development and the language norm reduction. Close attention is paid to the phonetic and phonological levels of the language.

Keywords: French language, modern trends in the development of language, language policy, the reduction of linguistic norms, the law of analogy, the law of economy of effort, the modern pronunciation.

В лингвистической науке общепризнанным является тот факт, что языки, как и все живое, проходят различные стадии развития: они зарождаются, развиваются и изменяются в процессе своего развития и, если так складывается исторически, умирают, как правило, с народом их породившим.

Процесс развития и изменения живых языков находится в неразрывной связи с историей страны и общества. Именно эти экстраглоссальные факторы и определяют изменения в фонетическом, грамматическом и лексическом составе языка.

Если говорить непосредственно о развитии французского языка, то в его истории выделяется несколько периодов развития и, в зависимости от мнения разных ученых, их количество будет разниться. Так, например, Л.М. Скреплина, Л.А. Становая не разделяют на подпериоды среднефранцузский период [Скреплина, Становая 2005: 297-302], в то время как Н.А. Катагошина, М.С. Гурычева, К.А. Аллендорф выделяют раннефранцузский период в среднефранцузском [Катагошина и др. 1976: 193]. Но на какие бы периоды не делили историю развития французского языка отечественные ученые, все они единодушно сходятся на том, что собственно история языка заканчивается с Великой французской буржуазной революцией, а дальше начинается современный период. Безусловно, они по-своему правы, и их мнение обоснованно хотя бы тем фактом, что современный читатель, владеющий французским языком, как носитель языка, так и франкофон, может без переводчика и дополнительных объяснений читать труды, написанные после 1789 года, и даже некоторые, написанные ранее, например, произведения Ж.-Б. Мольера, что трудно сказать о, например, стихах Ф. Вийона, остающихся для самих французов расшифрованными не полностью; а язык произведений Ф. Рабле уже через сто лет после его смерти был понятен только ученым [Лафарг 1930: 7].

Однако язык не является явлением застывшим, и его развитие неизбежно. И хотя, как отмечает П. Лафарг, после революции язык «утратил свой аристократический лоск и приобретает демократические замашки буржуазии» [Лафарг 1930: 20], и была отброшена аристократическая норма языкового пуризма, во Франции той эпохи господствовали тенденции, способствовавшие распространению языковой нормы: проводилась жесткая политика правительства не только по уничтожению местных говоров, но и языков национальных меньшинств; создавались начальные школы с преподаванием французского языка и остальных предметов на нем (декрет 1793 г.). Также повышению общей грамотности населения способствовали введение всеобщей воинской повинности и появление доступных периодических печатных изданий [Катагошина и др. 1976: 258-260]. Единство норм национального языка окончательно утвердилось в конце 19 века, с введением во Франции всеобщего обязательного начального обучения (законы Ж. Ферри). Таким образом, можно сделать вывод, что с момента Великой французской буржуазной

революции французский язык укреплял свои позиции на всей территории страны.

Другие тенденции наблюдаются во французском языке уже со второй половины 20 века, а особенно с начала 21 века. Исторические события, повлекшие за собой наплыв иммигрантов, вхождение Франции в Европейский союз и глобализация, а также бурное развитие информационных технологий приводят в следствии софункционирования внутренних законов развития языка (закона аналогии и закона экономии языковых усилий) к появлению во французском языке ошибок на всех уровнях функционирования языка.

Прямой эфир как фактор транслирования неподготовленной речи и все возможные формы Интернет и смс-общения (*le language texto*) с отсутствием какой-либо цензуры способствуют снижению языковой нормы и закреплению в разговорной речи языковых ошибок и, как следствие, в результате частотности их повторения, к восприятию этих ошибок самими французами, как допустимых вариантов речи.

Безусловно, языковая политика французского правительства направлена на сохранение самобытности французского языка, примером тому могут служить, закон Ба-Лорьоля (*loi Bas-Lauriol*) от 1975 года, который запрещает использование любого иностранного термина или выражения при наличии соответствующего французского термина или выражения. Закон Тубона (*Loi Toubon*) об использовании французского языка, принятый в 1994 году, призывает к неукоснительному соблюдению вышеназванного закона и обязывает сопровождать иностранные товары инструкциями на французском языке. Нельзя обойти вниманием создание Генеральной комиссии по терминологии (*Commission générale de terminologie et de néologie*) в 1996 году, в задачу которой входит обеспечение успешной реализации двух предыдущих законов, а именно, в связи с развитием науки и техники, появлением различных новшеств в различных областях Комиссия наделена полномочиями создавать новые термины и заменять французскими номинациями обозначения, пришедшие из других языков, и в первую очередь из английского. На сайте Комиссии предлагается новая лексика, создаваемая из языковых средств французского, и любой житель страны может проголосовать в пользу того или иного термина, претендующего на потенциальную замену иноязычного заимствования или предложить свой вариант. Например, пользователи Интернета в качестве замены английскому слову *chewing-gum* предлагают несколько французских вариантов: *machouillon*, *gommache*, *gomme à mâcher* [Гулинов 2015].

Но, к сожалению, пропагандируемая престижность соблюдения языковых норм, например, ежегодно проводимый уже более ста лет тотальный диктант, и существование таких авторитетных социальных институтов, регулирующих языковую жизнь общества, как Французская Академия, не могут изменить появившуюся в современном разговорном французском языке тенденцию к снижению языковой нормы.

Ошибки на фонетическом уровне ведут к смене языкового строя. Здесь, пожалуй, будет целесообразно вспомнить, как смена базовой характеристики ударения латинского языка, которое было музыкальным, на силовое (динамическое), а затем на ритмическое привела к превращению латинского языка во французский. Такая смена ударения привела к небрежному произношению ставших безударными окончаний, к их трансформации и, в итоге, к замене синтетического строя латинского языка аналитическим строем французского.

Итак, в современном французском языке наблюдается потеря некоторых гласных звуков вследствие нескольких факторов. Во-первых, это отсутствие живых / активных оппозиций с этими звуками. Действительно, оппозиция переднеязычного, неокругленного [а] и заднеязычного округленного [ɑ] и оппозиция полузакрытого и полуоткрытого [ø – œ] не играют важной смыслоразличительной функции в современном французском языке, а там, где она могла бы появиться, смысл вполне выводится из контекста. Это привело к утере в современном разговорном языке заднеязычного округленного [ɑ], а вместо двух звуков [ø – œ] произносится либо полуоткрытый [œ], либо усредненный вариант двух гласных звуков. Во-вторых, объединение парадигмы носовых звуков: из четырех классических носовых гласных, составляющих шарм и особенность французского языка, в современной разговорной речи активно произносятся только два: [ã] и [ɛ] в силу своей смыслоразличительной функции. Носовая гласная [œ] почти полностью ушла из употребления, ее заменяют либо на [ã] либо на [ɛ]. Что касается носового гласного [ɛ], то его произношение также становится нечетким в разговорной речи и смазывается до [ã].

Следующей тенденцией современного разговорного языка является более частое, чем это было допустимо ранее, выпадение из произношения беглого [ə]. Для современного языка произношение [kat-ki-lo] вместо [ka-trə-ki-lo] не является показателем безграмотности речи, а лишь указывает на разговорный стиль произношения. Более того, выпадая в окончаниях на стыке слов, где в результате образуются три подряд согласных звука, звук [ə] способствует выпадению предшествующего ему согласного для того, чтобы убрать неблагозвучное для французской речи звучание трех подряд согласных.

Грамматическая тенденция не произносить в разговорной речи первую частицу отрицания «не» связана именно с частностью тенденции не произносить в ней звук [э], что привело по закону экономии усилий к опущению самой частицы целиком.

Еще одной фонетической особенностью, возникшей по закону аналогии, которая становится все более и более частотной является выпадение гласного звука [у] из личного местоимения «tu». В настоящий момент эта тенденция наблюдается с глаголами «être» и «avoir». Но если раньше подобную небрежность произношения можно было встретить только в среде иммигрантов, то в настоящее время такой стиль произношения встречается в фильмах, в интервью и даже, как это не печально, подобные ошибки представлены во французских методиках для изучающих французский язык как иностранный, которые, по логике вещей, должны обучать норме языка.

Французский язык – один из самых изучаемых языков в мире. К тому же, он находится на третьем месте по количеству стран, в которых он официально признан национальным языком. По данным журнала *Le Figaro* начиная с 2016 года для повышения успеваемости в учебных заведениях Министерство образования Франции обязало издателей учебников французского языка использовать новые правила правописания. Правила правописания коснулись примерно 5% словарного запаса французского языка, но не запретили классической нормы языка. В *Journal officiel* в 1990 г. были опубликованы "Поправки к французской орфографии", но долгое время они принимались только к сведению, и только в 2008 году издательство Belin стало применять некоторые новые правила орфографии. Но только в 2016 г. правительство активно заговорило о необходимости их использования на все учебники. С сентября 2016 года книги с новыми правилами правописания отмечаются значком «*Nouvelle orthographe*» [Реформа французского языка].

Например, реформа коснулась правописания отдельных слов:

<i>bonhomie</i> f (дружелюбие)	→ <i>bonhommie</i> (<i>homme</i> m – мужчина)
<i>boursouffler</i> (вздувать)	→ <i>boursouffler</i> (<i>souffler</i> – дуть)
<i>chariot</i> m (телега)	→ <i>charriot</i> (латинский корень <i>carrus</i> – повозка)
<i>combatif</i> (воинственный)	→ <i>combattif</i> (<i>combattre</i> – воевать)
<i>dissous</i> (растворённый)	→ <i>dissout</i> (женский род: <i>dissoute</i> – растворённая)
<i>imbécillité</i> f (слабоумие)	→ <i>imbécilité</i> (<i>imbécile</i> – слабоумный)
<i>nénuphar</i> m (лилия)	→ <i>n</i> <i>énufar</i> (персидское происхождение: <i>nilufar</i> – лилия)
<i>oignon</i> m	→ <i>ognon</i> (лук)
<i>persiffler</i> (издеваться)	→ <i>persiffler</i> (<i>siffler</i> – свистеть)
<i>relais</i> m (реле)	→ <i>relai</i> (<i>balai</i> m – метла / <i>délai</i> m – задержка).

Изменения существительных, заканчивающихся на -illier и -illièrе затронули следующие слова: *joaillier m* (ювелир) → *joailler*, *marguillier m* (курительная трубка) → *marguiller*, *quincaillier m* (управляющий хозяйственной лавкой) → *quincailler*, *serpillière f* (швабра) → *serpillère*. Данные слова упростились, потеряв второе "i".

Также реформа коснулась составных чисел. По классическим правилам орфографии дефис ставится в десятках кроме союза "et". Сейчас дефис ставится везде. Например: *soixante-et-un*.

В сложных словах, пишущихся через дефис, во множественном числе добавляется "s" к обеим частям слова, например: *les perces-neiges*, *les portes-monnais*. Реформа позволяет писать эти же слова без дефиса, например: *les avantgardes*, *les avantpropos*.

Реформа позволяет использование диакритического знака грависа (accent grave) вместо акута (accent aigu). К примеру, в слове *sécheresse f* (засуха) и *crèmeerie f* (молочная лавка) стоят акуты, поскольку во втором слоге этих слов стоит "глухая е" (e muet). Теперь параллельно с основным правилом можно писать слова такого типа с грависом: *sècheresse*, *crèmeerie*. Это правило отразилось на глаголах типа "*céder*" которые в будущем времени и условном наклонении принимают форму: "*je cèderai*".

Употребление циркумфлекса (accent circonflexe) так же носит необязательный характер, если речь не идет о смыслоразличительной функции: *cout/coût m* (стоимость), различные глагольные формы: *qu'il voulût*, *nous voulûmes* и т.д. Но оно остается обязательным в словах для избежания двусмыслинности. Например, *sûr* (уверенный) - *sur* предлог (на), *tu crois* (глагол "croire" верить), *tu croîs* (глагол "croître" расти).

Реформа позволила заимствованным словам во множественном числе на конце слов писать «s», тогда как раньше написание заимствованных слов подчинялось орфографическим правилам своей страны, например: *un scenario*, *des scenarii* → *des scenarios*; *un sandwich*, *des sandwiches* → *des sandwichs*.

Изменения затронули согласование глагола "laisser"+инффинитив. По новым правилам причастие прошедшего времени глагола *laisser* (оставлять) лингвисты предлагают не изменять по роду и числу: *elle s'est laissé faire*, *ils se sont laissé faire* (вместо: *elle s'est laissée faire*, *ils se sont laissés faire*).

Глаголы, заканчивающиеся на -eter и -eler, также претерпели реформу. Такие глаголы, как "*mener*" (вести) или "*acheter*" (покупать), спрягающиеся с грависом (*je mène*, *j'achète*), остаются неизменными. Но глаголы, которые использовали в спряжении два "l" или два "t" теперь повинуются общему правилу и пишутся с грависом, например: "*appeler*" (звонить) или "*jeter*"

(бросать) видоизменяются *j'appelle* → *j'appèle*, *je jette* → *je jète*. Это же правило применимо к наречиями: *ruissellement m* (сток) → *ruissèlement*.

Мы описали всего лишь основные правила упрощения орфографической нормы. Французская академия представляет упрощенный вариант классических правил ка необходимость времени, поскольку язык меняется и логично, что нужно соответствовать требованиям времени. К тому же, сложности языка заставляют даже образованных людей иногда задумываться над правописанием тех или иных слов. Тем не менее, противники реформы увидели во введённых правилах попытку упростить письменный язык в соответствии с языковым уровнем малообразованных слоёв населения [Полевая 2018, Прилепская 2012].

Безусловно, современная орфографическая реформа упрощает правописание, но порождает ряд других вопросов, например, как искать новые слова в печатных и электронных словарях, которые объективно не поспевают за реформами и требуют переработки [Bukhteeva 2019].

Таким образом, изменения в языковой политике современного французского языка оказывают влияние на грамматический, лексический и фонетический уровни языка, что, в свою очередь, отражается на целостной языковой картине. Тем не менее, описанные в статье языковые явления еще не накопились в достаточной мере, чтобы говорить о новом французском языке. Однако уже четко обозначилась тенденция к упрощению, снижению, редукции языковой нормы, и, возможно, через пару десятков лет мы будем наблюдать новый французский язык, осуществлять общение на котором, без знания настоящих тенденций его развития, будет затруднительно.

Литература

1. Большой французско-русский и русско-французский словарь [Электронный ресурс] // URL: <https://big-fr-rus-fr-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.12.2019).
2. Гулинов Д. Ю. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2015. – 41 с.
3. Лафарг П. Язык и революция. Французский язык до и после революции (Очерки происхождения современной буржуазии). – М. – Ленинград: «Academia», 1930. – 36 с.
4. Катагоцина Н. А. и др. История французского языка: Учебник. – 2-е изд., испр. – М.: Высш. Шк., 1976. – 319 с.

5. Полевая О.В. Перспективы эволюции плюрилингвизма под влиянием мегаполисов на примере французского языка. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. № 10-1 (88). – С. 155-158.
6. Прилепская М.В. Использование НКРЯ в свете применения теории национально-языковой ориентации // В кн.: Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах (материалы Межфакультетской научно-методической конференции) / Рук.: И. В. Якушева; отв. ред.: Е. Ю. Петрова; науч. ред.: Т.В. Соколова. – М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. –С. 457- 461.
7. Реформа французского языка. Часть 1. Успеваемость для всех [Электронный ресурс] // URL: <https://habr.com/en/post/398975/> (дата обращения: 10.12.2019).
8. Скрепина Л. М., Становая Л. А. История французского языка: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. Шк., 2005. – 463 с.
9. Bukhteeva E.E., Zimovina O.A., Shishov S.E., Rabadanova R.S., Polozhentseva I.V. Practical and theoretical grounds of a student's autonomous learning activities in professional education. Amazonia Investiga. – 2019. Т. № 20. –С. 575-581.

А.С. Суханова
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И СПОСОБЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СО СЛОВОМ “ENVIRONMENT”

Аннотация: Статья посвящена описанию концептуальных признаков, входящих в состав лексемы environment в английском языке. Анализ проводится на основе контекстов, куда входят наименования, составляющие концептуальную область представлений об «окружающей среде» в научном экологическом дискурсе.

Abstract: The article deals with the description of the conceptual features that belong to the lexeme “environment” in the English language. The analysis is based on the contexts that include names contained in the conceptual domain of “environment” in scientific ecological discourse.

Angelina S. Sukhanova
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

ENGLISH SCIENTIFIC ECOLOGICAL DISCOURSE AND WAYS TO CONCEPTUALIZE REPRESENTATIONS WITH THE WORD ENVIRONMENT

Ключевые слова: дискурс, экологический дискурс, environment, концептуальная область, концептуализация

Key words: concept, discourse, ecological discourse, environment, conceptual domain, conceptualisation

В XXI веке благодаря технологическому прогрессу и новым открытиям возросло понимание роли антропогенного воздействия на окружающую среду и экологическую ситуацию. Особенно активно проблемы экологии освещаются в англоязычных и международных СМИ. Вместе с усиливающимся интересом к экологическим проблемам сформировался новый вид дискурса – экологический дискурс.

Дискурс рассматривается нами вслед за Н.Д. Арутюновой как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – pragматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; <...> речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие» [Арутюнова 1991: 136]. Дискурс сопряжен с социальной деятельностью человека, и в виду этого можно говорить о разных видах дискурса (художественном, специальном и т.д.), которые раскрываются как «сфера социального взаимодействия, в которой участники оперируют языком как основным инструментом сотрудничества» [Иванова 2007: 134].

Согласно мнению Е.В. Ивановой, экологический дискурс реализуется на основе множества текстов, которые могут быть объединены какой-либо ключевой темой, например «окружающая среда». А.В. Зайцева выделяет основные экологические субдискурсы: научный, юридический, массмедиийный, художественный, бытовой (перечень не является исчерпывающим) [Зайцева 2015: 9-10].

В данной работе мы делаем попытку рассмотреть лексему *environment* в экологическом дискурсе в английском языке на материале научных текстов экологической тематики.

Изучение категоризации и концептуализации в современной когнитивной лингвистике играет важную роль, поскольку является первым шагом на пути к пониманию скрытых механизмов хранения мыслительного содержания в языке. Концепт можно определить как «идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления» [Болдырев 2001: 23] или, вслед за Е.С. Кубряковой, «оперативная содержательная единица мышления, единица или квант структурированного знания» [КСКТ 1996: 90].

Концептуализация объективируется в языке с помощью языковых средств номинации, составляющих его концептуальную область. Так как при оперировании любыми представлениями только часть информации оказывается активированной с помощью языковых средств, а интерпретация информации происходит в зависимости от коммуникативной ситуации [Manenko 2016: 139], мы обращаемся к конкретному виду и подтипу специализированного дискурса.

С использованием материалов англоязычных журналов, размещенных на платформе Science Direct, был составлен корпус из 150 контекстов, которые на основании тематики можно отнести к экологическому дискурсу. Анализ этих контекстов позволяет установить ключевые языковые средства, входящие в концептуальную область *environment*.

Понятийным ядром такой области является лексема *environment*. Согласно словарю У.У. Скита, *environment* происходит от английского глагола *environ* (от французского *environner*), что означает «окружать» [A Concise... 1927: 167]. Современные значения лексемы во многом сохраняют эту мотивированность. К примеру, «Словарь экологии» предлагает следующее определение: “The complete range of external conditions, physical and biological, in which an organism lives. Environment includes social, cultural, and (for humans) economic and political considerations, as well as the more usually understood features such as soil, climate, and food supply” [A Dictionary....: эл. ресурс].

Дефиниционный анализ значений из словарных статей из «Оксфордского словаря», «Словаря Merriam-Webster» и «Словаря экологии» показывает совокупность концептуальных признаков *environment*: это совокупность внешних к организму факторов; физические и биологические факторы, природная/искусственная среда; среда для деятельности организма/воздействующая на организм; окружение, внутри которого находится объект.

Таким образом, при анализе контекстов мы обнаруживаем, что в концептуальную область в первую очередь входят само слово *environment*, а также *environmental*, *atmosphere*, *atmospheric*, *climate*, *habitat*. Дальнейшая языковая реализация наименований концептуальной области *environment* весьма обширна и может включать такие лексические единицы как *ecology*, *soil*, *wastewater*, *region*, *sustainable* и др.

В некоторых контекстах слово *environment* задает в первую очередь пространственные характеристики, и получает ограничение по масштабу благодаря определению - атрибутивному компоненту “marine”: “...Organohalogenated compounds are widespread in the marine environment and can be a serious threat to organisms in all levels of aquatic food webs, including elasmobranch species...” [Science...].

В следующем примере «the environment» выступает для повторной номинации среды «soil» (почвы): “...The leaching of S-metolachlor and benoxacor was influenced by soil texture. Cumulatively, these results show that safeners will move through the environment to surface waters similarly to the active ingredients in herbicides...” [Science...].

В следующем контексте раскрываются возможные физико-химические факторы, оказывающие влияние на «окружающую среду»: “...investigate the scientific evidence concerning the effects of environmental factors on GC (gastric cancer – прим. A.C.) worldwide. Environmental factors affect GC from the aspects of water, soil, air, radiation, and geology...” [Science...].

Она может отличаться более крупным масштабом, отражая глобальные климатические изменения: “...Clearly, if such climatic and ecological changes are now being detected when the climate, in South-eastern France, has warmed in the last 20 years (+0.46–1.08 °C), it can be expected that many more impacts on tree species will occur...” [Science...].

Примечательно, что концептуальная область *environment* может включать не только природную, но и, к примеру, городскую среду: “...the characteristics of biomass burning particles in three interacting cities representing different types of urban environment in the Sichuan Basin...” [Science...].

Итак, полученные данные показывают, что концептуальная область *environment* может характеризоваться различными пространственными параметрами от распространения на специализированной территории (marine environment, freshwater environment, workplace environment) до глобальных и мировых масштабов (climate change). Представления могут включать не только природные явления, но и искусственную среду. Сама лексема *environment*, являясь ядром концептуальной области характеризуется через негативное влияние на организмы посредством неблагоприятных факторов, что, скорее всего, обусловлено проблематикой исследований, изложенных в текстах научного экологического дискурса.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия 1991. – С. 136-137.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Изд. 2-е, стер. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.
3. Зайцева А.В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – Смоленск, 2015. – 26 с.
4. Иванова Е.В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. – Вып. 3(23). – Екатеринбург, 2007. – С. 134-138.
5. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Л.Г. Лузина, Ю.Г. Панкрац. – М.: Изд. МГУ, 1996. — 245 с.
6. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Гл. ред. В.Н. Ярцева. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 01.12.2019).

7. A Concise Etymological Dictionary of the English Language / by the rev. Walter W. Skeat. – Oxford at the Clarendon Press, orig. 1882, impression 1927. – 694 p.
8. A Dictionary of Ecology [Электронный ресурс] – URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780191793158.001.0001/acref-9780191793158-e-1894?rskey=uatgDS&result=2140> (дата обращения: 17.11.19).
9. Manerko L.A. Towards understanding of conceptualization in cognitive terminology // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. University of SS Cyril and Methodius in Trnava. – De Gruyter open, Warsaw, 2016. Vol. I. No 2. – PP. 129-170.
10. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс] / Oxford University Press, 2016. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 14.11.2019).
11. Science Direct [Электронный ресурс] – URL: <https://www.elsevier.com/solutions/sciedirect> (дата обращения: 10.11.2019).

O.O. Кириллова
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

АВСТРАЛИЗМЫ – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ АВСТРАЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В данной статье исследования опираются на анализ словесных образов, несущих в себе национально-культурные элементы австралийского (национального) варианта английского языка, отражающих особенности культурно-исторического развития народа-носителя, его быта, обычаяев, традиций, экономического и политического развития. Национальное своеобразие возникает в процессе преобразования окружающей среды, постепенно «шлифуется» в ходе контактов и сравнений с другими культурами, что неизменно приводит к появлению национальных слов – **австрализмов**.

Ключевые слова: австрализмы, обсценная лексика Австралии, заимствования в австралийский английский, словообразование в австралийском английском, лексические особенности австралийского английского.

Olga O. Kirillova
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

AUSTRALISMS: A KEY TO COMPREHEND FEATURES OF THE AUSTRALIAN CULTURE

Abstract. In this article, studies are based on an analysis of verbal formations that carry the national-cultural elements of the Australian (national) version of the English language, reflecting the peculiarities of the cultural and historical development of the native people, their customs, traditions, economic and political development. National identity arises in the process of environmental transformation, gradually “multiplying” in the course of contacts and comparative studies with other cultures, which invariably lead to the appearance of free national words – australisms.

Keywords: australisms, obscene vocabulary of Australia, borrowing in Australian English, word formation in Australian English, lexical features of Australian English.

История австралийского варианта английского языка базируется на, так сказать, «двуих китах»: **трансплантации** (когда английский язык был завезен из Великобритании в Австралию) и **адаптации** (когда английский язык претерпел изменения, чтобы приспособиться к большинству говорящих на нем, в основном осужденных).

Стандартный австралийский английский достаточно близок юго-восточным разновидностям британского английского, хотя в образовании австралийского варианта принимали участие разные британские диалекты, а также более 200aborигенных языков. (Прошина 2017:150).

Если говорить о проявлении его **фонетических черт**, то разновидности австралийского английского основаны на вариациях акцента. Они часто, но не всегда, отражают социальный класс и / или образовательный уровень говорящего. Существует три разновидности социальных диалектов в Австралии:

➤ Просторечный австралийский английский (**Broad AuE**) представлен сильно выраженным акцентом, характерным для людей низкого сословия, представителей сельской местности, а также городским рабочим. Примерно 35% австралийцев используют в своей речи просторечия.

➤ Общий австралийский английский (**General AuE**) – стереотипное разнообразие австралийского английского. Это разновидность английского языка, используемая большинством австралийцев (55%), и она доминирует над акцентами, присутствующими в современных фильмах и телевизионных программах австралийского производства.

➤ Культивируемый или «культурный» австралийский английский (**Cultivated AuE**) имеет много общего с британским произношением с соблюдением норм (RP), «свойственный старой аристократии, сегодня воспринимаемый как несколько напыщенный и старомодный язык» (Прошина 2017:155) и его часто ошибочно принимают за него. Культивируемый австралийский используется в основном в формальной ситуации (лекторами в университете, дикторами на телевидении). На «культурном» австралийском английском языке сейчас говорят 10% населения.

Многие австралийцы могут использовать все три разновидности, воспринимая их как социолекты и с их помощью подстраиваясь к ситуации (Kirkpatrick 2007: 78).

Иногда утверждается, что существуют также региональные различия в произношении и акценте. Однако они очень малы по сравнению с британским и американским английским. В целом произношение определяется в меньшей степени по регионам, чем по социальным, культурным и образовательным воздействиям, а также по общей разнице между городскими и сельскими диалектами, которые можно услышать по всей Австралии.

Австралийцев узнают в любой части земного шара. Австралийский акцент известен во всем мире, он характеризует национальное чувство юмора, который в большинстве своем касается поведения иностранцев в Австралии. Узнать австралийцев еще легче, если знать, что для них характерно громко разговаривать. Австралиец испытывает огромное наслаждение от появившейся у него возможности продемонстрировать свое произношение другим австралийцам. Их язык изобилует экспромтным остроумием, выражениями, которые вызывают у его носителей чувство гордости, благодаря его уникальности и красочности. Сложно привыкнуть к максимальному количеству гласных звуков в том, что они шутливо называют «страйн».

Серьезное обсуждение австралийского диалекта в Австралии не принято, так как это считается признаком снобизма или классовым отличием, что нигде не приветствуется, а тем более в Австралии. Это табу. Однако, обсуждение австралийского диалекта делает его настолько смешным, что создает ошеломляющий успех книгам, в которых есть подобные шутки, таким как, например, *They're a Weird Mob and Strine* («Странная толпа и австралийская сатира»), где собраны шутки о странностях австралийского диалекта по сравнению с традиционным английским.

В словообразовательном плане для австралийского варианта английского языка характерно

- большое количество сложных слов с корнем *bush*, признаваемым ключевым словом австралийской культуры (Акопян 2003:57): *bushfire*, *bushman*, *bush house*, *bush nurse*, *to bushwack* и др.;
- большое количество сложных слов, в том числе со служебными компонентами: *outback* ‘remote settlements’; *walkabout* ‘a long journey of uncertain length’ (Hickey 2014: 41);
- сокращение слов: *roo* <*kangaroo*; *Strain* <*Australian*; *bikie* <*motocyclist*; *telly*<*television*; *mozzie* <*mosquito*; *beaut* <*beautiful* ;
- аффиксация слов посредством суффиксов *-ie* и *-o*. Лингвисты отмечают, что первый суффикс обычно передает привязанность, близость, солидарность (*Tassie* 'Tasmania', *Prezzie* 'Presbyterian', *truckie* 'a truck driver'), в то время как второй – нередко грубость и антиинтеллектуальность (*Davo* 'David', *journo* 'journalist', *garbo* 'garbage collector', *bizzo* 'business', *reffo* – 'refugee') (Collins 2012: 79).

Австралийцы стремятся упростить и минимизировать английский язык. Обычная структура видоизменения того или иного слова состоит в том, что австралийцы берут первую часть слова, прибавляя суффиксы *-ie* или *o*, при этом общее значение слова сохраняется. К чему произносить *communist*, когда

вполне достаточно произнести *commie*? Суффикс *-ie* может также образовывать существительное из прилагательного. Например, из прилагательного *green* образуется существительное *greenie*, что обозначает профессию человека, связанного с защитой окружающей среды.

Лексические особенности австралийского варианта включают

➤ обилие уменьшительно-ласкательных суффиксов *-ie*, *-o*, *-y*, образованных путем сокращения и добавления этих суффиксов: *Aussie* < *Australians*, *barbie* < *barbecue*; *chalkie* < *school teacher*; *sickie* < *sick leave*; *agro* < *aggressive*; *arvo* < *afternoon*; *combo* < *combination*; *evo* < *evening*; *backy* < *tobacco*; *footy* < *football*; *exxy* < *expensive*; *kindy* < *kindergarten*.

Такое же явление наблюдается и в британском варианте английского языка, но не так активно, как в австралийском варианте: *dog-doggie*; *girl-girlie*; *bus-bussie*. Задимствование суффикса *-ie* распространено в Австралии гораздо больше и употребляется с большей частотностью, чем в Великобритании.

➤ заимствования из языков аборигенов : *kangaroo*, *koala*, *dingo*, *jumbuck* (a sheep), *boomerang* (a curved throwing stick), *billabong* (a waterhole), *corroboree* (an assembly), *willy-willy* (sudden twisting gust of wind);

➤ заимствование множества топонимов: *Darwin* (город) – назван в честь Чарльза Дарвина (британский ученый, развел теорию эволюции, исследовал север Австралии); *King George III* (горная вершина) – названа в память о короле Георге III (король Великобритании и Ирландии, во времена правления которого Америка воевала за свою независимость от Великобритании); *Sir Henry Ayers* (озеро) – названо в честь Сэра Хенри Эйерса (британского философа); *Phillip Island* (остров) – назван в память о Филиппе Артуре, английском капитане, приведшем первый флот с поселенцами поневоле в Австралию 26 января 1770 года; *Elizabeth Town* (город) – назван в память об английской Королеве Елизавете I; *Queensland* - (штат) назван в честь английской королевы Виктории; *Cook* (железнодорожная станция) – названа в честь Джеймса Кука - первооткрывателя Австралии (1770).

Среди топонимов, появившихся в первый период колонизации, большую часть занимают названия городов и местностей, озер и гористых возвышенностей данных в честь выдающихся личностей Великобритании.

➤ обилие грубо просторечных слов (*flash language*), пришедших из сленга и арго ссыльных: *swag* (a bundle of personal belongings); *lurk* (job, occupation) (Turner 1994; Акопян 2003; Назарова 2008;) новые значения слов, появившиеся чаще всего в разговорной речи: *bag* – ‘lady who is not particularly pleasant’; *Sheila* – ‘female or woman’; *identity* – ‘celebrity’; *thongs* – ‘flip-flops’; *artist* – ‘a person noted or notorious for a reprehensible aspect of their behaviour’:

booze artist; cordial – ‘a sweetened, coloured and flavoured liquid concentrate added to water to make a drink’; push – ‘a group or set of people who have a common interest or background’; mushroom – ‘a person who is deliberately kept ignorant or misinformed’.

➤ этнокультурные слова, заимствования из языков небританских иммигрантов: кит. *guanxi* – ‘connections’; *dinkum* – ‘Is that true?’; рус. Pavlova – ‘traditional Australian meringue and cream dessert, names after Russian ballerina Anna Pavlova’;(Прошина 2017: 157)

➤ австралийские фразеологизмы: *Down under* – ‘Australia’; *a bluey* – ‘red-headed person’ (рыжий); *poor as a bandicoot* - очень бедный; *pretty as a galah* - милый, хорошенъкий; *like a possum up a gum-tree* - на седьмом небе от счастья; *blood is worth bottling* – brave (смелый); *Waltzing Matilda* – travelling along the country with belongings (бродить с котомкой за плечами); *No worries* – ‘everything is under control’ [Кириллова 2003: 185]

«С точки зрения прагматики, для австралийского английского характерно большое количество обсценной лексики» (Прошина 2017: 167), так называемые **Special Aussie words:**

dinkum (fair *dinkum*, *dinky-di*, *dinky*)

- ‘genuine, real, authentic, cannot be faulted, the truth’ (He's a *dinkum* Aussie. It's true, mate, fair *dinkum*) – честный австралиец;

- ‘genuinely interested in a proposal’ (Are you *dinkum* about going overseas?) – Вы планируете лететь на континент?;

- ‘telling the truth’ (Are you *dinkum*? Are you fair *dinkum*?) – Вы говорите правду?;

- ‘an excellent, admirable example’ (That was a *dinkum* party!) – Это была классная вечеринка.

Британское нецензурное выражение *dinkum* поменяло свой знак «минус» на «плюс» в австралийской лексике и приобрело положительное, нормативное значение.

bastard

- ‘despicable, reprehensible person’ (The *bastard* would sell his own mother) – эта сволочь могла бы продать свою мать;

- ‘friendly term for person’ (G’day, you old *bastard*!) – привет, старина;

- ‘any person’ (What's that *bastard* doing over there?) – что этот человек делает там?;

- ‘misfortune, bad situation’ (What a *bastard*! I didn't know his wife had died.) – черт, я не знал, что его жена умерла.

Нецензурное слово *bastard* с точки зрения англичан в Австралии имеет двоякое и даже тройное значение – отрицательное, положительное и нейтральное.

- *bloody* считается «великим австралийским прилагательным» из-за широкого использования и способности выражать одобрение или неодобрение:

- ‘euphemism for ‘damned’ (He’s a bloody idiot!) – тупой, идиот;
- ‘very, extremely’ (She’s bloody gorgeous!) – она чертовски великолепна;
- ‘mild oath of frustration, anger, amazement, wonder’ (bloody Nora!) – выражение гнева, изумления, удивления;
- expression of complete agreement (bloody oath!) – клянусь!

Когда дело доходит до разговорного языка любой иностранец, изучавший английский язык, вдруг понимает, что его знания английского ему не помогут. Разговаривают австралийцы на том самом языке, который называют «страйн» (strine) то есть австралийский вариант английского языка. Это английский, но только усиленный крепкими австралийскими словечками, который наилучшим образом отражает австралийский характер. Цель любого разговора – передача информации и ни один австралиец не станет это отрицать. Слова здесь соединяются воедино, укорачиваются, глotaются и даже выбрасываются. Так что выучить этот язык не так просто.

Например: nana<banana; OS<overseas; uni<university; cuppa<cup of tea; Q<thank you; strewth<it’s the truth (an exclamation, often of surprise).

Чтобы понять этот язык, надо очень внимательно слушать. Вот несколько примеров:

It is as dry as a – [driza]
Do you want a – [dзavanna]
Air conditioner – [egg nishne]

Why don’t you have a cold shower? – [wyne cheva kold share]

Через свой язык австралийцы демонстрируют свою индивидуальность, свой сильный характер, свое своеобразие и прямоту. Но в тоже время неряшливость австралийцев на лингвистическом уровне создает впечатление о них как о неряшливых в поведении и одежде людях. Небрежность – значит бунтарство и свобода.

Другое правило австралийцев: зачем прибегать к обыкновенной фразе, если есть такая же, но юмористическая? В ход идут **идиомы**. По мнению Сидни Бэйкера, «австралийские идиомы стоят отдельно от основной структуры языка, а богатство сленга формировалось веками» [Baker 1945:385]. Австралийцы придумывали новые слова еще более стремительно, чем американцы. Австралийцы не любят англичан и специально уклоняются от тради-

ционного английского языка. Результат может быть очень интересным, например:

- as game as Ned Kelly (brave)
- not enough brains to give himself a headache (stupid)
- as useful as an ashtray on a water-ski (useless)
- as happy as a worm in the can on the way home from a fishing trip (really happy)

В австралийском варианте также функционируют общеанглийские лексемы, получившие иное значение, (т.е. **лексико-семантические дивергенты**). Складывается ситуация, когда семантика остается той же, а лексика меняет свое графическое написание в силу определенных культурных и географических особенностей страны.

Таблица 1. Лексико-семантические дивергенты

AuE	BrE
Grog	Alcohol
Hotel	Pub
Celebrity	Identity
all-purpose intensifying adjective	Bloody
Far away region	Bush

Изменения в экономической и общественной жизни послевоенной Австралии, в условиях жизни и быта австралийцев вызвали к жизни множество новых явлений, понятий, предметов, что, в свою очередь, потребовало соответствующей номинации.

Рассмотрение вопросов, связанных с «транспланнацией» английского языка в Австралию в конце XVIII века, возникновение и становление Australian English подтверждает мнение той группы ученых австраловедов, которые трактуют становление австралийского варианта английского языка как естественное развитие языка на основе множества региональных диалектов, завезенных из Великобритании. Вместе с тем, в развитии австралийского варианта с самого начала проявляются тенденции, присущие данному конкретному языковому образованию: тенденции к «перемешиванию» и «выравниванию» диалектных особенностей английского языка в новых территориальных условиях.

Расхождения между австралийским и британским вариантами определенно выходит за рамки тех различий, которые принято считать «диалек-

тными». Australian English является национальным вариантом современного английского литературного языка, аналогичным British English и American English.

Австрализы, являющиеся индивидуальной частью английского языка в Австралии, послужили важным критерием формирования литературной нормы языка. В этом отношении языковая обстановка в Австралии вплоть до нашего времени является уникальной, не имеющей аналогов ни в одной из англоговорящих стран мира.

Литература

1. *Акопян Ю.А.* Лексико-семантические особенности австралийского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 159 с.
2. *Кириллова О.О.* Культурные и языковые связи Австралии и Великобритании в историческом и современном аспектах : дис. ... канд. культурол. наук. – М., 2003. – 255 с.
3. *Назарова О.Б.* Формирование и функционирование неформальной лексики австралийского варианта английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М.: 2008. – 198 с.
4. *Прошина З.Г.* Контактная вариантология английского языка. World Englishes Paradigm. Проблемы теории. – М., 2017. – 208 с.
5. *Baker, Sidney J.* The Australian Language. –2nd edn. Sydney: Currawong Press, 1966. – 425 p.
6. *Collins P.* Australian English: Its evolution and current state // International Journal of Language, Translation and Intercultural Communication. – 2012. Vol. 1, No. 1. – PP. 75-86.
7. *Hickey R.* A Dictionary of Varieties of English. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2014. – 431 p.
8. *Kirkpatrick A.* World Englishes. Implications for International Communication and English Language Teaching. – Cambridge: CUP, 2007. – PP. 68-83.
9. *Turner G. W.* English in Australia // The Cambridge History of the English Language. Vol. 5. English in Britain and Overseas: Origins and Development. / Robert Burchfield. Cambridge: CUP, 1994. – P. 277-327.
10. *Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations. – New York: Oxford University Press, 1992. – 496 p.

E.C. Колягина
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
Москва, Россия

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИЙ «БЫТИЯ» И «ОБЛАДАНИЯ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье проводится анализ лексических и семантических средств в конструкциях для выражения категорий «бытия» и «обладания», в индоевропейских языках. Делается вывод об идентичности использования языковых средств для выражения экзистенциальности, посессивности, неотторжимой посессивности в языках номинативного строя, но отмечается, что каждый язык имеет свою специфику.

Ключевые слова: Номинативный, эргативный строй языка, понятийная категория, экзистенциальность, посессивность, неотторжимая посессивность.

Elena S. Kolyagina
MGIMO-University
Odintsovo, Russia

LEXICAL AND SEMANTIC MEANS OF EXPRESSING THE CATEGORIES OF "BEING" AND "HAVING" IN INDO-EUROPEAN LANGUAGES

Abstract. The article analyzes lexical and semantic means in constructions for expressing the categories of "being" and "having" in Indo-European languages. The conclusion is made about the identity of the use of means of languages to Express existentiality, possessiveness, and non-rejected possessiveness in languages of the nominative system, but it is noted that each language has its own specifics.

Keywords: nominative structure of the language, ergative, conceptual category, existentiality, possessiveness, non-rejected possessiveness.

Развитие синтаксической типологии в российском языкознании связано с именем И.И. Мещанинова. В его работах «Общее языкознание» (1940), «Члены предложения и части речи» (1945), «Структура предложения» (1963), «Глагол» (1965) и др. наблюдается отказ от традиционного, построенного на материале индоевропейских языков понимания синтаксиса как учения о

словосочетании или учения о сочетании слов в предложении и о соединении предложений. В качестве составных частей предложения у И.И. Мещанинова [Мещанинов 1975] выступают слова, а не словосочетания. Слово в предложении оказывается носителем и лексических, и синтаксических свойств. Каждое слово выступает в предложении как носитель той или иной синтаксической функции.

Исходя из существования во всех языках мира синтаксических отношений, он впервые предлагает синтаксическую классификацию языков по определенным структурам предложения. И.И. Мещанинов [Мещанинов 1978] выделил три основных строя такого типа: посессивный (притяжательный), эргативный и номинативный.

Номинативный строй характерен для индоевропейских языков предложение имеет привычную структуру, где субъект обозначен подлежащим, предикат – сказуемым, а объект – дополнением.

Предметом рассмотрения данной статьи является выражение категорий «бытия» и «обладания» в языках номинативного строя, к которому относится группа индоевропейских языков.

Среди форм выражения в языке категорий бытия и обладания видное место занимают лексико-синтаксические средства языка. Поэтому анализ этих средств, и в первую очередь семантической структуры глаголов «быть» и «иметь», занимает важное место в изучении и развитии языков. Под «бытием» в самом широком смысле этого слова имеется в виду общее понятие о существовании. *Бытие есть все то, что есть*. Это и материальные вещи, и все процессы (физические, химические, биологические, социальные, психические, духовные и др.), плоды воображения, фантазии, сказки - все это тоже существует как разновидность духовной реальности, как часть бытия.

Обратим наше внимание на глагол *to be* (*быть, существовать*) и его эквиваленты в других языках индоевропейской группы. Все словари и грамматики фиксируют, как правило, четыре функции данного глагола: изолированное функционирование его как полнозначного смыслового глагола; функция связки в составном именном сказуемом; использование в качестве вспомогательного глагола для образования форм страдательного залога и временных форм; употребление в качестве модального глагола в сочетании с последующим инфинитивом. В каждой из этих функций выделяют перечень значений, варьирующих по своему составу. При лексико-семантическом анализе [Кузнецов 1977] близких по значению лексем, выражающих категории бытия, можно выделить четыре основных значения глагола *to be*:

- 1) *be* - быть, существовать, *exist* - существовать, *have place* - иметь место, *live* - жить, *subsist* - просуществовать, *flourish* - процветать, *vegetate* – прозябать;
- 2) *be* - иметь место, случаться, происходить, *occur* - случаться, *take place* - происходить, иметь место, *come* - происходить, случаться, *befall* - случаться (о несчастье), *happen* – случаться;
- 3) *be* - бывать, посещать, *visit* - посещать, *call* - заходить, *attend* - посещать, присутствовать, *frequent* - часто посещать, *resort* - постоянно посещать;
- 4) *be* – находиться где-нибудь, *live* - жить, проживать, *stay* - останавливаться, *reside* - проживать, *sojourn* - временно проживать, *dwell* - жить, проживать.

Каждая группа позволяет более точно представить семантический объём значения глагола *to be* как модификации одного общего значения существования, т. е. семантического поля. Единицы одного и того же языкового поля отражают предметное, понятийное или функциональное сходство обозначаемых явлений, ядром которого является *to be*.

Периферию образуют языковые единицы с неполным набором этих признаков. Граница между ядром и периферией нечеткая, размытая. Уже из сказанного следует, что единицы, составляющие ядро поля, характеризуются определенными и достаточно четкими признаками, а единицы периферии, наоборот, обладают менее определенными, нечетко выраженнымими признаками поля.

О.Н. Селиверстова [Селиверстова 1977] проводит исследование и сопоставление таких конструкций в английском языке на основе глаголов «быть» *to be* и «иметь» *to have* в конструкциях “*There is Y*” и “*X has Y*”. Говоря о конструкции “*There is Y*”, следует отметить, что обычно этой конструкции приписывалось значение существования, однако в этих случаях само понятие существования не было четко определено. Вместе с этим значение слов “*to exist*”, “*existence*” не тождественно данной конструкции. В этом случае возникает необходимость дать определение признака существования, как информации о свойстве «быть в действительности, быть действительным» (*to be real*). Этот признак автор обозначает Ex1. Признак экзистенциональности Ex1- наличие в качестве основной информации о свойстве «быть в действительности, быть действительным» входит в семантическую систему и закреплён за глаголом “*to exist*”, а также глаголом “*to be*” в определённых условиях употребления, напр. *I think therefore I am.* (Я думаю, следовательно, я существую). Однако во многих случаях предложения

с глаголом *to be* в конструкции “*There is Y*” не несут признака существования. Например, в выражении “*there is a book on the table*” (*книга на столе*), предложение можно отнести к экзистенциональным, основываясь на том, что нахождение книги на столе предполагает её существование в действительности. Но в этом случае существование книги предполагается известным заранее и предложение сообщает, о том, что книга находится *на столе*, *а не где-то ещё*, т.е. обнаруживается в пределах данного пространства. Оно не является тождественным сообщению типа «существует книга, причём она лежит на столе». Поэтому к экзистенциональным по признаку Ex1 данное предложение и конструкцию “*There is Y*” относить не следует.

В то же время глагол “*to exist*”/существовать обладает четкими признаками экзистенциальности, но не может употребляться в предложениях типа: *There exists a book on the table*. По-русски также нельзя сказать: *На столе существует книга*. Информацию о наличии (существовании) можно интерпретировать также с помощью “*X has Y*” напр. *I have a book* (*у меня есть книга*) или *I have a son* (*у меня есть сын*). В этом случае “*X has Y*” исчерпывается информацией «Существует такая книга, которая принадлежит мне» и есть отношение между мной и книгой. *Книга (a book)* существует в пространстве *у меня*.

Таким образом, приходим к выводу, что «бытие» в индоевропейских языках отражается в языке на основе экзистенциальных конструкций с ядром «существовать» и «быть» и обозначает существование как в реально существующем пространстве, так и в нереальном (мифы, сказки и т.д.).

Система семантических моделей, связанных с выражением «бытия» тесно переплетается с выражением «обладания». Наборы форм выражения семантических категорий сходны по своим структурам: включают глаголы со словарным значением «иметь» и «быть», напр.: *to have* (*иметь*), *to possess* (*обладать*), *to own* (*владеть*), *to belong* (*принадлежать*). К морфологическим средствам относят родительный падеж существительного и образуемую им конструкцию (*N's+N*) (*Roger's selfishness*. Эгоизм Роджера прозябает). Синтаксический уровень выражения «обладания» представлен также посессивными конструкциями: с предлогом *of* (*N of N*) (*the kindness of the Muellers*/доброта Мюллеров), с предлогом *with* (*N with N*) (*a man with a small head* /человек с маленькой головой), притяжательное местоимение + существительное (*Pos. Pron.+N*) (*his dignity* /его достоинство), существительное + существительное (*N+N*) (*law student* /студент-юрист).

Традиционно выделяют: принадлежность части целому (*Julia's face* /лицо Джулии); по признаку владения (*the Quin family's Mercedes* /мерседес семьи Куинн); по признаку родственных или дружеских отношений (*the old*

*man's son-in-law/ зять старика); физических и внутренних качеств, состояния, манер человека (*the grandfather's warmth/дедушкино тепло*); по признаку зависимости от занимаемой должности (*Mr. McKnight's secretary /секретарь мистера Макнайта*); по признаку авторства (*Titian's portrait /портрет Тициана.*); принадлежность действия лицу (*the firm's assistance/помощь фирмы*).*

Отношения посессивности неоднородны. В основе их разграничения лежит целый ряд критериев. К ним могут быть отнесены такие как, например, неотторжимая принадлежность или неотчуждаемость. Как считает М.А. Журинская [Журинская 1977], неотторжимая принадлежность подчеркивает максимально тесную, нерасторжимую связь посессора и объекта, утратив которую посессор перестает быть тождественным самому себе и, следовательно, вне связи с объектом не мыслится (*girl with long legs/ девушка с длинными ногами; a man with a smart head /человек с умной головой*). Так, неотторжимые части тела при употреблении с предлогом требуют переносной интерпретации (ср. человек с головой допустимо только в значении *умной*: *a man with a smart head/ человек с умной головой*, т.е. «человек с головой» (русс.).

С другой стороны, как отмечает О.Н. Селиверстова [Селиверстова 1977], использование одного формального средства для обозначения различных типов отношения посессивности (и отношения собственности, и отношения части к целому, и отношение продукта труда к его производителю и т.д.) подтверждает семантическую близость всех этих отношений и то, что набор этих средств, разнообразен и достаточно устойчив.

Таким образом, разнообразные языковые механизмы выражения бытия и обладания отражают способы и формы осмыслиения мира человеком, а также те характеристики окружающего мира, которые фиксируются в тех или иных языковых формах. Рассмотренные нами примеры свидетельствуют об идентичности выражения бытия и обладания в группе индоевропейских языков, но каждый язык имеет свою специфику выражения ключевых понятийных категорий. То или иное языковое средство определяет конкретный тип бытия и обладания в языке.

Литература

1. Журинская М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 194-268.
2. Жирмундский В.М. Памяти акад. И.И. Мещанинова // Вопросы языкознания. – М.: 1967. № 3. – С.18-27.
3. Категории бытия и обладания в языке. Отв. ред. чл.-кор. АН СССР В. Н. Ярцева. АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1977. – 257 с.
4. Клецкин М.В. Целостный смысл категории «БЫТИЕ» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. Сб. научных статей. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. – С. 74-76.
5. Кузнецов А.М. Глагол *to be* и его лексико-семантические эквиваленты в современном английском языке // Категории бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 194-268.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
7. Лысенко Т.И. Мещанинов И.И. и его архивное наследие// Известия Академии Наук СССР. Сер. Литературы и языка. т. 36. №5. – М.:1977. – С. 447-451.
8. Мещанинов И.И. Общее языкознание. – М.,1975. – 108 с.
9. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Отв. ред.: В. З. Панфилов, П. Я. Скорик; Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 388 с.
10. Селиверстова О.Н. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 194-268.
11. Семантическое и формальное варьирование. Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1979. – 376 с.
12. Сюткина М.Ю. Межкатегориальные связи экзистенциальных и посессивных конструкций: Автореферат дис. канд. филол. наук. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2004. – 25 с.
13. Сюткина М.Ю. Парадигма синтаксических средств выражения значения посессивности. Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц // Сб. статей трудов к юбилею проф. М.Я. Блоха. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – Ч. II. – С. 275-279.

М.А. Кузина

Московский педагогический государственный университет

Москва, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ РОМАНЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Настоящая статья представляет собой попытку показать, как писатели-мультикультуралисты дают оценку терроризму, имеющему в своей основе ультраправые религиозные учения. В частности в романе «Похороненная под баобабом» (2018) А.Т. Нваубани обличает подмену истинных духовных ценностей ислама для оправдания преступной деятельности: этого эффекта она достигает при помощи повествования от первого лица и широкого арсенала стилистических приёмов (паралингвистических, фонетических, лексических, синтаксических).

Ключевые слова: экзотизм, заимствование, стереотипизация, мультикультурная литература, терроризм.

*Marina A. Kuzina
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia*

LANGUAGE METHODS OF PRESENTING MODERN TERRORISM IN A MULTICULTURAL ENGLISH NOVEL

Abstract. The present article undertakes to show the depiction of religious terrorism/radical Islamic terrorism in the novels by multicultural writers. For instance, A.T. Nwaubani in the novel “Buried Beneath the Baobab Tree” (2018) denounces the substitution of the genuine values of Islam with the single purpose of justifying crimes: this is achieved by first-person narration and through the usage of a wide range of stylistic devices (paralinguistic, phonetical, lexical, syntactical).

Keywords: exoticisms, loanwords, stereotyping, multicultural literature, terrorism.

Многими исследователями отмечается определённая недоосвещённость феномена терроризма в лингвистических исследованиях, что объясняется

преобладанием трактовки террористической деятельности в исторических, социологических и юридических ракурсах. На настоящий момент типы героев-террористов и мировоззренческая позиция к терроризму освещаются только в десятке научных работ отечественных исследователей, которые были выполнены на материале как русской художественной литературы, так и зарубежной прозы. К первым отнесём статью М.А. Барсегян и М.А. Васиной «Романы «Санька» и «Дети перестройки. Предупреждение»: анализ психологии молодежного терроризма и экстремизма» (2017). Во вторую группу включим исследования Е.М. Волкова и А.И. Салова, В.В. Скороходова, О.А. Хрущёвой на материале романов Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» (2013) и Ф. Бегбедера «Окна в мир» (2016). В статье Е. Ермаковой, М. Джилкишевой, Г. Файзуллиной, И. Карабулатовой, Х. Шагбановой «Постмодернистский дискурс современного терроризма в контексте риторики апокалипсиса массмедиийной продукции и художественной литературы» исследование проводится на широком спектре материалов, включающим «тексты и речи революционных деятелей философов и публицистов, чьи идеи формировали или раскрывали новые исторические смыслы понятия; художественные произведения» [Ермакова и др. 2016: 73].

Что касается диссертационных исследований, то простой поиск на официальном сайте Российской государственной библиотеки позволяет обнаружить две диссертации на соискание степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04: Архиповой И.А. «Экстра- и интралингвистические особенности формирования и развития немецкого подъязыка служб безопасности на материале терминологии терроризма и наркобизнеса» (2006) и Грачёва Г.В. «Роль языковых средств в формировании представлений о терроризме: на материале современного английского языка» (2011).

Целью настоящего исследования является выявить основной набор разноуровневых стилистических приёмов и прочих языковых средств, используемых автором-мультикультуралистом А.Т. Нваубани (Adaobi Tricia Obinne Nwaubani) в романе «Похороненная под баобабом» («Buried Beneath the Baobab Tree») (2018) для обозначения мировоззренческой позиции (своей собственной и своих соотечественников) к террористической деятельности исламистских группировок на территории Нигерии в XXI веке, а также для призыва к международному сообществу о помощи в прекращении трагических событий.

Нигерийская писательница А.Т. Нваубани, призёр Премии Бетти Траск (2010), является автором двух романов. Её роман «Похоронена под баобабом» (2018) основан на реальных событиях, потрясших всю Нигерию, но оставшихся фактически незамеченными за её пределами: речь идёт о похищении

276 учащихся средней школы для девочек в городе Чибок(е) 14 апреля 2014 года членами террористической исламистской группировки «Боко Харам». Незначительному числу девушек удалось бежать, по всей Нигерии стартовала кампания под лозунгом «Bring back our girls!», к решению проблемы подключился Красный Крест, ряд европейских и американских политических деятелей, военные соседних африканских стран (Чада, Камеруна, Нигера). Это позволило обменять несколько пленных на членов Боко Харам (отбывающих срок в тюрьмах) и захватить несколько лагерей радикальных исламистов в лесах Самбиса. Однако на настоящий момент власти не готовы уверенно заявить об освобождении из плена Боко Харам, основанной в 2002 году имамом Мухамедом Юсуфом для борьбы с засилием западного образования в Нигерии. Примерно триста страниц опубликованного HarperCollins Publishers романа разделены на относительно короткие и значительно различающиеся по длине (полстраницы и несколько страниц) главы. Первая глава называется «Big Dreams», а последняя «Found»: они повествуют о школьных буднях единственной дочери в нигерийской семье с пятью сыновьями и о её мечте получить университетское образование, которые жестоко прерываются нападением террористов на школу, её похищением и обращением в жену Исламского государства. Роман сопровождается послесловием (на 40 страниц), которое рассказывает о дальнейшей трагической судьбе заложниц: беременных от мужей-террористов, подозреваемых в планировании терактов в нигерийских городах, избегаемых собственными семьями, поселённых государством отдельно в лагерях для бывших заложниц Боко Харам.

А.Т. Нваубани решает задачу реалистического описания террористической деятельности Боко Харам следующими способами. Во-первых, повествование ведётся от первого лица, причём оно стилизовано под речь африканской девочки-подростка. В начале романа героиня благодарит Бога за отца, который даёт образование и своим сыновьям, и дочерям: «Unlike many other girls in our village whose parents do not think that sending a girl to school is important since she will end up getting married and taking all her father's years of investment to another man's house, Papa wants me educated» [2018: 13]. Попав в плен и став женой террориста, она сравнивает свою образованность с мешком, полным драгоценных камней, который только мешает: «It made me the pride of Papa and Principal. It saved me from Madam Zwindila's lashings. It won me the Borno State government scholarship. Could it now be causing me misery, preventing me from believing, and enjoying my new life?» [2018: 236]. Во-вторых, нарратив многократно прерывается фактической информацией, интегрированной в новостные выпуски: «The nominations for this year's Academy Awards have been announced in Los Angeles. *American Hustle*, *12 Years a Slave*, *Gravity*, *Philomena*,

and *Her* are just some of the films vying for the best picture award. <...> Fifty-five people have been killed in the northeast of Nigeria in coordinated attacks by the Boko Haram militant group, the Nigerian army said. It said one hundred and five prisoners were freed in the predawn raid in Bama, Borno State. Bama's police station, military barracks, and government buildings were burned to the ground, said the military and witnesses» [2018: 22]. Автор намеренно сополагает в одной главе информацию о новостях американского кинематографа, шоу-бизнеса, погоды в мире с сухими отчётами о террористических вылазках Боко Харам в Нигерии. Из последних читатель получает исчерпывающую информацию об исламистской группировке: о смене названия с арабского «*Jama'atu Ahlis Sunna Lidda'awati wal-Jihad*» («People committed to the Propagation of the Prophet's Teachings and Jihad») на название на языке хауса «Боко Харам» («Европейское образование запрещено»), о расположении их лагерей в лесу Самбиса, о характере их нападений на населённые пункты, об осуждающей оценке их действий последователями ислама: «*Their Islam is from inside their heads, not from the holy Quran*» [2018: 52]. В-третьих, несмотря на простоту синтаксиса и преобладание разговорно-бытовых слов в романе задействовано большое число стилистических приёмов: антitez, параллельных конструкций, лексических повторов, метафор и метонимий. Например, с целью создания острого напряженного ожидания в романе повторяется фраза несколько десятков раз «*They are talking about Boko Haram*» [2018: 73-78].

Литература

1. Ермакова Е., Джилкишиева М., Файзуллина Г., Карабулатова И., Шагбанова Х. Постмодернистский дискурс современного терроризма в контексте риторики апокалипсиса массмедиийной продукции и художественной литературы – Центральная Азия и Кавказ. – 19 (2). – Лulea: CA&CC Press AB, 2016. – С. 71 -79.
2. Nwabani A.T. Buried Beneath the Baobab Tree. – HarperCollins Publishers: New York, 2018. – 330 p.

Е.А. Литягина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕЛОВОЙ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКОВ СМЕЖНЫХ РЕГИОНОВ НА ПРИМЕРЕ США И СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Аннотация. При рассмотрении межкультурной деловой коммуникации как комплексного феномена обнаруживается, что различия между национальными нормами функционирования языковых средств в деловой коммуникации нагляднее всего проявляются на уровне лексики в плане соотнесения лексических единиц по форме и содержанию. Предметом настоящего исследования является бизнес-лексика американского варианта английского языка и латиноамериканского варианта испанского языка, рассматриваемая с точки зрения национально-культурной специфики. Несмотря на то, что основной корпус бизнес-лексики данных вариантов идентичен корпусу общеупотребительной бизнес-лексики делового английского и испанского языков, в них обнаруживаются некоторые лексемы, сформировавшиеся в соответствии с контекстом исторического и культурного развития США и стран Латинской Америки.

Цель работы состоит в выявлении контрастов между американской и латиноамериканской деловыми культурами и исследовании их влияния на формирование лексического корпуса соответствующих вариантов английского и испанского деловых языков. В исследовании затрагивается вопрос взаимопроникновения лексики бизнес-языков граничащих стран в условиях активных экономических контактов и миграционных процессов. Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые предприняты описание и сопоставительный анализ деловой лексики американского варианта английского языка и латиноамериканского варианта испанского языка с точки зрения влияния на них национально-культурологических особенностей народов данных смежных регионов.

Ключевые слова: бизнес-термин, лингвокультурологические особенности, языки смежных регионов, американский вариант английского языка, латиноамериканский вариант испанского языка.

Elena A. Lityagina
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

COMPARISON OF LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF BUSINESS LEXICON OF NEIGHBORING REGION LANGUAGES ON THE EXAMPLE OF THE UNITED STATES AND LATIN AMERICA

Abstract. When analyzing cross-cultural business communication as a complex phenomenon, it is found that the differences between national language means functioning norms in business communication are most clearly manifested at the lexical level in terms of the correlation of lexical units in form and content. The subject of this study is the business vocabulary of American English and the Spanish of Latin America, studied through the prism of national and cultural specificity. Despite the fact that the main body of business vocabulary of these variants is identical to the body of business English and Spanish, some lexemes are found to be formed in accordance with the context of the historical and cultural development of the United States and countries of Latin America.

The aim of the work is to identify the contrasts between American and Latin American business cultures and study their influence on the lexical corpus formation of the corresponding variants of English and Spanish business languages. The study addresses the issue of interpenetration of the vocabulary of business languages of neighboring countries in the conditions of active economic contacts and migration processes. The scientific novelty of this work is that it is the first to describe and compare the business vocabulary of American English and the Spanish of Latin America in terms of the impact of national and cultural characteristics on them.

Keywords: business term, linguistic and cultural features, languages of adjacent regions, American English, Spanish of Latin America.

Изучение межкультурной бизнес-коммуникации как социального комплексного феномена на современном этапе способствует разработке различных вопросов делового общения. При этом актуальными являются лингвистические исследования, посвященные национальной специфике языков, своеобразию картины мира и лингвокультурологическим особенностям языка общности, в которых используется метод анализа языковых фактов с позиций *не только внутреннего, но и внешнего* наблюдателя. Национально-культурные расхождения (традиции, образ жизни, специфика поведения, характера, мышления, восприятия окружающего мира), в свою

очередь, рассматриваются как *фундаментальная основа возникновения непонимания в коммуникативных ситуациях* [Тимко 2007: 5].

Поскольку английский язык является официальным языком многих государств, среди которых Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, а испанский — Испании, стран Латинской Америки, то они считаются полинациональными языками. В каждом из вышеприведенных языков обнаруживается ряд отражающих национальную культуру носителей языка характеристик, которые выявляются как при их сопоставлении с другими языками (межязыковая национально-культурная специфика), так и при сравнении их отдельных национальных вариантов (межвариантная национально-культурная специфика).

В данной работе исследуется латиноамериканский вариант испанского языка, так как в его деловом функциональном стиле наблюдается наибольшая унификация лексических единиц. Академии испанского языка также предпочтуют не разграничивать лексику, выпуская так называемые словари латиноамериканизмов (американизмов), при этом американский вариант английского языка принято рассматривать в контексте одной страны. Это обусловлено общностью испаноязычных территорий, в отличие от выраженности местных интересов в США, в том числе в отсутствии государственной религии, общенациональных каналов и газет. Данные особенности нашли свое отражение в бизнес-лексике американского варианта английского языка, обнаруживающей в своем составе компоненты, выражающие локальность, например: *Bronx cheer* (осуждение, неодобрение), *Chicago boys* (монетарные экономисты), *Texas leaguer* (человек без особого статуса). При этом для делового испанского языка Латинской Америки характерно присутствие лексических единиц, заимствованных из языков коренного населения или сформировавшихся именно в данном ареале под воздействием специфических исторических и экономических факторов, например: *peonage* (чернорабочие), *charrismo* (ситуация, в которой лидер профсоюза вместо поиска выгоды для коллег подчиняется интересам компании или государственных органов), *huasipunguero* (работник, который часть зарплаты получает деньгами, а другую часть — пользуясь участком работодателя), *libercambio* (система свободной торговли между странами), *malinchismo* (предпочтение иностранного национальному). Следует отметить, что в деловой сфере особенно ярко проявляется уважение бизнесменов стран Латинской Америки к коллегам из США за их целеустремлённость, деловитость, успешность.

Для граждан США характерна законопослушность, стремление к чистоте и комфорту, поэтому в бизнес-лексике американского варианта английского языка встречаются связанные с осуждением незаконных, нечест-

ных действий или одобряющие порядок в делах компоненты: *apple polish=brown nose=ass kisser* (заискивающий человек, лицемер), *dirty tricks* (темные дела), *piggybacking* (использование чужой идеи, plagiat), *dirty laundry* (негативная информация о прошлой деятельности), *clean sheet* (безупречная репутация), *pure play* (один основной вид деятельности у компании). Латинская Америка была признана Управлением по наркотикам и преступности ООН регионом с самым высоким уровнем преступности в мире, соответственно, именно в этом состоит причина обнаружения среди деловых латиноамериканизмов множества слов, описывающих нелегальную или подпольную деятельность: *cachinería* (магазин ворованных вещей), *venta de patio=venta informal* (уличная торговля с рук), *buchón* (наркоторговец), *abulencia* (спекуляция).

Другими критериями, заслуживающими внимания в рамках данной проблематики, представляются отношение к деньгам, статусу, работе и бизнес-деятельности. Американцы активны и деловиты, считают конкуренцию неотъемлемой частью роста и пути к успеху, что отражается при формировании корпуса деловой лексики: *ball of fire* (энергичный, исполнительный работник), *powerhouse* (деловой, активный человек или группа людей), *cutthroat competition* (безжалостная конкуренция), *economic darwinism* (выживание сильнейшего на рынке), *rat race* (активная бизнес-деятельность). Американцам как состоятельной нации приписывают любовь к деньгам и жадность: *deep pocket* (богатая компания), *golden goose* (ценный вклад, актив), *loaded* (очень богатый), *pig* (жадный человек), *gold mine* (перспективное дело). Латинская Америка является регионом с бедным населением, следовательно, в латиноамериканском варианте испанского языка закономерно фигурируют лексические единицы, отражающие семантику недостатка денег: *miseria=pobreza extremada* (нищета), *coopera* (объединение средств для покупки продукта или услуги для совместного пользования), *brujez* (недостаток денежных средств), *feria* (деньги). Для жителей Латинской Америки в деловых отношениях характерна неформальность, что выражается в упрощении и снижении регистра некоторых слов: *pagaré* (вексель, деловая расписка), *restaurantero* (менеджер ресторана), *chamba* (работа), *empleada doméstica, ayudante* (ассистент).

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что несмотря на ярко выраженную роль английского языка (в том числе и американского варианта английского языка) как глобального языка-донора по отношению к другим языкам (среди которых фигурирует испанский язык), в латиноамериканском варианте испанского языка выявлены собственные лексические единицы, отражающие исключительную национально-культурную специфику

делового социума. Кроме того, в американском варианте английского языка присутствуют термины, включающие терминологические компоненты латиноамериканского варианта испанского языка: *big enchilada* (высоко-поставленное лицо), *taquilladora* (промышленное предприятие с признаком международного разделения труда), *píntero tipo* (самостоятельный человек), *tequila effect* (влияние спада мексиканской экономики на ценные бумаги других стран Латинской Америки). Причина обнаружения подобных единиц может крыться в территориальном соседстве рассматриваемых регионов, а также активных экономических, политических и культурных контактах США и стран Латинской Америки.

Литература

1. Павловская А.В. Особенности национального характера. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2006. –172 с.
2. Тимко Н. В. Фактор «культура» в переводе. – Курск. гос.ун-т. — 2-1 изд., дополн. — Курск: Курск.гос. ун-т, 2007. — 161 с.
3. Сапожникова Е.Э. Сопоставительный анализ национально-культурных особенностей языка делового общения (на материале переговоров на английском, испанском и русском языках): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 252 с.
4. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. – М.: Наука, 1979. – 328 с.
5. *Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales. Grupo de Trabajo de Desarrollo Cultural. Términos latinoamericanos para el Diccionario de ciencias sociales.* – Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales, 1976 – 25 p.
6. Folsom D. Understanding American business jargon. – Westport: Grenwood press, 2005 – 226 p.
7. Gilarranz Lapeña M. El léxico de las relaciones empresariales. Algunos préstamos y calcos del inglés en los diccionarios de uso españoles e italianos, su correspondencia con las definiciones inglesas // Actas del XVI Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Nuevos caminos del hispanismo...2010 [Электронный ресурс] // URL: https://cvc.cervantes.es/literatura/aih/pdf/16/aih_16_2_017.pdf (дата обращения: 12.01.2020).
8. RAE. Diccionario de Americanismos. – Madrid: Alfaguara, 2010. – 2333 p.

В.С. Лукьянова, М.Н. Москавец
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
Одинцово, Россия

ПРАГМАТИКА НЕЛЕКСИЧЕСКИХ ФРАНЦУЗСКИХ ВКЛЮЧЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕТСКОМ АНИМАЦИОННОМ ФИЛЬМЕ

Аннотация. В статье анализируется функциональная нагрузка французских нелексических вкраплений в англоязычной детской анимации. Рассматриваются французские включения просодического (акцент, ударение), графического (вывески на улице, названия газет) характера, элементы аудио- (мелодии, песни) и видеоряда (фон действия, внешность, поведение персонажа). Авторы предпринимают попытку выявить прагматику каждого типа вкрапления при помощи лингвокультурологического анализа.

Ключевые слова: французские культурные элементы, французские вкрапления, детский англоязычный анимационный фильм, прагматический потенциал, лингвокультурологический подход.

*Valentina S. Lukyanova
Marina N. Moskavets
MGIMO-University
Odintsovo, Russia*

PRAGMATICS OF FRENCH NON-LEXICAL INCLUSIONS IN ENGLISH CHILDREN'S ANIMATED MOVIES

Abstract. The article is devoted to the study of the pragmatic role of French non-lexical inclusions in English children's animated movies. The research is focused on the French inclusions of prosodical and graphical sorts, on some elements of the audio- and visual backdrops in English children's animated movies. Linguocultural analysis is given as an attempt to define the pragmatics of each type of inclusions.

Keywords: French cultural elements, French inclusions, English children's animated movie, pragmatic potential, linguocultural approach.

Иноязычные включения в дискурсе художественного произведения выполняют несколько функций: документализации, создания местного

колорита, экзотизации, эвфонизации, эвфемизации, установления связи творчества автора с мировой литературной традицией и мировой культурой, демонстрации авторской критической позиции, создание комического эффекта, фасцинации [Манина 2010: 97-98].

Однако в условиях детского анимационного фильма круг этих функций сужается, более того, – некоторые из них невозможно реализовать. На реализацию данных функций оказывает большое влияние фактор наличия / отсутствия у реципиента фоновых знаний в каждом случае иноязычного вкрапления. В англоязычной детской анимации иноязычные вкрапления представлены в большинстве случаев лексическими элементами других языков. Это связано с их большим pragматическим потенциалом, возможностью максимального воздействия на реципиента [Лукьянова, Москавец 2018]. Между тем, не представляется возможным оставить без внимания вкрапления просодического и графического характера, а также такие элементы видео- и аудиоряда, как одежда, манера поведения, прическа персонажа, характерные для представителей той или иной национальности, песни и мелодии, присущие иноязычным культурам.

Детская англоязычная анимация часто обращается к сюжетам из французской истории и литературы («Горбун из Нотр-Дама», 1996; «Красавица и Чудовище», 1991 и др.) или отдельным элементам французской культуры (персонажи-французы, место действия). Интерес к французской культуре, к французскому языку растет даже в условиях так называемой «глобанглизации»: «Что же касается социальной значимости французского языка за пределами Франции, то за последнее время оно несколько возросло, особенно за счет телевизионных передач» [Клоков 2017:130].

Целью данной статьи является определение pragматической нагрузки французских нелексических вкраплений в детской англоязычной анимации. Актуальность обусловлена широким использованием данных средств для сообщения зрителям принадлежности персонажа к французской нации. Очевидно, там, где недостаточно «работают» французские лексические вкрапления, либо для усиления их pragматической нагрузки, создатели англоязычных детских анимационных фильмов прибегают к другим элементам французской культуры графического, просодического, музыкального и визуального характера, формирующие в большей степени стилистическое своеобразие англоязычного текста анимационного фильма, т.е. «выразительных характеристик текста» [Блох 2011:6].

Самым наглядным и простым способом передачи информации о принадлежности персонажа к определенной национальности, определенной культуре, является наделение этого персонажа акцентом: «Акцент – это ваша

связь с родной культурой» [Кабакчи 2013]. Однако следует помнить, что соотнести акцент речи персонажа с определенной национальностью реципиент может лишь в случае, если у него уже есть представления о просодической специфике того или иного иностранного языка. Например, во французском языке самым показательным в речи персонажа-француза будет грассированный «р», смягчение [l] и замена межзубных звуков [ð] и [θ] на [z] и [s] соответственно: речь Франсуа в мультсериале «Щенячий патруль» («Щенячий патруль», 2014). Если предполагается, что аудитория еще не может проассоциировать грассированный «р» с французским языком, национальная принадлежность персонажа озвучивается: *'This is my cousin from France'* / «Это мой кузен из Франции» («Щенячий патруль», 2014). Так, ребенок знакомится с фонетическими особенностями иностранного языка на уровне акцента в речи персонажа. Но если в условиях художественного произведения «иноязычие служит средством сатирической характеристики персонажа» [Голубцов 2018:32], то в детском анимационном фильме функция демонстрации авторской критической позиции [Манина 2010] чаще всего нивелируется.

Следующей просодической особенностью французского языка на фоне английского является ударение на последнем слоге. Прием переноса ударения на французский манер в анимационном фильме имеет место в словах, которые являются однокоренными во французском и английском языках, например: *She's resplendent, so confident La Seine, la Seine, la Seine.* Лексемы «*resplendent*» и «*confident*» произносятся с французским акцентом (ударение на последний слог), но сами фонемы слова читаются по правилам английского языка («Монстр в Париже», 2011). Таким образом, ребенок-зритель понимает, о чем идет речь, а отклонение от орфоэпической нормы родного языка воспринимает как особенность французского языка. Здесь подобное просодическое включение вкупе с топонимом «*la Seine*» выполняет функции создания местного колорита, экзотизации, эвфонизации (знакомит детей с фонетическими особенностями французского языка, привлекая внимание необычным звучанием).

Французские включения в аудиоряд (в сочетании с видеорядом) – мелодии, песни – представляют собой яркое наглядное средство для знакомства детской аудитории с культурой Франции. В фильме «Мадагаскар 3» (2012) персонаж-антогонист – француженка-сотрудница полиции, одержимая ловлей животных, сбежавших из зоопарка, проникает в больницу, где с множественными травмами лежат ее коллеги-полицейские французы по национальности. Чтобы вернуть коллег в строй, дама исполняет песню Эдит Пиаф «*Non, je ne regrette rien!*». Все бинты и гипсы отпадают сами собой, происходит чудо, – персонажи полностью исцеляются. Эта песня имеет большую иллоктивную

силу для французов, поскольку будит в них патриотические чувства, желание бороться со всеми невзгодами. Подобный прием может выполнять функцию комического эффекта (у взрослой аудитории), то есть в случае, если аудитория обладает необходимыми фоновыми знаниями, – известно, что Эдит Пиаф являлась одним из деятелей Движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. В детской аудитории подобные включения будут иметь скорее образовательную цель.

Определенную прагматическую нагрузку в детской англоязычной анимации имеют графические вкрапления, а именно, – вывески, названия на французском языке, появляющиеся в кадре как фон. Не оттягивая на себя внимание аудитории, они органично создают аутентичную обстановку в тех мультфильмах, где основное действие происходит во Франции (например, «Горбун из Нотр-Дама», 1996; «Красавица и чудовище», 1991; «Монстр в Париже», 2011).

Встретившись с монстром, и убедившись, что он не опасен, главная героиня фильма «Монстр в Париже», Люсиль, пытается придумать какое имя ему дать: «*I'll call you 'Francoeur', it means 'honest heart'*». Здесь видеоряд влияет на роль иноязычного вкрапления, так как в кадре мы видим дом, на котором табличка с названием улицы – «*Passage Francoeur*» / «Проезд Франкур», что наводит героиню на мысль о том, какое имя дать незнакомцу.

Название газеты в руках уличного продавца – «*La Gazette de Paris*» / «Парижская газета» («Монстр в Париже», 2011) – тоже на французском языке. Взрослая аудитория поймет это название, воспримет это включение как естественное для парижской улицы явление (функция создания местного колорита), для детей это, скорее, будет что-то непонятное, но привлекательное (функция фасцинации).

Созданию местного колорита, максимально правдоподобной французской атмосферы служат такие элементы, как общеизвестные французские достопримечательности, на фоне которых разворачивается действие фильма. Например, Эйфелева башня неоднократно появляется в кадре в фильме «Монстр в Париже» (2011), а собор Парижской Богоматери – в «Горбуне из Нотр-Дама» (1991).

Для яркой характеристики анимационного героя французской национальности служат элементы видеоряда, воспроизводящие наиболее распространенные стереотипы о внешности, манере одеваться и линии поведения французов. Такими стереотипами, например, являются:

- предметы одежды (синий берет, полосатая блузка, синие узкие брюки, шейный платок) – один из главных героев мультфильма «Щенячий патруль» щенок Крепыш, заметив, что персонаж-француз Франсуа

Турбо, одетый вышеуказанным образом, вызывает сильный интерес у его подруги, спешит поменять свой имидж на манер Франсуа. Крепыш надевает синий берет, очки с круглой оправой, шейный платок, рисует усики и бородку и, для большей убедительности, берет подмышку багет («Щенячий патруль», 2014). Если зритель-ребенок не ассоциирует внешний вид Франсуа с его национальностью, то перевоплощение Крепыша во «француза» призвано сформировать подобные ассоциативные связи.

- тонкие длинные усики и бородка (персонаж Франсуа Турбо) («Щенячий патруль», 2014), (повар) («Русалочка», 1989),
- манера поведения (галантность, учтивость, повышенное внимание к противоположному полу – как это воплощено в образе Люмьера, в речи которого, кроме того, больше всего французских лексических вкраплений («Красавица и Чудовище», 1991); эгоцентричность (Франсуа, постоянно ищащий повода привлечь внимание к собственной персоне и постоянно попадающий по этой причине в неприятные ситуации) («Щенячий патруль», 2014).

В целом, исследуемые в данной работе французские нелексические вкрапления в англоязычном детском анимационном фильме имеют, главным образом, образовательную цель – познакомить ребенка-зрителя с элементами французской культуры, особенностями французского языка на рецептивном уровне. Подобные исследования имеют большую значимость на современном этапе, в образовательном пространстве, «приобретающем поликультурный характер, с тенденцией на сохранение собственной культурной идентичности» [Телешова, Дубнякова 2017:223-224]. Французские включения дают возможность расширить кругозор, развить эрудицию, служат в определенной степени превентивными мерами к развитию ксенофобии.

Литература

1. *Блох, М.Я.* Просодия в стилизации текста // М.Я. Блох, Е.В. Великая. – М.: «Прометей» МПГУ, 2011. – 120 с.
2. *Голубцов, С.А.* Иноязычная лексика как средство репрезентации речевого портрета персонажа // С.А. Голубцов. – Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусство-введение, 2018. – № 2 (217). – С. 28-34.
3. *Кабакчи, В.В.* Акцент. [Электронный ресурс] // URL: <http://vorto.ru/statyi/akcent> (дата обращения: 25.07.2019).
4. *Клоков, В.Т.* Особенности существования французского языка в англоязычной конкурирующей среде // Известия Волгоградского

государственного педагогического университета. – 2017. – № 5 (118). – 129-131 с.

5. Лукьянова В.С. Прагматический потенциал французских вкраплений в детской англоязычной анимации // В.С. Лукьянова, М.Н. Москавец. – Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2018. – № 5. – С. 108-116.
6. Манина, С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2010. – № 1. – 95-98 с.
7. Телешова, Р. И. Диалог Франции и России во французской литературе // Р.И. Телешова, О.А. Дубнякова. – Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2017. – Т.7. - № 4. – С. 223-237.

**Поканинова Е.Б.
РАНХиГС при Президенте РФ
Москва, Россия**

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В данной статье автор рассматривает влияние глобализации на межкультурную коммуникацию. Автор также приходит к выводу, что важную роль в этом процессе отводится религиозному фактору.

Ключевые слова: глобализация, межкультурная коммуникация, религиозный фактор, идентичность.

*Elena B. Pokaninova
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia*

THE INFLUENCE OF THE RELIGIOUS FACTOR ON THE INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Abstract. In this article the author considers the influence of globalization on the intercultural communication. The author also comes to the conclusion about the important role of the religious factor.

Keywords: globalization, intercultural communication, religious factor, identity.

Процесс глобализации всех жизненных явлений на нашей планете является основной тенденцией наступившего XXI века. Глобализация и порождаемые ею проблемы заставляют задуматься над тем, как сохранить самобытность культур, вековых традиций и основополагающих ценностей отдельных наций и народов путем преодоления раздробленности и разногласий. Для большинства людей в различных странах мира сохранение своей этнической и конфессиональной идентичности, традиционного этнокультурного фрейма становится одним из основополагающих условий обретения психологического, душевного равновесия и социального комфорта жизнедеятельности перед многочисленными глобальными вызовами и угрозами. Мы

наблюдаем, как с возрастающей частотой звучат призывы противостоять социокультурной унификации мирового сообщества, и на наш взгляд, справедливо ставится под сомнение мнимая зависимость глобального общественного прогресса от вестернизации. Активный всплеск поисков этно-конфессиональной идентичности, стремлений сохранить свою самобытность сегодня прослеживается в мусульманском, индуистском, латиноамериканском, православном, буддистском социокультурных ареалах. Таким образом, характерные черты всего процесса глобализации: многоплановость, сложность и противоречивость присущи всем его аспектам, а в большей степени – межкультурной коммуникации в современном социуме.

Вместе с тем, глобализация — это сложное, социокультурное явление и, в тоже время, объективный, противоречивый, многогранный процесс, степень воздействия которого в современный период нельзя оценить однозначно. Автор выражает согласие с мнением У. Бека, что *глобализация* представляет собой «нечто в принципе давно знакомое и одновременно непонятное, с трудом понимаемое, нечто такое, что с неодолимой силой меняет нашу повседневную жизнь и принуждает всех приспосабливаться и отвечать на эти изменения» [Бек 2001:43].

Если еще в конце прошлого века глобализацию оценивали как западное влияние на национальные культуры неевропейских этносов, то сегодня — это намного более глубокий процесс взаимопроникновения различных культур, религий, языков, экономик. Как мы можем наблюдать, что сейчас стало совершенно очевидным, что она ведет к унификации, стандартизации, развитию примитивной монокультуры, ведущей к духовной деградации социума, к потере жизненных ориентиров и другим скрытым угрозам.

В настоящее время одним из результатов происходящей на наших глазах глобализации общества стало резкое обострение духовного противостояния цивилизаций Востока и Запада. На наш взгляд становится очевидным тот факт, что помимо финансовой и экономической экспансии политика глобализации включает в себя также и экспансию культурологическую: в 21-м веке навязываются иная(чужая) культура и иная систему духовных ценностей, которые находятся в противоречии с традиционными ценностями национальных культур.

Так, социологические исследования показали, что если для жителей США приоритетными ценностями являются такие, как личная свобода и индивидуальные права, а также свобода самовыражения, то представителями восточных культур предпочтение отдается совсем другим ценностям. Для них важными являются приоритет нации перед общиной, а общества перед

личностью, семья как базовый элемент общества, общественный порядок, дисциплина и уважение к старшим.

В американской же культуре права личности существенно превалируют над ее обязанностями перед обществом.

Именно этими коренными различиями во взглядах на роль человека в обществе, на его права и обязанности перед ним и обусловлено то духовное противостояние цивилизаций Востока и Запада, которое мы наблюдаем уже сегодня и которое усиливается с каждым годом.

В современной науке этническая культура понимается как система определенных стереотипов, норм поведения членов данного этноса. В соответствии с адаптативно-деятельностным подходом, культура представляется как способ деятельности, система внебиологически выработанных механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется и реализуется активность людей в обществе. В условиях глобализации возникает противоречие между зародившейся и бурно развивающейся монокультурой, насаждаемой на просторах Евразии сторонниками глобализации и традиционной этнической культурой - основой самобытности любых из проживающих на ее территории народов и народностей.

К сожалению, ведущие страны Западной Европы не смогли противостоять процессу глобализации и сохранить свою самобытность, именно потому последние события с волной эмиграции в Германии, Франции и ряде других стран привели к столь печальным последствиям. Сегодня на территории Евразии надежда на противостояние негативной волне монокультуры, сохраняется только на азиатской ее части и лишь малой доли европейской (например, в скандинавских странах).

Надежду так же можно возлагать на нашу страну, Россию, которая смогла показать, что несмотря на огромное влияние западных стран, многочисленные попытки сторонников глобализации, прошла и проходит сложный путь поиска сохранения государственной идентичности, но, на этом пути, уже сумела сохранить традиции и самобытность своих многочисленных народов.

Но вместе с тем, в настоящее время мы наблюдаем, что проблемы выстраивания процесса межкультурной коммуникации в многонациональном и поликонфессиональном российском обществе принадлежат к числу наиболее сложных по многим причинам, ведь, прежде всего, они затрагивают самую чувствительную, «деликатную» область нашего общества - это национальное самосознание, вечные нравственные ценности, религиозные верования, а самое главное, в целом, определяют и будущий вектор развития нашей страны.

Особую актуальность эти проблемы приобретают в условиях кардинальной политической, социально-экономической, аксиологической трансформации общества и государства, характеризующейся стремительным темпом чередований фундаментальных социально-культурных парадигм.

В этой связи, на протяжении всей человеческой истории именно религия являлась тем фактором, который оказывал важное, а в некоторых случаях, и решающее влияние на общественные, социальные и политические процессы в различных государствах. В свете событий, происходящих с начала 90-х годов прошлого столетия в российском обществе (социальный кризис, межэтнические и межрелигиозные конфликты), в которых немаловажную роль сыграли религиозные воззрения россиян, одним из важнейших аспектов влияния религии на современное российское общество является развитие межрелигиозных отношений.

Религиозное пространство современной России представляет собой достаточно пеструю и структурно сложную картину, что является результатом ее многовекового исторического развития как многонационального государства, одного из важнейших центров цивилизационного взаимодействия Запада и Востока. Количество религиозных направлений в стране сегодня достигает нескольких десятков с числом последователей от миллионов, сотен или десятков тысяч до нескольких сот человек. Участниками межрелигиозных отношений выступают: на *низовом* уровне – рядовые верующие; на *среднем* – духовенство (религиозные служители), а также религиозный актив из мирян; на *высшем* – духовно-административные органы управления религиозных организаций и их ответственные представители.

Очевидно, что с точки зрения интересов общества, его социально-политической стабильности наиболее существенным является то, насколько конструктивно решаются вопросы взаимодействия, сотрудничества религиозных объединений во внерелигиозной, социальной сфере, а также их отношений с государством.

На характер реально складывающихся сегодня межрелигиозных (межконфессиональных) отношений влияют: историческая память, т.е. прошлый опыт их отношений; гармоничность, конкуренция или конфликт их интересов; вероисповедная политика государства; стремление политических партий разыграть «религиозную карту» для достижения своих целей.

Межрелигиозные отношения в России, т.е. отношения между последователями христианства (прежде всего, православия), ислама, иудаизма и буддизма - исторически наиболее укорененными в нашей стране - в настоящее время носят в целом корректный, бесконфликтный характер. К этому существует ряд объективных предпосылок.

Во-первых, у этих религий отсутствует почва для доктринальных разногласий, поскольку каждая из них восходит к собственному оригинальному источнику вероучения. К тому же, будучи монотеистическими религиями (исключая буддизм), они солидарны в понимании исходной идеи – Единого Бога, что типологически их сближает.

Во-вторых, каждая из этих религий, будучи по мировоззренческим основаниям и социально-этическим принципам универсалистской, наднациональной (исключая, иудаизм), тем не менее, имеет исторически из них воспринимают «свою» веру как собственное национально-культурное достояние. Поэтому их адептам не свойственны целенаправленные традиционную среду бытования, приверженцы каждой устремления к прозелитизму, они не выступают в отношении друг к другу как конкуренты.

В-третьих, важной предпосылкой к позитивному развитию отношений между институциональными структурами православных, мусульман, иудеев и буддистов в нашей стране является наличие у них общих интересов и озабоченностей. Среди них: содействие сохранению межнационального мира и согласия в нашей многонациональной стране; противостояние угрозам национально-культурной самобытности народов, духовная жизнь которых исторически связана с этими религиями, нивелирующему воздействию процесса глобализации, экспансии массовой культуры; защита своих последователей от прозелитизма, в частности, протестантов и проповедников новых религиозных движений.

Одним из основных факторов, осложняющих эти отношения сегодня, является конкуренция интересов в вопросах сохранения влияния и умножения паства, т.е. проблема *прозелитизма*.

На наш взгляд, одной из главных задач совместных действий религиозных государства и религиозных организаций является достижение в межрелигиозных отношениях толерантности, которая есть, по словам прот. В. Федорова, «привилегия сильных и умных, не сомневающихся в своих способностях продвигаться на пути к истине через диалог и разнообразие мнений и позиций» [Протоиерей В. Федоров 2002:38].

Таким образом, с учетом многомерно-сложного характера состава российского общества, цель духовной консолидации многонационального народа России и создание единого духовного пространства на основе общих этических, нравственных ценностей гражданского общества является одной из самых приоритетных, вследствие необходимости обеспечения внутренней устойчивости общества. На наш взгляд, для решения этой задачи является востребованным межрелигиозный диалог, который способствует «снятию» реальных и потенциальных угроз - преодоления ксенофобии, национализма,

этнических предрассудков, представляющих реальную опасность для стабильности и дальнейшего развития гражданских основ нашего государства

Наряду с этим, специфика современной межкультурной коммуникации проявляется в языке, религиозных верованиях, системе ценностей, образе мышления, в нравах и обычаях, философии, этике и праве. Культурная жизнь России отличается сегодня многообразием идей, направлений, интересов и предпочтений. Она динамична, противоречива, пронизана стремлением осознать и использовать собственный культурный и мировой потенциал. Российская культура является совокупностью различных этнических культур евразийского государства, где встречаются Восток и Запад.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – 135 с.
3. Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 3. – М., 2002. - 123 с.
4. Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. – М.: РАН. Институт Дальнего Востока. 2001. – 224 с.
5. Протоиерей В. Федоров Межконфессиональный диалог и проблемы толерантности // Религия и гражданское общество: проблема толерантности. Материалы Круглого стола (16 ноября 2002). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 38.

E.A. Попова

Московский государственный лингвистический университет

Москва, Россия

GUAJIRO И JÍBARO: ОБРАЗ СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ КУБЫ И ПУЭРТО-РИКО

Аннотация. Общей тенденцией развития Латинской Америки выступает постепенное увеличение в ходе ее истории дистанции между речью жителей городов и сельской местности. Лексемы *guajiro* и *jíbaro* пересекаются в двух значениях, изначально обрисовывая примерно один и тот же тип сельского жителя Кубы и Пуэрто-Рико, соответственно: «человек, который происходит из сельской местности»; «малообразованный человек». При этом их оценочные компоненты и узус в целом меняются с течением времени и не всегда регистрируются словарями. Одним из таких компонентов значения выступают положительные ассоциации с музыкальной культурой двух стран, возникающие при упоминании соответствующих понятий.

Ключевые слова: Куба, Пуэрто-Рико, концепт, лексическое значение.

Evgenia A. Popova

Moscow State Linguistic University

Moscow, Russia

GUAJIRO AND JÍBARO: THE IMAGE OF A RURAL RESIDENT OF CUBA AND PUERTO RICO

Abstract. One of the common tendencies in the history of Latin American countries is the gradual increase of the distance between the “urban” and “rural” speech. The words *guajiro* and *jíbaro* are interrelated in two meanings, initially outlining approximately the same type of a villager in Cuba and Puerto Rico: “a person who comes from the countryside”; “a poorly educated man”. At the same time, their evaluation components and their actualization change over time and are not always recorded in dictionaries. One of these components is positive association with the musical culture of the two countries that occurs when the studied concepts are mentioned.

Keywords: Cuba, Puerto-Rico, concept, lexical meaning

Важный фактор лексического своеобразия латиноамериканских национальных вариантов испанского языка – обособленное становление соответствующих стран и наций. В то же время существует ряд общих тенденций их развития, вызванное экстралингвистическими причинами. Одна из них – постепенное увеличение в ходе ее истории дистанции между речью жителей городов и сельской местности.

Недостаток земли и тяжелые условия жизни исторически являлись причиной бегства крестьян в города, что обостряло проблемы роста неквалифицированной рабочей силы и возникновения хаотичных поселений без элементарных санитарных условий. В связи с этим «на крестьян в городах иногда смотрели снисходительно, иногда – с тоской, а иногда с презрением» (*los campesinos eran vistos desde las ciudades unas veces con condescendencia, otras veces con melancolía y otras con desprecio*) [Moreno Fernández 2018: 196], что не могло не отразиться на языке.

Цель настоящей статьи – выявить специфику языкового выражения концепта «сельский житель» с помощью двух лексем – *guajiro* (Куба) и *jíbaro* (Пуэрто-Рико). Для выяснения лексического значения данных слов мы обратились к авторитетным словарям латиноамериканизмов: *Diccionario de americanismos* [<http://lema.rae.es/damer/>]; *Diccionario de hispanoamericanismos* под ред. Р. Ришара [Richard 2006]; *Diccionario mayor de cubanismos* [Sánchez-Boudy 1999].

Итак, *guajiro* – слово кубинского употребления, имеющее, согласно словарям, три связанных между собой значения в данном национальном варианте испанского языка: 1) человек, который живет в сельской местности или происходит из сельской местности; 2) малообразованный человек с деревенскими манерами; 3) застенчивый человек.

Как отмечают испанские лингвисты, использование лексемы *guajiro* во втором значении всегда «заряжено презрительным тоном» (*se carga con el tono despectivo*) [Moreno Fernández 2018: 196], о чем свидетельствует также устойчивое выражение-обращение *¡no seas guajiro!* («не будь глупцом»), зарегистрированное в словарях. Если человек груб в общении, на Кубе его называют *guajiro-macho* или *guajiro-ñongo* [<http://lema.rae.es/damer/>].

Интересно отметить, что словарь *Diccionario mayor de cubanismos* единственный дает для лексемы *guajiro* еще одно значение – «провинциал», «не столичный житель»: *provinciano, persona del interior del país* [Sánchez-Boudy 1999: 76] что свидетельствует о расширении первоначального значения «крестьянин». Как нам представляется, оно появилось благодаря стереотипу, выраженному в кубинской поговорке: *Cuba es La Habana, y lo demás es campo* («Куба – это Гавана, а все остальное – деревня / поле»).

Занятной частью семантики слова *guajiro* выступает его этимология. Хосе Хуан Арром указывает на аравакское происхождение лексемы со значением «господин, могущественный человек» (*señor, hombre poderoso*), а Серхио Вальдес добавляет, что *guajiro* – изначальное указание на высокое социальное положение на Кубе [<http://etimologias.dechile.net/?guajiro>]. Таким образом, этимологически слово имело ярко выраженные положительные коннотации.

Кроме того, существует народная этимология понятия *guajiro*: так американские солдаты называли кубинских крестьян, сражавшихся против испанцев в ходе Испано-американской войны 1898 года. Английское сочетание *war hero* («герой войны») кубинцы якобы слышали и произносили как *guajiro*. Слово *guajiro* в значении «крестьянин», однако, встречается в кубинских текстах гораздо раньше: *para casarse, como se casó, [...] se había fugado con un joven guajiro del pueblo* («чтобы выйти замуж, а она [как мы знаем] вышла замуж, она сбежала с молодым крестьянином из деревни» (Cirilo Valverde, 1840) [www.corpusdelespanol.org]).

Говоря о пуэрториканской лексеме *jíbaro*, можно отметить ряд сходных черт с формированием семантики кубинского *guajiro*, вызванных похожими экстралингвистическими процессами. Первое значение лексемы, актуализированное в Пуэрто-Рико, – «пуэрториканский крестьянин, в особенности – представитель белой расы». Примеры из текстового корпуса, однако, показывают, что расовый компонент в современном употреблении стирается, то есть первое значение обоих слов совпадает для кубинского и пуэрториканского вариантов испанского языка соответственно. То же можно сказать и о втором значении – «деревенщина, малообразованный человек» с ярко выраженной негативной коннотацией, характерного для слова *jíbaro* в Пуэрто-Рико.

Сходным семантическим процессом в двух национальных вариантах испанского языка можно считать и расширение значения двух изучаемых слов, однако в случае Кубы значение «провинциал, нестоличный житель» несет уничижительную окраску, тогда как *jíbaro*-«крестьянин» трансформировался в *jíbaro*-«жителя Пуэрто-Рико» и приобрел статус нейтрального гетероэтнонима. По словам носителей испанского языка, *jíbaro* используется пуэрториканцами и для автономинации и в этом случае окрашен положительно.

Подчеркнем, что, с точки зрения актуализации в речи, и *guajiro*, и *jíbaro* в значении «крестьянин, сельский житель» имеют более широкую семантику, чем в словарях. Например, как утверждают носители испанского языка, оба слова непосредственно относятся к музыкальной культуре двух стран,

создавая положительный образ их типичного представителя. Так, например, пуэрториканский блогер Агустин Криольо Океро пишет, что неслучайно при упоминании местной музыки перед глазами всегда возникает картина сельского жителя и «крестьянского» музыкального стиля (*No es casualidad que cada vez que se habla de música autóctona la imagen presentada es la de el jíbaro puertorriqueño y de la música campesina*) [Criollo Oquero 2010].

Действительно, неповторимый кубинский стиль *punto guajiro*, песня *Guajira guantanamera*, пуэрториканский певец *Héctor Lavoe*, известный как *jibarito*, *Radio jíbaro* (радиоволна пуэрториканской музыки) занимают первые строки результатов в Интернет-поисковиках по запросу на изучаемые лексемы. Именно в таком контексте слова *guajiro* и *jíbaro* известны во всем испаноязычном мире и любимы знатоками и ценителями латиноамериканской музыки.

Таким образом, концепты *guajiro* и *jíbaro* являются многоплановыми, представляя несомненный интерес для изучения с точки зрения вариантологии испанского языка. В русле культурно-исторического подхода к семантическому анализу лексем, называющих данные понятия, в первую очередь, можно сделать вывод о том, что стоящие за ними значения и ассоциации формируют образ соответствующих стран.

Литература

1. Corpus del español. [Электронный ресурс] // URL: www.corpusdelespanol.org (дата обращения: 10.01.2020)
2. Criollo Oquero A. Crisis en la música autóctona puertorriqueña. [Электронный ресурс] // URL: <http://csgarcia.edublogs.org/2010/05/25/crisis-en-la-musica-autoctona-puertorriquena/> (дата обращения: 10.01.2020)
3. Diccionario de americanismos. Real Academia Española. [Электронный ресурс] // URL: <http://lema.rae.es/damer/> (дата обращения: 10.01.2020)
4. Diccionario Etimológico español en línea. [Электронный ресурс] // URL: <http://etimologias.dechile.net/> (дата обращения: 10.01.2020)
5. Moreno Fernández F. La maravillosa historia del español. – Barcelona: Espasa Libros, 2018. – 336 p.
6. Richard R., et. al. Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia. – Madrid: Lavel, S.A., 2006. – 600 p.
7. Sánchez-Boudy J. Diccionario mayor de cubanismos. – Miami: Ediciones Universal, 1999. – 398 p.

M.Z. Сафарян

*Государственный музикально-педагогический институт
им. М.М. Ипполитова-Иванова
Москва, Россия*

**ФРАНКОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАЙМОДЕЙСТВИЯ В
КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о месте и роли франкоязычных заимствований в лексикологической системе русского языка. Адаптированные в русском языке заимствования из французского, проникли почти во все сферы жизни и человеческой деятельности: политику, военное дело, область кулинарии, в сферу высокой моды и искусства (балет, театр, живопись, скульптура), в лексику бытового уровня. Описание лексических особенностей французских заимствований, позволило обозначить сходство и различие понятий в двух языках.

Ключевые слова: франкоязычные заимствования, причины проникновения, русский язык, сферы употребления.

Mary Z. Safaryan

*Ippolitov-Ivanov State Musical Pedagogical Institute
Moscow, Russia*

FRENCH BORROWINGS IN RUSSIAN AS A RESULT OF CROSS-LANGUAGE INTERACTION IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Annotation. In this study, the question of the place and role of French-speaking loans in the lexicological system of the Russian language is considered. Adapted in the Russian language borrowing from the French penetrated almost all the spheres of life and human activity: politics, military affairs, the field of cooking, in the spheres of high fashion and art (ballet, theater, painting, sculpture), in the vocabulary of the household level. The description of the lexical possibilities and peculiarities of the French borrowing made it possible to denote the similarity and difference of concepts in the two languages.

Keywords: francophone borrowing, cause of penetration, Russian language, spheres of use.

Процесс активного заимствования иноязычной лексики существовал во все исторические эпохи, начиная с Античности. Большинство ученых считает, что в основном языковое заимствование имеет ближайшей причиной заимствование культурное. И как справедливо отмечает Эдвард Сепир, подобно культурам, языки редко бывают “самодостаточными”: “Потребности общения заставляют говорящих на одном языке вступать в непосредственный или опосредованный контакт с говорящими на других языках” [Сепир 1993: 173].

Заимствование – процесс, в результате которого в конкретный язык внедряются и постепенно в нем укореняются инородные лексические элементы: морфемы, слова или целые фразы.

В наше время общепризнанным фактом является то, что слово никогда не остается неизменным при заимствовании, оно подчиняется графическим, фонетическим и грамматическим нормам заимствующего языка, а также приобретает синтаксические связи, характерные для данного языка. Более того, А. И. Смирницкий отмечает, что при заимствовании «слово порывает с системой того языка, в котором оно существовало ранее, включается в систему другого языка и оформляется по правилам и средствами этого языка» [Смирницкий 1998: 260] Понимание заимствования как перенесение слов одного языка в другой предполагает их адаптацию в структуре принимающего языка и постепенное приспособление к его языковым нормам.

Отмечено также, что заимствованные слова не в одинаковой степени осваиваются языком. Л. П. Крысин [Крысин 1968: 208] выделяют три основных этапа адаптации заимствований в языке-реципиенте: проникновение в речь, частичное усвоение (заимствование), укоренение в языке.

И если множество франкоязычных заимствований, укоренившихся в русском языке «хорошо» сохранились в сравнении с исходной формой (*багаж-bagage, ансамбль-ensemble, акварель-aquarelle, билет-billet, пейзаж-paysage, музыка-musique, альбом-album, пресса-presse, шедевр-chef-d'oeuvre, кошмар-cauchemar, форс-мажор-force majeure, dejavu-déjà-vu...*), другие немного «искажены» с точки зрения фонетики или смысла (*дежурный – от de jour, plat de jour: блюдо дня, дежурное блюдо; тужурка – от toujour: всегда, ежедневная одежда; сюртук – от surtout: поверх всего; работа-от raboter: отдельывать, строгать; дюжина – от douzaine: двенадцать; котлета-от côtelette/côte: ребрышко ягненка; слово головоломка появилось от обратного перевода слова кастет - (cassetête) – от casse: ломать и tête: голова;*), то существует целый ряд слов, которые полностью изменили своё значение и претерпели коренное преобразование смысла.

Именно этот смысловой разрыв, возникший в процессе ассимиляции ряда французских слов в русском языке, мы и рассмотрим далее. Согласно

Фердинанду де Соссюру [Соссюр 2012: 207] существует концепция «лингвистического знака», которая включает в себя две взаимодополняющие стороны: обозначаемое и означающее. Означающее – звуки, написанные слова, жесты, образы, которые служат для того, чтобы вызвать то, о чём мы говорим, например буквы *Б-У-М-А-ГА*.

Обозначаемое – ментальное представление о вещи: когда читают слово *БУМАГА*, думают об идее бумаги. По Соссюру, «связь, объединяющая обозначаемое и означающее, является произвольной, или проще: лингвистический знак произволен». Таким образом, в русском языке, «означающее» французских слов часто отделено от первоначального «обозначаемого». Это именуется «лексическим расхождением» или разницей между языком-источником заимствований и заимствующим языком.

Подобные лексические расхождения можно условно классифицировать по способу их образования посредством изобразительно-выразительных средств языка, таких как: метонимия, антифразис, эвфемизм, архаизм и др. Распределив их по некоторым разновидностям метонимии (вид тропа, при котором происходит перенос названия на основе смежности) и указанным выше средствам языка, мы получим следующую картину.

1. Разновидности метонимии:

- a) признаки предмета вместо предмета

Батон – от *bâton*: палка, брусок;

Бриллиант – от *brillant*: блестящий, сверкающий;

Суфле – от *soufflé*: воздушный, пышный;

Рулет – от *roulette*: колесико; *rouler*: свертывать, вращать;

Шезлонг – от *chaise*: стул *longue*: длинный;

Бельэтаж – от *bel*: красивый, прекрасный и *étage*: этаж, ярус;

- б) часть вместо целого (расширение смысла)

Портфель – от *portefeuille*: (буквально: «носить листочки»), бумажник;

Кондуктор – от *conducteur*: водитель;

Эрмитаж – от *ermitage*: место уединения;

Винегрет – от *vin*: вино и *aigre*: терпкий, *vinaigre*: соус на основе оливкового масла и бальзамического уксуса;

- в) целое вместо части (редукция смысла)

Шансон – от *chanson*: песня;

Пароль – от *parole*: речь, слово;

Шампиньон – от *champignon*: гриб;

Амплуа – от *emploi*: работа, занятость;

Шанс – от chance: удача;

Купе – от coupé: срезанный;

Алименты – от aliment: пища, продовольствие;

г) перенос от имен собственных, названий городов и т. д.

Пломбир – в честь города Plombières-les-Bains, где он был изобретен в 1822 году;

Фужер – в честь города Fougères в Бретани, известного своим стекольным производством;

Марля – в честь города Marli-le-Roi, где изготовили эту ткань;

Коньяк – в честь города Содпас на юге Франции, где выращивали коньячные сорта винограда;

Жилет – от имени шута Gill, начавшего носить эту одежду;

Мансарда – от имени архитектора François Mansard, который придумал крышу специальной формы;

Никотин – от имени французского посла в Португалии Jean Nicot, благодаря которому стали разводить во Франции табак;

Шампанское – от названия провинции Champagne, где впервые произвели игристое вино;

Шарманка – от Charmante Catherine — «Прекрасная Катрин», название одной из первых песен, исполненных на шарманке;

д) следствие вместо причины

Фуршет – от fourchette: вилка;

Азарт – от hasard: случайность, par hasard: случайно;

Безе – от baiser: целовать;

Жалюзи – от jalouse: зависть, ревность;

Грильяж (шоколадная конфетка, заполненная обжаренными орехами, то есть нагретая на гриле, а гриль/grille – от grillage: решетка, проволочная ограда;

Эклер – от éclair: молния, вспышка; десерт называется «молнией», потому что он съедается очень быстро;

2. Антифразис (вид тропа, употребляющий слова или выражения в смысле, обратном буквальному):

Авантюра – от aventure: приключение (с нейтральным оттенком);

Афёра – от affaire: дело (с нейтральным оттенком);

Банда – от bande: группа (любая); une bande d'étudiants;

Шантрапа – от ne chantera pas: не будет петь;

Шаромыга – от cher ami: дорогой друг;

3. Эвфемизм (замена грубого или вульгарного выражения более вежливым, изысканным, смягчённым, уклонение от прямого наименования в силу запретов, традиций):

Ни бельмеса не понимать – от belle messe: хорошая месса;

Шуры-муры – от cher amour: дорогая любовь;

Не комильфо – от comme il faut: как надо, как следует;

Моветон – от mauvais ton: дурной тон;

4. К архаизмам отнесем заимствованные слова, которые все еще актуальны в русском языке, но уже устарели во французском:

Пальто – от paletot (устаревшее);

Брелок – от breloque: в XVII означало «маленькую драгоценность, висящую на ленте»;

Бинокль – от binocle: происходит от латинского binoculus (oculus: глаз). Это устаревшее слово, ныне не употребляемое, означавшее во французском языке очки;

Ажиотаж – от agiotage: биржевая игра;

Саквояж – от sas de voyage: сумка для путешествий;

Банкрот – от banqueroute: из итал. Banca rotta: сломанный стол;

Реклама – от réclamer: звать (устаревшее);

Таким образом, если понимать, вслед за большинством лингвистов, под заимствованием передвижение элементов лексики одного языка в другой язык, то причины этого явления, как нам кажется, лежат в области внеязыковых факторов. Процесс заимствования следует рассматривать как в лингвистическом плане так и в культурно-историческом. Те факторы, которые относят к языковым причинам заимствования, на самом деле влияют не в момент его миграции из одного языка в другой, а уже после его вхождения в заимствующий язык. От них зависит, останется ли заимствованное слово в языке или будет вытеснено русским эквивалентом, примет ли оно на себя какие-то новые значения, приобретет ли ранее ему не свойственную экспрессивную окраску.

Обогащение таким образом лексического состава языков происходит регулярно, на всем многовековом и многогранном пути их развития и совершенствования. Это явление обусловлено законом исторического и общественного функционирования языков.

Заимствование отражает суть экономического, политического, социального взаимодействия между народами, является средством выражения и характеристики результатов научных и культурных связей между различными странами, ибо ни одна культура и ни один язык не формируются изолированно, и любая национальная культура и язык есть плод как

внутреннего развития, так и сложного взаимодействия с культурами других народов.

Следовательно, межкультурная коммуникация является общей основой для всех процессов заимствования.

Литература

1. *Сепир Э.* Избранные труды по языкоznанию и культурологии: пер.с англ. – М.:1993. – С.173.
2. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. – М. – Московский государственный университет, 1998. - 260 с.
3. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
4. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. – М.: Либроком., 2012. – 207 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 159 с.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка,4-е изд. – М., 1997.
7. Le Grand Robert de la Langue Française. 2-ое изд. – Paris, 2001.

Т.А. Таганова
Ивановский государственный университет
Иваново, Россия

КСЕНОНИМЫ-РУСИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ XXI ВЕКА

Аннотация: В статье анализируются функции и особенности ксенонимов-русизмов, появляющихся на страницах англоязычной прессы в 2000-2020 годах. Представлены примеры использования ксенонимов в статьях разных лет.

Ключевые слова: ксеноним, ксеноним-русизм, газетная статья, безэквивалентная лексика

*Tatiana A. Taganova
Ivanovo State University
Ivanovo, Russia*

XENONYMS-RUSISMS IN THE ENGLISH LANGUAGE PRESS OF THE XXI CENTURY

Abstract: The article deals with functions and peculiar features of Russian xenonyms, which have been appearing in English language newspapers in 2000-2020. Examples of articles with xenonyms are analyzed.

Keywords: xenonym, Russian xenonym, newspaper article, culture specific words

На лингвистическую картину современного мира влияет целый ряд факторов, которые ранее не играли существенной роли или не существовали вовсе. Возможности межкультурного взаимодействия, технический прогресс, в том числе возможности мгновенного получения и распространения информации, возрастающая роль СМИ, главным образом электронных, — все это в значительной степени оказывает заметное влияние на наш образ жизни, а, следовательно, и на языки. Современные европейские языки подвержены изменениям. Процессы заимствования лексики, неологизация языка, словообразование, когда известные слова или элементы слов образуют новые комбинации, характерны, в частности, для современных русского и английского языков. И если роль английского языка в пополнении словарного состава всех других европейских языков, включая русский, неоспорима, то

значимость и распространенность русскоязычной лексики в английском языке, словаре и тексте — интересный предмет для анализа.

На данном этапе необходимо пояснить термин «ксеноним», систематизированный и описанный, прежде всего, в трудах В.В. Кабакчи. Автор дает объяснение понятию: «Ксеноним — это языковые единицы, закреплённые за специфическими элементами внешних (иноязычных) культур... Ксенонимы — это «чужие» языковые реалии, «чужая» безэквивалентная лексика» [Кабакчи 2002:562]. Базовые ксенонимы-русины хорошо известны англоязычному миру, регистрируются даже словарями малого объема и не нуждаются в переводческих комментариях (*tsar*, *Bolshevik*, *kolkhoz*, *dacha*, *KGB*). Менее распространены специальные ксенонимы, включаемые в словари большего объема (*oblast*, *chernozem*, *kulak*). Те ксенонимы, которые не входят в словари, остаются в статусе окказиональных [Кабакчи 2002: 563]. Таким образом, ксенонимы являются некими «квазитерминами» [Егорова 2009], некой специальной лексикой для обозначения «чужих» реалий.

С начала XXI века на страницах англоязычных газет (прежде всего пишущих для экспатриантов, живущих в России и имеющих какое-то представление о русской культуре, например *The Moscow Times*, несуществующие ныне *St. Petersburg Times*, *The Moscow News*), возникает чрезвычайно большое количество ксенонимов. Они отражают интерес к реалиям «новой» России, поэтому наряду с привычными «атрибутами russkosti» [Таганова 2012:102], такими как *balalaika*, *matreshka*, *izba*, *samovar*, *babushka*, *ulitsa*, *prospect*, *krai*, появляются и более интересные. Часть из них, например *rakushka* (гараж), *yevroremont* действительно сложно перевести на английский язык. Поэтому авторы статей предпочли просто оставить в статье эту лексему, выделяя ее курсивом:

Soviet consumerism's weird centrally planned world — sometimes ingenious, sometimes horrific, always idiosyncratic — is the subject of "Made in Russia," an excellent new pocket guide to an era before every Moscow apartment was yevroremont and everything in it came from IKEA [The Moscow Times 2011, Nov 21].

Наряду с «квазибезэквивалентной» лексикой встречается и та, которую на первый взгляд можно было бы перевести на английский язык: *electrichka*, *videoprokat*, *rynok*, *spravka*, *propiska*, *selyodka*, *fortochka*, *devushka*, *khrushchevka*. Однако в тексте она помимо функции стилизации [Белоглазова, Кабакчи, Иванова 2019:44] выполняет роль определенного маркера. Ксеноним может стать интересным индикатором того, какие стороны и явления российской жизни вызывают особое внимание со стороны англоязычного мира. Для них это «чужие», поэтому странные, непонятные, интересные своими проявлениями феномены. Оставляя в тексте ксеноним, англоязычный автор одно-

временно подчеркивает значимость данного феномена и для российской культуры, отмечая неповторимость и уникальность самого феномена. Таким образом ксеноним — часто оценка, эмоция, своеобразное «удивление».

Приведем ряд примеров из *The Moscow Times*:

A group of conscripts watching a young woman emerge from the metro. To get acquainted, all one of them would have to do is call out, "Devushka!" [The Moscow Times 2013, Oct 11].

Традиционное обращение «девушка» к женщине любого возраста и статуса — интересная особенность ведения бытовой беседы на русском языке, подмечаемая многими иностранцами. Поэтому перевод *young girl* вряд ли был бы уместен.

Еще пример:

The provodnitsa only knocked once, to deliver what may be the greatest innovation ever in train-travel history: disposable foam-rubber tapochki. They are made for people with two right feet, but no matter; passengers were proudly doffing their elegant new footwear and shuffling down to the bathroom in no time [The Moscow Times 2000, March 9].

Действительно, «тапочки», по мнению многих иностранцев, являются важным атрибутом российской культуры, непременным условием посещения российского дома, где вас обязательно попросят снять обувь. «Проводница» с ее формой, обязательными ритуалами, такими как чай в стаканах с подстаканниками, также вызывают эмоциональный отклик.

В начале XXI века, и эта тенденция является продолжением 1990-х, наблюдается вал ксенонимов, выполняющих функцию негативизации [Белоглазова, Кабакчи, Иванова 2019:50], стереотипного описания непарафных сторон русской действительности. Появившиеся ксенонимы, такие как *bardak*, *besprizornik*, *bomzh*, *dolgostroy*, *krutoi*, *pokazukha*, иллюстрируют данную тенденцию, которая, хоть и ослабевает к середине первого десятилетия, но время от времени проявляется и в более поздних публикациях:

We had the better 'roof,'" he said, using the colloquial term "krysha", or roof, used to describe often criminal groups that operated protection rackets in the 1990s [The Moscow Times 2013, Oct. 13].

For now, managing Russian domestic opinion may seem easy. But the day is approaching when Putin will have to explain to his own people why the glorious revolution in the east turned into what most would call just another bardak [The Moscow Times 2015, Oct. 15].

В 2018-2020 стандартный набор базовых культуронимов, значительную часть из которых представляют имена собственные (*Gorky Park*, *Izmailovo Market*, *metro Sokol*, *Leningradsky prospekt*, *Vostok*, *Vostochny Bank*) сохраняется.

Встречаются также и квазибезэквивалентные единицы, вероятно, за 20 лет ставшие широко понятными англоязычному читателю:

In its current version, the plan stipulates that St. Petersburg will halve its number of bus routes by July 15, 2020, while getting rid of all marshrutkas — small mini buses run by private companies whose drivers have been accused of driving recklessly and causing accidents [The Moscow Times 2019, Dec. 30].

Заметной тенденцией в последнее время стало появление на страницах СМИ все большего количества ксенонимов, иллюстрирующих новое государственное устройство, «Путинскую Россию». Это такие слова как: *silovik, uprava, derzhavnik* и другие. Остается тенденция включения в текст ксенонимов с негативной коннотацией:

Yet many question how powerful he actually is and suspect that Avetisyan is nothing more than a “shestyorka” who is doing the dirty work for others [The Moscow Times 2019, Oct 25].

Итак, пик появления ксенонимов на страницах СМИ пришелся на самое начало XXI века. Большинство из них остались окказиональными, не вошли в разряд словарной лексики и использовались для стилизации текста, выражения позитивного либо негативного отношения к феномену. Несмотря на это, ксенонимы помогают запечатлеть определенный срез времени, поэтому их изучение представляет значительный интерес.

Литература

1. Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В., Иванова Е.Ю. Если ксенонимы появляются – значит это кому-нибудь нужно // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. М.: Московский государственный лингвистический ун-т, 2019. Вып. 1 (817) – С. 41-55.
2. Егорова К.А. Лингвистические особенности ксенонимической бытовой лексики туризма на материале аутентичных англоязычных путеводителей по России [Электронный ресурс] // URL: http://science.ncstu.ru/conf/past/2009/apno/probl_lingv/25.pdf (дата обращения: 01.05.2011).
3. Кабакчи В.В. Англо-английский словарь русской культурной терминологии. – СПб.: Союз, 2002. – 576 с.
4. Таганова Т.А. «Национальное» в словарях современного английского языка. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. – 200 с.
5. The Moscow Times [Электронный ресурс] // URL: <http://themoscowtimes.com> (дата обращения: 15.01.2020).

М.Т. Шабанова

Московский Государственный Лингвистический Университет

Москва, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В центре внимания – интернет-ресурсы как средство обучения иностранным языкам. Отмечено, что новые информационные технологии являются актуальным направлением в педагогической методике. Цель исследования – рассмотреть актуальность применения современных интернет-технологий в обучении иностранному языку, а также проанализировать эффективность их использования как на уроке, так и в самостоятельной работе учащихся.

Ключевые слова: Интернет, образование, средства обучения, иностранный язык, преподавание.

*Mariam T. Shabanova
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia*

THE USE OF THE INTERNET RESOURCES IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. Central focus is placed upon the internet-resources as an educational tool of studying foreign languages. It is highlighted that new informational technologies are one of the relevant trends in pedagogical methodology. The report endeavours to study the relevance of modern internettechnologies usage in foreign language teaching and to analyse their effectiveness during in-class and independent studies.

Keywords: Internet, education, learning tools, foreign language, teaching

Использование Интернета в преподавании иностранных языков.

В современном мире Интернет играет важную роль в процессе обучения иностранным языкам. Скорость передачи информации, разнообразие интерактивных и игровых форм обучения делает интернет привлекательным средством изучения ИЯ. В сети можно найти учебники, пособия, электронные тесты, аудио и видео материалы, как для учителя, так и для ученика. Применяя интернет-технологии в практике преподавания иностранных языков, учителя могут получать любую необходимую информацию в интернете. Кроме того, интернет служит способом не только получения, но обмена информацией,

опытом, а также средством для общения и отработки новых навыков. Например, сейчас большое количество курсов повышения квалификации, статей, конференций, тестов и т.п. имеют онлайн формат. Современные лингвисты Варшауэр, Шецер и Мелони выделяют 5 основных причин использования интернет-ресурсов в обучении ИЯ [Варшауэр, Шецер, Мелони: 2002]:
1. Подлинность. 2. Грамотность. 3. Взаимодействие. 4. Фактор живого языка.
5. Расширение возможностей.

Также стоит отметить, что интернет может обеспечить бесплатный доступ к изучению иностранного языка. Всемирная сеть дает возможность взаимодействовать с носителями изучаемого языка в любое время суток и в любом месте, как по видеосвязи, так и в переписке. Такая коммуникация поддерживает интерес учащегося и развивает навыки общения на различные темы. Марк Варшауэр, и П. Фон Уиттекер выделяют несколько факторов в пользу использования интернета в процессе преподавания ИЯ [Варшауэр: 2002]. Во-первых, для развития языкового обучения благоприятна онлайн коммуникация, которая создает условия языковой среды. Другим фактором названа виртуальная письменная коммуникация как средство обучения письму в процессе общения с носителями ИЯ. Третий фактор заключается в мотивирующей составляющей использования интернета в процессе обучения. И, наконец, четвертый фактор состоит в неотъемлемой роли интернета в современной коммуникации, что, в свою очередь, делает его освоение на иностранном языке дополнительным полезным навыком для любого человека. Это подразумевает не только использование интернета с целью овладения ИЯ, но и дополнительный стимул в изучении ИЯ для последующего его применения в интернете для поиска иностранных источников информации. Таким образом, и преподаватели и студенты являются заинтересованными в применении интернет-ресурсов в обучении ИЯ. Также, Г. Дюдени отметил еще один фактор в пользу использования компьютеров и интернета в преподавании ИЯ [Дюдени 2007]. Он отметил, что с помощью компьютера любая информация, взятая из интернета, может быть отображена на доске, проиллюстрирована и напечатана. Таким образом, интернет предоставляет широчайший спектр ресурсов, который преподаватели могут использовать в процессе обучения. Среди этих ресурсов есть учебники, словари, аудио материалы, книги на иностранном языке, пособия, методические рекомендации и т.д. Далее приведен список нескольких популярных интернет-ресурсов для изучения ИЯ:

1. CELA (Cambridge English Language Assessment).
2. LearnEnglish – British Council.
3. Dictionary by Merriam-Webster.
4. Cambridge Dictionary.
5. Словарь Multitran.
6. BBC а также ее проект BBC Learning English.
7. YouTube.

Марк Варшауэр и Дебора Хили еще в 1998 году в своей обзорной статье «Компьютеры и изучение языка» заявили, что интернет является важнейшим фактором, способствующим продвижению использования компьютеров в изучении ИЯ [Варшауэр, Хили: 1998]. Компьютеры, а позднее смартфоны и планшеты, способствовали увеличению интенсивности коммуникации посредством интернета. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) заняли прочные позиции в обучении иностранным языкам, что, в свою очередь, было бы невозможно без интернет-ресурсов. К средствам ИКТ относятся электронные учебники, словари, пособия, справочники, программы тестирования, презентации, сами компьютеры, а также другие девайсы, такие как проекторы, аудио-видео техника. Все эти средства помогают разнообразить учебный процесс и поддерживать мотивацию изучения ИЯ на высоком уровне. Суммируя вышесказанное, стоит обозначить как неоспоримые преимущества, так и имеющие место быть недостатки в использовании интернет-ресурсов для преподавателей и учащихся.

Преимущества применения интернет-ресурсов для учащихся: В некоторых источниках приводятся следующие мнения в пользу применения интернет-ресурсов [James, G.:2002]:

1. Открытость и доступность. Большинство образовательных интернет-ресурсов бесплатны, что дает возможность обучения для малоимущих слоев общества. ИР доступны каждому человеку, имеющему доступ в интернет, в любое удобное время и место.
2. Стимулирование интереса к изучению ИЯ. Как уже было отмечено выше, ИР обладают мотивирующей составляющей.
3. Автономность. Интернет дает возможность самостоятельно организовать образовательный процесс, распределить нагрузку, определить типы используемых ресурсов и самому нести ответственность за результат обучения ИЯ.

Существуют также и некоторые недостатки при использовании интернета [Kung, Chuo 2002]. К ним относятся:

1. Слишком большой объем информации, из которого сложно отфильтровать действительно важную, релевантную и достоверную часть. В следствии чего, тратится много времени на поиск и возникает вероятность отбора ложной информации.
2. Хаотичность процесса обучения. Как правило, учащийся не обладает методикой обучения ИЯ и организация самообразовательного процесса в отрыве от программы является затруднительной. Материал может осваиваться в неправильной последовательности, частично, либо вовсе упускаться.
3. Отсутствие контроля и оценки знаний при самостоятельном обучении. При использовании интернет-ресурсов, учащийся не имеет возможности осуществлять качественный контроль обучения. Таким образом, он может заучивать неправильное употребление грамматических конструкций, лексических значений слов и

произношения. Также может иметь место неадекватная оценка собственных знаний.

Преимущества применения интернет-ресурсов для преподавателей.

К наиболее ярким преимуществам использования интернет-ресурсов относятся [Грин 2013]:

1. Использование ИР в педагогической практике дает возможность экспериментировать, находить и создавать новые пути, методы, и модели обучения. ИР также позволяет делать образовательный процесс динамичным благодаря мгновенному распространению информации. 2. Доступ к различным курсам, повышениям квалификации, лекциям, онлайн конференциям и т.п. обеспечивает широкие возможности для непрерывного развития и повышения компетентности преподавателя. 3. ИР помогает активно вовлекать учащихся в учебный процесс. Путем мотивации и интерактивной активности на занятиях с помощью ИР преподавателю становится проще раскрыть и дать проявить себя даже неактивным и застенчивым студентам. 4. Автоматизация и упрощение ряда педагогических обязанностей. Сейчас широко распространены электронные классные журналы, зачетные книжки, которые ускоряют процесс отчетности в разы. Электронная почта и мессенджеры позволяют в любой момент оповестить учеников об изменении в расписании, форс-мажорных обстоятельствах и т.п. К недостаткам ИР в педагогической деятельности можно отнести [Никитенко 2002]: 1. ИР могут являться отвлекающим фактором. Смартфоны и гаджеты отвлекают учащихся от процесса обучения, осложняя работу преподавателя. 2. Технологии провоцируют учащихся на обман при выполнении заданий. Используя гаджеты, недобросовестные ученики получают большой простор для списывания начиная от поиска ответов в интернете, заканчивая использованием наушников на экзамене. Подводя итог, стоит сказать, что неоспоримые преимущества ИР в обучении и повышение ценности обучения ИЯ очевидны и доказаны путем многих наблюдений. В то же время неправильное использование и злоупотребление технологиями добавляет новую ответственность в педагогическую деятельность. Роль педагога меняется, теперь он сам должен владеть технологиями на высоком уровне, направляя, контролируя и поощряя студентов.

Заключение

Интернет-ресурсы заняли прочную позицию в обучении иностранным языкам. При их использовании на уроках повышается активность и заинтересованность учащихся, расширяется кругозор. ИР позволяют применять личностно-ориентированную технологию обучения – обучения во взаимодействии. Технологии позволяют дифференцировать процесс обучения, сделать его более индивидуальным, подобрать для каждого учащегося темп и интенсивность занятия. Такой подход создает благоприятную образова-

тельную среду, позитивно влияя на обучение каждого отдельного ученика. Благодаря использованию в обучении ИР можно создать искусственную языковую среду. Другими преимуществами является доступность, разнообразие материалов, широкий выбор методик и интерактивность. Помимо этого, ИР совершенствуют контроль знаний и умений, помогают рационализировать процесс занятий, обеспечивают доступ к большому количеству информационных ресурсов, статей, публикаций, библиотек, словарей и т.п. Таким образом, использование ИР в преподавании значительно повышает не только эффективность обучения, но и помогает совершенствовать различные формы и методы обучения, повышает заинтересованность в глубоком изучении материала, что подтверждает эффективность их применения в процессе обучения ИЯ.

Литература

1. *Дьюдени, Г., Хокли, Н.* Преподавание языка с помощью современных технологий// Эдинбургские ворота, Pearson Education Limited. – 2007.
2. *Варшауэр, М., Уиттекер, П. Фон.* Интернет для обучения английскому: / Под ред. К. Джеке и В. А. Ренэндья // Методология преподавания иностранных языков: Антология Существующей практики. – Издво Кембриджского университета. – 2002.
3. *Варшауэр, М., Хили, Д.* Computers and language learning: an overview / M. Warschauer, D. Healey // Lang. Teach. - No.31. – Cambridge University Press, 1998. — PP. 57-71.
4. *Варшауэр М., Шефер, Х., Мелони, К.* Интернет для обучения английскому. – Александрия, Вирджиния, США: Languages, Inc. – 2002.
6. *Грин Н. В.* Интернет как средство обучения // Успехи современного естествознания. 2013. – № 5. – С. 59-61; [Электронный ресурс] // URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=31672> (дата обращения: 14.01.2020).
7. *Никитенко С. Г.* Интернет для учителей иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2002.
8. *James, G.* Advantages and disadvantages of online learning [Electronic source] // URL: <http://www.ncura.edu>. 2002 (date of reference: 14.01.2020).
1. 8. *Kung, S.- C., & Chuo, T.- W.* Students' perceptions of English learning through ESL/EFL Websites. 2011 [Electronic source] // URL: <http://www.writing.berkeley.edu/TESL-EJ/ej> (date of reference: 14.01.2020).

Секция 3.
Проблемы теории и практики перевода
Section 3. Translation studies

*O.B. Беляева,
M.V. Михайлова,
K.R. Солодкина
МГИМО МИД России
Москва, Россия*

**ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА ДЛЯ
ПЕРЕВОДА**

Аннотация. Определение соотношения вариантов текстов, передающих один смысл, происходит в процессе коммуникации через сопоставление текстов, что решает задачу анализа обменных потоков и связей. Текст может быть инструментом для определения зависимости смысла от pragmaticальной направленности коммуникативного процесса.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, контрастивная текстология, перевод, сопоставительный анализ, функциональные единицы.

*Olga V. Belyaeva
Marianna V. Mikhailova
Ksenia R. Solodkina
MGIMO-University
Moscow, Russia*

**PRACTICAL ASPECTS OF TEXT ANALYSIS FOR TRANSLATION
PURPOSES**

Abstract. Comparative textual analysis of the information exchange flows during the communication process allows identifying the relationship of a variety of texts conveying one meaning. Identification of parallel relations between the original text and the text of the translation in the communication process can only be of conditional nature. The text can serve as an instrument in identifying the dependence of the meaning on the pragmatic purpose of communication.

Key words: comparative analysis, original text, text of translation, identification, purpose of communication.

Проблема соотношения контрастивной лингвистики и теории перевода остается актуальным предметом споров, примерами которых могут быть теоретические построения таких крупных специалистов как Я.И. Рецкер и Л.С. Бархударов. Я.И. Рецкер утверждал в статье «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык», что лингвистической основой перевода «должно быть сопоставительное изучение языковых явлений и установление определенных соответствий между языком подлинника и языком перевода. Эти соответствия в области лексики, фразеологии, синтаксиса и стиля и должны составлять лингвистическую основу перевода» [Рецкер 1950, 156]. Л.С. Бархударов настаивал на том, что «лингвистическая теория перевода — это не что иное, как сопоставительная лингвистика текста» [Бархударов 1975, 28]. Таким образом, сопоставление языковых явлений, в том числе, в тексте отождествляется с лингвистической теорией перевода.

Этот же вопрос рассматривался Э. Косериу в его работе «Контрастивная лингвистика и теория перевода: их отношение друг к другу», где автор перечисляет несколько плоскостей внутриязыкового структурирования, в которых осуществляется контрастивный анализ языков, а именно: уровень языковой нормы, уровень типа языка и уровень языковой системы. По мнению Э. Косериу контрастивная лингвистика, ориентированная на тип языка и языковую систему, для перевода менее значима, хотя, с другой стороны, уровень языковой нормы, где контрастивная лингвистика исследует фактическое употребление функциональных единиц, предполагает именно сферу перевода. Следовательно, та область контрастивной лингвистики, которая фокусируется на языке в действии, ближе всего к теории перевода, т.к. имеет дело с функционированием языка в речи, подобно теории перевода, и одновременно односторонна, подобно частной теории перевода. В любом случае, целью контрастивной лингвистики всегда является язык и конкретная языковая пара, как объект сопоставительного анализа. Таким образом, выявление сходных и различных черт путем синхронного сопоставления языков и есть основная цель контрастивной лингвистики, которая анализирует соотношение между функциональными единицами языка А и языка В. Практически, многие переводческие трансформации, являющиеся «технолого-ической» основой перевода, возникают из функционально-структурных расхождений между двумя языками в процессе перевода. Именно контрастивная лингвистика объясняет, почему при переводе осуществляется та или иная трансформация. Например, для обозначения движения в английском языке часто используется глагол, значение которого включает признак,

сопутствующий этому движению – вибрация или шум. В русском же этот признак будет, как правило, описываться наречием или деепричастием.

«...все глаза, выражая страх и какое-то неопределенное любопытство, бегали от пистолета к роковому тузу, который, трепеща на воздухе, опускался медленно-...» [М.Ю. Лермонтов «Фаталист»]

В переводе М. Паркера “Fatalist”

“With bated breath and eyes expressive of terror and a vague curiosity, we glanced from the pistol to the fateful ace which was now slowly fluttering downwards.”

При этом предметная ситуация описывается одна и та же. Причина такой трансформации – в наличии «безэквивалентных» форм в языках, взаимодействующих в процессе перевода (деепричастия-специфика русского языка). Английские глаголы в Present Perfect на русский переводятся русскими глаголами прошедшего времени совершенного вида.

Еще один показательный пример – с артиклами.

Я никогда не любил Анну.

Я никогда не любил Анны.

Безартилевый русский язык использует характерную падежную флексию для обозначения семантической оппозиции «конкретное лицо vs представитель класса».

I have never loved Anna.

I have never loved an Anna.

Английский для этого использует нулевой артикль vs неопределенный артикль.

Таким образом, контрастивная лингвистика дает исходные данные для перевода, обозначая расхождения между структурными типами, системами и нормами языков. Эти данные являются отправной точкой для собственно переводческого анализа. Перевод и проблемы, связанные с ним, как с элементом межъязыковой коммуникации, имеют комплексный характер. В период развития общества, когда происходят бурные политические и экономические трансформации, повышается внимание к изменениям, происходящим в языке, в частности, в сфере коммуникативных процессов. «Текст – это максимальная коммуникативная единица, обладающая смысловой целостностью и связностью, и располагающая языковыми способами выражения в виде грамматически структурированной совокупности синтаксем» [Васильев]. Учет и адекватное понимание экстралингвистических факторов и их влияния на функционирование текста помогают раскрыть социолингвистический компонент сферы обменных процессов, где участвуют одноименные эквиваленты текстов, порождаемые переводом.

Совпадения и различия любой пары языков – это основа для адекватной межъязыковой коммуникации. Анализ текста перевода в аспектах контрастивной текстологии имеет прикладной характер, т.к. дает основу для практических материалов с целью использования их в реальных коммуникативных процессах, а так же в обучении переводу и обработке научных текстов. Переводчик при выполнении перевода не может просто трансформировать отдельные элементы лингвистической структуры. При исследовании текста оригинала он приспосабливает свой коммуникативный потенциал под процессы перевода. Каковы же практические аспекты контрастивной текстологии?

Основную часть объектов лингвистического исследования любого языка составляют устойчивые словосочетания. Их семантика складывается из семантических параметров входящих в них лексем в сочетании с контекстологическими параметрами текста. Устойчивые словосочетания являются основными источниками процессов уравновешивания коммуникативных проблем при контактах различных языков на уровне перевода. Одна из главных составляющих процесса формирования устойчивых словосочетаний – это бурно развивающееся терминообразование. Кроме того, что текст обладает всесторонними соотношениями со всеми аспектами языка (интонация, грамматические средства), он является особым средством коммуникации; ему присуща определенная стилистическая окраска. Характеристики текста зависят от его лексического, в частности, терминологического состава.

Любой процесс мотивированного взаимодействия людей, в том числе текстовая деятельность должна и может характеризоваться категориями количества и качества. Количественный и качественный состав лексической системы подъязыка предметной области постоянно изменяется в зависимости от развития этой предметной области и от ее внешних контактов. Он находится в прямой зависимости от языковых компетенций ее участников и от побудительных мотивов коммуникации.

Формализация и компьютеризация ведут к экономии выразительных средств. С.К. Васильев приводит такой факт лексической трансформации как слово *iff* (*if and only if* – *тогда и только тогда*). Подобные лексические трансформации стали настолько обычными, что для новичков (Newbies) приводятся целые таблицы наиболее употребляемых аббревиатур, текстовых сокращений и акронимов (акроним или аббревиатура, образованная из начальных звуков слов исходного словосочетания), известных всем, кто часто пишет текстовые сообщения и пользователям Интернета или социальных сетей, где несколькими буквами возможно передать как общеупотребимые отдельные слова (а), клише (б), так и целые предложения (с).

Представленные ниже акронимы, в основном, написаны с заглавной буквы, однако, это совершенно не обязательно. В процессе коммуникации людям свойственно печатать буквы верхнего и нижнего регистров вперемешку, в зависимости от пользователя. Более того, использование только заглавных букв негласно воспринимается как повышенный тон, хотя и не считается плохим сетевым этикетом (*poornetiquette*).

a. *noobилип00b* = *Newbie* = новичок

2moro = *Tomorrow* = завтра

2nte = *Tonight* = вечером

B3 = *Blah, Blah, Blah* = вздор, абсурд

MoF = *Male and Female*

b. *ASAP* = *As soon as Possible* = как можно скорее

BM&Y = *Between Me and You*

TIA = *Thanks in Advance* = заранее благодарю

TYT = *Take your Time* = неторопитесь

c. *TTYL* = *Talk to you Later*

SMIM = *Send Me an Instant Message*

В следующем примере также используется аббревиатура, но, в отличие от предыдущих она не является приметой новизны. Это просто иная предметная область – *oft* = *often* = часто – лексема, используемая в поэтическом или устаревшем дискурсе. Однако приведенный пример взят из современного публицистического текста, а, следовательно, является неким фактором, усиливающим выразительность высказывания.

A browse on Level's Nomad List reveals that, in addition to the expected low-cost nomad hubs in cities like Bangkok, Ubud, and Ho Chi Minh City, oft-overlooked American cities including Nashville, Las Vegas and West Palm Beach are also well suited to nomads thanks to lower costs of living than New York or London.

Всего лишь бегло взглянув на «Список Необходимого для Кочевника» составленный Левилом, мы обнаруживаем, что к городам со сложившейся репутацией центров сосредоточения цифровых кочевников с низкой стоимостью проживания, а именно Бангкоку, Убуду и Хо Ши Мину, можно добавить такие американские города как Нэшвилль, Лас Вегас и Вест Палм Бич, которые **почему-то никто не и рассматривает**, хотя они также вполне подходят для проживания благодаря более низким ценам, чем в Нью Йорке или Лондоне.

Экономическое развитие вводит новые понятия. При этом появляется возможность совершенно закономерной асимметрии плана выражения номинативного процесса. Это настоятельно требует контекстологического подхода к решению проблем эквивалентности перевода.

Смысловой состав синтаксической единицы – это сочетание семантических и прагматических компонентов. При совпадении семантических параметров лексической единицы ее прагматические параметры могут расходиться. Наиболее близкие переводные эквиваленты могут быть найдены интуитивно-прагматическим анализом возможных параллелей между контекстами в сравниваемых языках. При анализе статистических исследований многие специалисты приходят к выводу о том, что при передаче одного и того же смысла на разных языках могут использоваться тексты, имеющие статистические параметры, расходящиеся в значительных пределах. Это указывает на несоответствие семантических параметров сопоставляемых лексических эквивалентов, т.е. семантическое поле лексической единицы одного языка может быть больше такового его эквивалента. Это несоответствие дает возможность предположить многозначность лексических единиц этого языка. Таким образом, для асимптотического сближения при переводе с одного языка на другой необходим учет контекста.

В приведенных ниже примерах можно проследить многозначность лексической единицы *pursue*: вариативность ее перевода в зависимости от контекста.

For the biennium 2012-2013, UN-Women will pursue two main priorities.

В период 2012 - 2013 годов Структура будет стремиться к достижению двух главных приоритетов.

We must pursue Africa-friendly economic policies.

Мы должны проводить экономическую политику, благоприятную для африканских стран.

Governments should pursue counter-cyclical measures to minimize output volatility and mitigate employment loss during economic slowdowns.

Правительствам следует продолжать антициклические меры для сведения к минимуму нестабильности производства и смягчения последствий потери рабочих мест во время экономических спадов.

These agencies and organizations may not pursue commercial goals.

Органы и организации, указанные в настоящем пункте, не могут преследовать в своей деятельности коммерческие цели.

Developing countries can pursue specific technological, financing and policy mechanisms for making broadband access a reality.

Для того, чтобы сделать широкополосный доступ реальностью, развивающиеся страны могут использовать конкретные механизмы в области технологий, финансирования и политики.

Businesses also pursue their own anti-discrimination measures.

Компании также разрабатывают конкретные меры по борьбе с дискриминацией.

Consumer and competition policies pursue related objectives.

Политика в области защиты прав потребителей и политика в области конкуренции преследует взаимосвязанные цели.

Moreover, not all countries can successfully pursue this strategy simultaneously.

Кроме того, все страны не могут одновременно и с равным успехом осуществлять такую стратегию.

The subprogramme will pursue a two-track strategy.

В рамках данной подпрограммы будет продолжено осуществление двуединой стратегии.

I must pursue it alone wherever that takes me.

Я должен выполнить ее один, куда бы это меня не привело.

The Administration concurs and will pursue the matter.

Администрация согласна с этой рекомендацией и продолжит рассмотрение этого вопроса.

Перевод - продуктивный источник насыщения языка заимствованной лексикой. Адаптация лексики условиями коммуникации сопровождается обретением лексической единицей дополнительных качеств, которые поступают в массив лексической системы, последняя при этом проявляет иммунитетную жесткость. Примером этого может служить следующий перевод:

Businesses are increasingly relying on lower-cost, electronic communications, including via the Internet, and on outsourcing.

Предприятия делают все больший упор на низко затратные, электронные сообщения, в том числе с использованием Интернета, и на аутсорсинг.

Хотя перевод информация вторичная, как документ она может рассматриваться как информация первичная. С позиции аналитико-синтетического процесса специфика перевода заключается в особом соотношении предмета анализа и предмета синтеза. Основные характеристики этого соотношения – эквивалентность и адекватность, т.к. перевод призван адекватно замещать источник по форме и содержанию.

Как преподавателям английского языка студентам Факультета управления и политики, имеющим отдельный аспект перевода, нам интересно и полезно прослеживать эти закономерности на конкретных примерах.

Разберем, несколько подобных устойчивых сочетаний в английском языке, которые, являясь терминами, могут переводиться пословно (а), иметь соответствующий термин в русском языке (б) или, не имея такового, передаваться подходящими лексемами русского языка (с) и транслитерацией (д).

a) 1. Competitive edge

-Knowledge, skills and quality are the decisive factors that have given a competitive edge to the services supplies in developed countries.

Знания, навыки и качество являются теми решающими факторами, которые обеспечили поставщикам услуг из развитых стран **конкурентные преимущества**.

-High female participation in the formal workforce gave countries a competitive edge.

Широкое участие женщин в формальной рабочей силе дает странам **конкурентное преимущество**.

2. Marketing mix

-Market conditions are constantly changing and everyone in the marketing chain must be vigilant to changes which can affect the marketing mix.

Положение на рынке постоянно меняется, и участники цепочки распределения должны внимательно следить за изменениями, которые могут влиять на **комплекс маркетинга**.

-Under extra budgetary resources, ITC will continue to provide direct, customized assistance to exporting enterprises in developing countries in all the relevant elements of the marketing mix.

В рамках внебюджетных ресурсов МТЦ будет по-прежнему оказывать непосредственную, привязанную к конкретным потребностям помочь предприятиям-экспортерам в развивающихся странах во всех соответствующих **областях сбытовой деятельности**.

b) Outsourcing:

-Such measures could adversely affect certain services activities, including outsourcing.

Такие меры могут негативно сказаться на некоторых видах деятельности в сфере услуг, включая **внешний подряд**.

-In many cases this involved the mining companies outsourcing services that they previously sourced internally.

Во многих случаях это подразумевало передачу горнодобывающими компаниями **внешний подряд** тех услуг, которые прежде они обеспечивали внутренними силами.

Offshoring and outsourcing of jobs are poorly monitored and surveyed.

Оффшоринг и передача рабочих мест на внешний рынок слабо контролируются и исследуются.

Последние два примера можно отнести к смешанному типу, т.к. данные термины настолько частотны и применимы в различных предметных областях, что, зачастую, перевод методом транслитерации, не нуждается в толковании.

c) Raise profile

-They should be used to raise the profile of the forest-based sector in defining and implementing priorities for national sustainable development strategies.

*Их следует использовать для **усиления роли** лесохозяйственного сектора в определении и реализации приоритетных целей национальных стратегий устойчивого развития.*

d) Blockchain

*-In an interview, PayPal's chief executive, Dan Schulman, recently discussed the prospects for **blockchain** – the encrypted, decentralised online ledger system that underpins Bitcoin and myriad other cutting-edge projects. While talking about **blockchain**'s potential for improving how people make payments around the world, Schulman said:...*

*Недавно, в своем интервью, исполнительный директор компании ПайПэлДен Шульман обсуждал перспективы применения **блокчейн** – зашифрованной цифровой финансовой системы, лежащей в основе Биткоин и множества других современных передовых проектов. Отмечая какие возможности для совершенствования системы платежей **блокчейн** несет людям во всем мире, Шульман сказал:...*

Итак, контрастивное исследование текста оригинала для перевода позволяет проследить процесс интерференции между языками. Проявляется это в импорте лексических единиц из одного языка в другой на фоне импорта новых для культуры данного языка соотносимых понятий. Текст (сообщение), как синтаксическая конструкция, является средой по отношению к смыслу и характеризуется контекстом. В тексте отражаются зависимости смысла сообщения от прагматической направленности коммуникативного процесса. При этом перевод – вид специализированной речевой деятельности, опирающийся на использование двух языков в целях воссоздания на одном языке речевых высказываний, эквивалентных по форме и по содержанию речевым высказываниям на другом языке.

Выводы контрастивной лингвистики могут оказаться очень ценными для практического преподавания языка на всех этапах обучения. Необходимо развить в обучающемся лингвистическое сознание, тогда овладение языком перестанет быть беспорядочным накоплением сведений, которые затем систематизируются. Они превратятся в осмысленную перегруппировку опыта. Контрастивное исследование на основе перевода составляет основу для овладения структурой языка. «Способность к использованию языка разовьется при его употреблении в значимых ситуациях» [Керквуд 1978].

Литература

1. *Васильев С.К.* Вестник Поморского университета, № 9. – Архангельск, 2009.
2. *Васильев С.К.* Операционная суть переводческого анализа текста оригинала. Материалы международной научной конференции «VII Степановские чтения». – М., РУДН. – 2009.
3. *Васильев С.К.* Учебные материалы по языковой специализации ТЭК. Английский язык для совместных программ магистерской подготовки. МГИМО(У)МИД России. – М., 2009.
4. *Васильев С.К.* Лингвистический и культурологический анализ текста оригинала для перевода. – М., 2010.
5. *Семенов А.Л.* Основные положения общей теории перевода. – М.: Изд-во РУДН, 2004.
6. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – М.:Международные отношения, 1975.
7. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. – М.: изд. Р. Валент, 2007.
8. *Косериу Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение. Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.25. Контрастивная лингвистика.– М.: Прогресс, 1989.
9. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история языкового изменения. Перевод с испанского. – М.: URSS. – 2010.
10. *Карпов В.А.* Язык как система. – Минск: изд. Высшая школа, 1992.
11. *Керквуд Г.* Перевод как основа контрастивного лингвистического анализа. Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 25. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989.
12. *Лермонтов М.Ю.* Стихотворения, поэмы, драма, проза. – М.: «Московский рабочий», 1963. – 578 с.
13. *Сидоров Е.В.* Порядок текста. – М.: Изд. РГСУ, 2011.
14. The Guardian. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.theguardian.com> (Дата обращения 01.12.2019).
15. Коллекция английской лексики уровня advanced. [Электронный ресурс] // URL:<https://www.smart-words.org/abbreviations/text.html/> (Дата обращения 01.12.2019).
16. Онлайн-переводчик Reverso. [Электронный ресурс] // URL: <https://context.reverso.net/translation/> (Дата обращения 01.12.2019).

К. Ю. Игнатов
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЭФФИЦИЕНТОВ М.Л. ГАСПАРОВА ДЛЯ ОЦЕНКИ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА

Аннотация. На материале нескольких переводов двустишия Катулла № 85 на русский язык демонстрируется метод количественной оценки лексической составляющей стихотворного перевода. Понятия коэффициента точности перевода и коэффициента вольности перевода, введённые М.Л. Гаспаровым, могут служить отправной точкой для объективного лингвопоэтического анализа и непредвзято верифицируемой оценкой переведенного текста, а также стать основой для сопоставления нескольких вариантов перевода одного текста.

Ключевые слова: коэффициент точности перевода, коэффициент вольности перевода, М.Л. Гаспаров, Катулл.

*Kirill Yu. Ignatov
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

M.L. GASPAROV'S QUOTIENTS FOR ANALYSIS OF POETIC TRANSLATION

Abstract. Using several translations of Catullus Carmen 85 into Russian, the paper demonstrates the method of quantitative analysis of a poetic translation from the lexical point of view. The concepts of translation accuracy quotient and translation liberty quotient, introduced by Mikhail Leonovich Gasparov, may serve as the starting points for an objective linguopoetic analysis and an unbiased, verifiable assessment of the translated text, as well as giving the basis for comparing several translations of one text.

Keywords: translation accuracy quotient, translation liberty quotient, Mikhail Gasparov, Catullus.

Перевод поэзии на иностранный язык представляет одну из тех особых областей перевода, где граница между эмоциональной выразительностью и

содержательно-стилистической эквивалентностью настолько размыта, что сама постановка вопроса об адекватности порой вызывает немалые споры.

Для демонстрации перспективности количественной оценки поэтических переводов в качестве материала было выбрано стихотворение Катулла №85 и его переводы, продолжающие предыдущие исследования [Игнатов 2017].

В дошедших до нас стихотворениях Катулл (с. 87–с. 54 до н.э.), один из наиболее известных поэтов Древнего Рима, предстаёт очень разным: вот он пылкий любовник, а вот – унижительный критик, потом – тонкий философ и тут же – несдержанный сквернослов. Стихотворение 85 написано элегическим дистихом, в котором за строчкой гекзаметра следует строчка пентаметра, традиционно используемом античными поэтами для выражения глубоких житейских и философских наблюдений.

М.Л. Гаспаров ввел дополняющие друг друга понятия **коэффициент точности перевода**, вычисляемый как доля сохранённых в переводе знаменательных слов (точнее – словоформ как осмысленных лексических единиц, эквивалентных единицам оригинала), от общего числа знаменательных слов оригинала и **коэффициент вольности перевода**, представляющий собой процентное отношение привнесённых в перевод знаменательных слов от общего числа знаменательных слов оригинала, причём о сохранении или привнесении слов судят на основе надёжных переводных словарей [Гаспаров 1997: 130-133]. Использование количественных показателей даёт верифицируемую оценку лексического строя перевода: первый показатель позволяет судить о сохранении семантики оригинала, второй – о том, насколько переводчику удалось передать своеобразие оригинала, не прибегая вспомогательным лексическим единицам. Комбинация двух показателей особенно важна в переводе поэтических текстов, где переводчику предстоит пройти между Сциллой художественного содержания и Харибдой поэтической формы. Оговоримся, что точность и вольность перевода – показатели лингвопоэтического анализа, не имеющие прямой связи с эстетической оценкой перевода, которая даётся, в соответствии с литературными традициями лингвокультуры и индивидуальным вкусом читателя, с учётом множеством факторов.

К знаменательным словам относим существительные, глаголы, причастия, деепричастия, прилагательные (в том числе местоименные), наречия, числительные, местоимения (в том числе и вопросительно-относительные) и вопросительные слова.

К служебным словам относим глаголы-связки (в том числе фазисные и модальные), предлоги, союзы, частицы и артикли.

Вот латинский оригинал стихотворения (зnamенательные слова выделены курсивом):

*Od(i) et amo. Quar(e) id | faciam, fortasse requiris.
nescio, sed fieri | senti(o) et excrucior.*

В тексте оригинала одиннадцать знаменательных лексических единиц: семь в первой строчке и четыре во второй. Союзы *et*, *sed* относятся к служебным лексическим единицам. Напомним контекстуальные переводы знаменательных слов по словарю [Дворецкий 2000]: **amo** (*āvī, ātum, āre*) – любить; **excrucio** (*āvī, ātum, āre*) – истязать, мучить, вынуждать пытками; (*pass*) страдать; **facio** (*feci, factum, ēre*) – делать, совершать, порождать, действовать; **fio** (*factus sum, fieri*) [*pass. к facio*] – возникать, становиться, делаться; **fortasse** (ADV) – возможно; **nescio** (*vi, ītum, īre*) – не знать, не понимать; **is, ea, id** – этот, тот; **odi** (–, *odisse*) (*verbum defectīvum*) (по форме – *perfectum*, но имеет значение настоящего времени) ненавидеть, не выносить, не терпеть; **quare** (ADV) – каким образом, как, почему; **requīro** (*sīvī, sītum, ēre*) – искать, стараться узнать, расспрашивать; **sentio** (*si, sum, īre*) – чувствовать, ощущать, испытать.

Анализируя оригинал, нужно отметить звучание слова *crux* («крест», орудие наказания в Древнем Риме, приводившее к медленной и мучительной смерти) в пассивной форме *excrucior*. В форме стихотворения тоже представлен крест, т.н. Андреевский, или косой: глагольные формы ...*requiris* и *nescio...* объединяют вопрос с ответом, противопоставляя «ты...» и «я...». Также параллельные словосочетания *odi et amo* и *sentio et excrucior* вместе образуют вторую перекладину креста. Кроме того, семантически важно и противопоставление активных форм и пассивных форм (*amo – odi, faciam – fieri, nescio – excrucior*).

В приводимых далее текстах переводов стихотворения на русский язык курсивом выделены эквиваленты сохранённых лексических единиц, подчёркиванием – привнесённые слова (в рамку берётся лексическая единица); служебные слова никак не выделяются. Все подсчёты обобщены в Таб. 1.

Хронологически самым первым стал перевод (В1 в таблице) Афанасия Афанасьевича Фета (1820–1892):

*Хоть ненавижу, люблю. Зачем же? Пожалуй, ты спросишь.
И не пойму, но в себе чувствуя это, крушусь.*

При публикации (первое издание в 1886, второе, по которому и приводится текст, – в 1899 году) он был дополнен заглавием «О своей любви», но это, скорее, дань российской переводческой традиции XIX века, поэтому слова заглавия не учитываем.

Стоит отметить перевод *excrucior* словом «крушиться», которое по звучанию схоже с оригиналом. «Не пойму» считаем эквивалентным *nescio*, вводное слово «пожалуй» в данном контексте можно считать эквивалентным наречио *fortasse*, «это» в последней строчке считаем эквивалентным *id* в первой строчке оригинала (это обозначено выражением 5+1 в соответствующей ячейке таблицы). Союзы «хоть», «и», «но» – служебные слова, а вопросительное слово «зачем» считаем знаменательным. Таким образом, в стихотворный текст внесены лишь два знаменательных слова (местоимения «себе» и «ты»), причём сделано это для сохранения метрики оригинала.

В 1918 году Всеволод Сергеевич Байкин (1898–1989), русский поэт и публицист, эмигрировавший из России во время Гражданской войны, опубликовал свой вариант перевода стиха Катулла (B2):

*Я, ненавидя, люблю. Зачем быть может ты спросишь.
Сам не пойму, но, что так, чувствую я и томлюсь.*

В опубликованном сборнике (Байкин В. Антология. Избранные стихи римских поэтов. М.: Типография «Культура», 1918) текст также сопровождается заглавием «О своей любви». Заглавиями Байкин сопроводил и переводы других стихотворений Катулла, а также стихотворные тексты других авторов, но, как и в случае с B1, слова заглавия не учитываем. Личные местоимения «я» и «ты», определительное «сам», относительное «что» и местоименное наречие «так» – привнесённые. Фразу «быть может» учитываем как одну единицу, вводную фразу, т.е. эквивалент *fortasse*, хотя при публикации оно и не было выделено запятыми. «Томлюсь» считаем контекстуальным эквивалентным *excrucior*.

Таблица 1. Количество знаменательных слов (ЗС), коэффициенты точности $K_{точн}$ и вольности $K_{вольн}$

N	Автор текста	Сохранённые ЗС по строкам и всего	Привнесённые ЗС по строками всего	$K_{точн}$, %	$K_{вольн}$, %
	Катулл	7/4=11	-	-	-
B1	Фет А.А.	5+1/3=9	1/1=2	82%	18%
B2	Байкин В.С.	5/3=8	2/4=6	72%	55%

Лексически перевод B1 оказывается несколько более точным и значительно менее вольным, чем B2.

Подводя итоги, отметим, что коэффициенты Гаспарова, помимо самостоятельной ценности как компоненты лингвопоэтического и компаративного анализов, могут использоваться и как один из элементов системы, которая поможет «создать продуктивные алгоритмы оценивания качества выполнения перевода, с возможностью их адаптации к целям и задачам и уровням оценки, а также к различным областям переводческой деятельности» [Калинин 2018: 306].

Литература

1. Гаспаров М.Л. Избранные труды: В 3 тт. Т II. О стихах. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 501 с.
2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 6-е изд. стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 846 с.
3. Игнатов К.Ю. К вопросу об оценке стихотворного перевода // Homo Loquens (Вопросы лингвистики и транслятологии). Сборник статей. Вып. 10. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. – С. 126-138.
4. Калинин А.Ю. Актуальные вопросы оценивания качества устно перевода // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Выпуск 2. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – С. 312-314.

Н.Е. Лисичкина
Д.С. Лисичкина
Одинцовский филиал МГИМО МИД РФ
Москва, Россия

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ. ВЫРАЖЕНИЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ

Аннотация. В испанском языке имеется много лексико-грамматических способов выразить желание, волеизъявление – от мягкой просьбы до приказа. В языке Латинской Америки наблюдаются особенности данного выражения. Вместо сослагательного наклонения употребляется изъявительное. Доминируют простые формы сослагательного наклонения. Часто используется косвенное повеление. Обнаруживаются особые синтаксические конструкции. Данные особенности должны учитываться в практике перевода.

Ключевые слова: Желание, волеизъявление, просьба, приказ, частотность, лексико-грамматические формы.

*Natalia E. Lisichkina
Daria S. Lisichkina
MGIMO-University,
Odintsovo, Russia*

LATIN AMERICAN SPANISH. WILL EXPRESSION

Ключевые слова: Желание, волеизъявление, просьба, приказ, частотность, лексико-грамматические формы.

Keywords: Desire, expression of will, request, order, frequency, lexical and grammatical forms.

Высказывания, выражающие волеизъявление или побудительность, широко представлены во всех языках, так как являются формой речевого воздействия на адресата, относящейся к универсальным категориям. Волеизъявление может быть непосредственным (прямое побуждение), направленным на слушателя, и посредственным (косвенное побуждение), адресованным третьему лицу. Побудительные высказывания связаны с различными pragmatischenkimi задачами и коммуникативными ситуациями, от которых

зависит выбор лингвистической формы волеизъявления. Используемая форма может выражать степень эксплицитности/имплицитности, интенсивности, модальности волеизъявления. Благодаря этому говорящий имеет огромное количество выразительных средств для выражения всего многообразия эмоционально-прагматических оттенков побуждения: от вежливых, мягких, умоляющих до грубых, жёстких, категоричных. Набор форм выражения волеизъявления во всём его многообразии в испанском языке Испании и стран Латинской Америки совпадает. Однако использование той или другой формы определяется не только прагматической целью, но и социальным, стилистическим, диалектным факторами. При исследовании употребления побудительных высказываний с учётом социолингвистических различий выявляются особенности испанского языка Латинской Америки в целом и отдельных латиноамериканских стран.

В данной работе проводится классификация и систематизация различных синтаксических структур, передающих желание, просьбу, приказ; сделана попытка установить частотность их употребления и использования в них тех или иных грамматических форм глагола с точки зрения своеобразия языка латиноамериканских стран.

Материалом для исследования послужили примеры, собранные методом сплошной выборки, из кинофильмов, радиопередач стран Латинской Америки, из печатных изданий художественной литературы и периодической печати, опросов носителей языка. Тематика высказываний не ограничивалась. Исследование проводилось на уровне синхронии. Собранные структуры классифицировались по семантико-грамматическому признаку, по социокультурной принадлежности говорящих (страна, возраст, пол, образование). Таким образом, была сделана попытка систематизации структур, выражающих волеизъявление в современном испанском языке Латинской Америки.

В лингвистике выделяют волитивные предложения, которые можно разделить на предложения желания и волеизъявления, представляющие собой две степени интенсивности проявления волитивности. Волеизъявление имеет смысл подразделять на просьбу и приказ. Эти три семантические разновидности волитивности: желание, просьба, приказ, – выражаются различными лингвистическими структурами. Логически в основе всех трёх типов высказываний лежит желание. Желание мыслится говорящим как реализуемое или нереализуемое. Реализуемое желание можно формулировать как просьбу или приказ. В соответствии с возможной реализацией желания в лингвистике применяют понятия оптативных и дезидеративных формул. [Hernández Alonso 1996]. Оптатив подразумевает желание говорящего, когда ситуация не зависит от его воли (*ojalá* – хоть бы...); дезидератив предполагает

высказывание деятеля, субъекта, проявляющего свою волю в ситуации (*quiero hacerlo* – хочу сделать...). Желание во всех своих вариантах мотивирует выбор говорящим тех или иных структур вербального выражения желания. Желание может проецироваться как на прошлое, так и на будущее, что также влияет на выбор грамматических форм его выражения. Желание, обращённое в прошлое, нереально; то, которое направлено в будущее, позволяет констатировать его факт или оформить его как побудительность, адресованную говорящему, слушателю, третьему лицу. Разнообразие конструкций волеизъявления, обращённых в будущее, больше, чем проецируемых на прошлое. В разговорной речи они встречаются гораздо чаще, чем в письменной речи. В письменной речи очень редко встречаются прямые приказы, прямые просьбы ещё реже. То же отмечается в исследовании Мендисабаль де ла Крус [Mendizábal de la Cruz 1995: 259-266].

1. Выражение желания.

Среди конструкций, выражающих желание, наиболее частотны «*ojalá* + глагол в форме сослагательного наклонения (modo subjuntivo)»; глаголы *desear*, *querer*, *gustar* в формах изъявительного наклонения (modo indicativo) или условного наклонения (modo condicional). *Ojalá lo haga; quiero hacerlo, me gustaría hacerlo.*

При совпадении синтаксических структур в испанском языке Испании и Латинской Америки представляет интерес анализ модально-временных глагольных форм, используемых в этих конструкциях. Данной проблемой занимался известный испанский лингвист Ридруэхо [Ridruejo Alonso 1983: 511-520]. Высказывания, выражающие желание, в испанском языке Испании и Латинской Америки в большинстве случаев строятся с использованием modo subjuntivo, разных глагольных времён. *¡Ojalá lo hagan! Deseo que lo hayan hecho. Me gustaría que hiciesen.*

Очевидно, что выражаемое желание может быть как реальным (реализуемым), так и нереальным (нереализуемым). Выявлено, что настояще время сослагательного наклонения обозначает желания реальные, а *imperfecto* сослагательного наклонения, в свою очередь, называет нереальные желания. Также используются *pretérito perfecto* и *pluscuamperfecto* сослагательного наклонения. Признак реальности/нереальности желания не единственный фактор выбора глагольного времени. Имеет значение временная характеристика желания и желаемого действия. Данный вопрос освещается в работах таких авторов как Хили и Гайя, Андреса Бельо, Ридруэхо и других. [Mendizábal de la Cruz 1995: 259-266; Ridruejo Alonso 1983: 511-520].

Presente de subjuntivo употребляется для обозначения желаемых действий в настоящем и будущем. *Quiero que lo hagas.*

Imperfecto de subjuntivo обозначает желаемые действия, одновременные или последующие в прошлом, то есть является аналогом presente de subjuntivo в плане прошлого. *Quería que lo hicieses*.

Вместе с этим imperfecto de subjuntivo также может называть действия настоящие и будущие в плане настоящего. *¡Ojalá lo hiciese ahorita!* *¡Ojalá lo hiciese ayer!* *¡Ojalá lo hiciese mañana!* В данном случае imperfecto de subjuntivo обозначает действия менее реальные, чем выраженные presente de subjuntivo. В частности, такое мнение высказывает С. Маринер Бигорра [Mariner Bigorra 1971: 209-252]. Необязательно желаемому действию быть нереальным, оно может быть труднодостижимым.

Pretérito perfecto de subjuntivo обозначает действие завершённое, предшествующее настоящему или будущему моменту времени. *Quiero que ya lo hayas hecho.* *Quiero que lo hayas hecho para el lunes.* Действие мыслится как возможное в отличие от действия, выраженного в imperfecto de subjuntivo.

Pluquamperfecto de subjuntivo аналогично pretérito perfecto de subjuntivo обозначает действия завершённые, но предшествующие моменту прошлого. *Quería que ya lo hubieras hecho.* С точки зрения реальности мыслятся как нейтральные.

Однако если отсутствует указание на предшествование другому прошедшему действию, pluquamperfecto de subjuntivo означает большую нереальность действия, соотносящегося с моментом настоящего. *¡Ojalá lo hubieras hecho!*

Описанные характеристики относятся к испанскому языку Испании и Латинской Америки, но в Латинской Америке наблюдается выпадение из употребления сослагательного наклонения (modo subjuntivo) и замена его формами изъявительного наклонения (modo indicativo). *Desean que les van a proteger.* *Esperan que la gente va a venir.*

В случаях же употребления modo subjuntivo преимущественно наблюдаются формы imperfecto de subjuntivo на -ra вместо -se. Исследованием этой тенденции занимался Херман де Гранда [Granda Gutiérrez 1992, 2003]. Отсутствует modo subjuntivo в предложениях волеизъявления в испанском языке в тех ареалах, где отмечается тесный контакт с автохтонными языками Латинской Америки (например, в Парагвае, Боливии, Мексике). В Перу в просторечии нейтрализуется разграничение сослагательного наклонения и условного наклонения (modo subjuntivo y modo condicional). Modo condicional употребляется вместо subjuntivo. В испанском языке Аргентины зачастую наблюдается доминирование простых глагольных времён над сложными и modo indicativo над modo subjuntivo. *Es necesario que lo hacemos.* *Me gustaría que lo hagamos.*

- 1) В конструкции *!Ojalá.../ojalá que...!* в отличие от европейского испанского языка употребляют modo indicativo почти в 50% случаев люди старшего возраста, женщины в Аргентине, Мексике, Боливии, Коста Рике, Чили и многих других странах.
- 2) В сложных предложениях *quiero/deseo/espero que...* в Аргентине почти в 50% случаев употребляют modo indicativo.
- 3) Для смягчения высказывания, выражения вежливости в главном предложении используется modo condicional: *desearía/me gustaría que...* В придаточном предложении так же, как в Испании, употребляется imperfecto de subjuntivo. Однако почти всегда форма на -ra.
- 4) Исследователь Мендоса [Mendoza Quiroga 1992: 437-500] делает вывод о том, что отсутствие в употреблении некоторых модально-временных форм, выражающих оттенки реальности/нереальности, приводит к появлению новых синтаксических моделей, призванных восполнить недостаток вербальных возможностей. В Мексике обнаруживаются словосочетания, эквивалентные глаголам желания, которых нет в языке Испании: вместо *!Ojalá.../ojalá que...!* используется *;Ojalá y venga..., ;Ánimas que...!* [Mendizábal de la Cruz 1996: 259-266].
- 5) Также для выражения желания в разговорной речи используется конструкция *;A ver si + modo indicativo!*: *;A ver si lo haces!*

2. Выражение волеизъявления.

Если субъектом желаемого действия является слушатель, прямое волеизъявление выражается повелительным наклонением (modo imperativo), являющимся универсальной лингвистической категорией. *;Hazlo!* В испанском языке исследуется особая связь modo imperativo и modo subjuntivo. Однако прямое волеизъявление, адресованное непосредственно собеседнику, может характеризоваться множеством оттенков степени интенсивности побуждения – от категоричного призыва до мягкой просьбы, мольбы. Также следует учитывать социокультурную характеристику говорящих и их коммуникативные отношения. Для выражения данных оттенков значения используются различные синтаксические модели и глагольные грамматические формы.

1). Modo imperativo. В Латинской Америке существуют особенности глагольных форм повелительного наклонения. Так, в различных странах повеление в форме на «ты» звучит следующим образом:

Toma tú / tomá vos, come tú / comé vos, abre tú / abrí vos;
 отрицательное повеление часто имеет перенос ударения:
no tomés, no comás, no abrás.

В Мексике вместо формы vosotros используется форма ustedes.

2). Вместо modo imperativo употребляется presente de modo indicativo:

– *Vas allá y lo haces. – Tú le ordenas y él lo hace.*

3). В испанском языке Латинской Америки отмечается особая герундиальная модель:

Dame trayendo = tráeme; dame haciéndolo = házmelo. Появление данной конструкции объясняют влиянием автохтонных языков [Mendizábal de la Cruz 1996: 259-266].

4). Волеизъявление с уменьшением степени интенсивности может формулироваться различными личными и безличными конструкциями с инфинитивом:

Hay que hacerlo; tienes que hacerlo; debes hacerlo; puedes hacerlo.

5). Смягчение повеления передаёт вопросительная форма выскакивания:

¿puedes hacerlo? ¿Quieres hacerlo?

6). Мягкость и вежливость передаются следующими формами глагола: imperfecto de indicativo, modo condicional, imperfecto de subjuntivo.

Deseaba pedir...; me gustaría decir...; quisiera preguntar...

В Колумбии преобладает использование imperfecto de cortesía для выражения просьбы: *Yo quería pedirle un favorcito... ; Venía a ver si puedes hacerlo.*

7). По отношению к третьим лицам для выражения волеизъявления часто встречается восклицательное предложение (*; Que lo hagan!*). Используется modo subjuntivo. Для таких конструкций типичны фонетические средства экспрессивности.

В заключение следует отметить, что в испанском языке разных странах существуют как сходства, так и значительные различия в способах передачи желания и волеизъявления, прямого и косвенного, приказа, просьбы. Главным образом различия проявляются в употреблении модально-временных форм глагола. Во многих странах Латинской Америки в разговорной речи наблюдается использование форм изъявительного наклонения вместо сослагательного наклонения в определённых синтаксических конструкциях, доминирование простых форм сослагательного наклонения над сложными формами, формы imperfecto de subjuntivo на -ra над формой на -se. В испанском языке Латинской Америки чаще используется косвенное повеление, конструкции, смягчающие интенсивность волеизъявления и отражающие вежливость. Также в языке Латинской Америки обнаруживаются особые конструкции, замещающие повелительное наклонение смыслового глагола, и словосочетания для

выражения желания, которых нет в языке Испании. Данные особенности языка конкретных стран должны учитываться в практике перевода.

Литература

1. *Granda Gutiérrez, G.*, El español de Paraguay. Distribución, uso y estructuras // Historia y presente del español de América / coord. Por César Hernández Alonso, – Valladolid: Junta de Castilla y León, 1992, – págs. 675–696. ISBN 84-86022-66-5
2. *Granda Gutiérrez, G.*, El imperativo en guaraní criollo y en español paraguayo / Estudios de lingüística Hispanoamericana. Historia, Sociedad y Contactos. Meter Lag Bad 3, 2003 – págs. 47-61.
3. *Hernández Alonso, C.*, Historia y presente del español de América – Valladolid: Junta de Castilla y León, 1996, – 271 p.
5. *Mariner Bigorra, S.*, Triple noción básica en la categoría modal castellana / Revista de Filología Española 54(3/4) – Madrid: Instituto de Lengua, Literatura y Antropología, 1971, – págs. 209-252.
6. *Mendizábal de la Cruz, N.*, La expresión del deseo, ruego y mandato en español / Actuales tendencias en la enseñanza del español como lengua extranjera II : actas del VI Congreso Internacional de ASELE: (León 5-7 de octubre de 1995) / coord. por Francisco Javier Grande Alija, Janick Le Men, Mercedes Rueda Rueda, Elena Prado Ibán, 1996, – págs. 259-266. ISBN 84-7719-586-2
7. *Mendoza Quiroga, J.G.*, Aspectos del castellano hablado en Bolivia / Historia y presente del español de América / coord. por César Hernández Alonso – Valladolid: Junta de Castilla y León, 1992, – págs. 437-500. ISBN 84-86022-66-5
8. *Ridruejo Alonso, E.*, Notas sobre las oraciones optativas / Serta Philologica F. Lázaro Carreter, – Madrid: Cátedra, 1983, – págs. 511-520.

Л.С. Плющева
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
Одинцово, Россия

**ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЛЕКСИКИ ИТАЛЬЯНСКИХ
ДИАЛЕКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ И ТЕЛЕВИЗИОННЫХ СЕРИАЛОВ)**

Аннотация. Актуальность данной статьи определяется тем, что область киноперевода лексики итальянских диалектов на русский язык является малоисследованной. В статье рассматриваются некоторые примеры диалектизмов, взятых из современных итальянских телевизионных сериалов и художественных фильмов, анализируются способы дублированного перевода фрагментов, содержащих диалектную лексику, а также средства, при помощи которых возможна передача территориальных особенностей речи при переводе.

Ключевые слова: итальянский язык, итальянские диалекты, диалектизм, дублированный перевод, киноперевод.

Lyudmila S. Plushcheva
MGIMO-University,
Odintsovo, Russia

**TRANSLATING INTO RUSSIAN THE VOCABULARY OF ITALIAN
DIALECTS (ON THE BASIS OF MODERN ITALIAN FEATURE FILMS
AND TELEVISION SERIES)**

Abstract. The relevance of this article is defined by the fact that the field of movie translation of Italian dialects into Russian is still little-known. The article deals with a number of examples of dialecticisms found in modern Italian movies and television serials. Besides, some methods of dubbing of fragments containing dialect vocabulary are analyzed and there are some strategies mentioned that allow to convey the territorial styles of speaking.

Keywords: Italian, Italian dialects, dialecticism, dubbing, movie translation.

Современная лингвистическая ситуация в Италии характеризуется существованием множественных диалектов наряду с общенациональным итальянским языком, то есть языком прессы, теле- и радиовещания. Несом-
270

ненно, переводчик сталкивается с проблемой богатого разнообразия итальянских диалектов при переводе продуктов современного кинематографа, в частности, при переводе художественных фильмов и телесериалов, где в диалогах отражены локальные диалектные особенности.

Целью данной статьи является анализ стратегий, применяемых при кинопереводе италоязычных художественных фильмов и сериалов, где используется лексика итальянских диалектов, на русский язык.

Прежде чем перейти к анализу переводческих стратегий, видится необходимым пояснить феномен итальянских диалектов и их отличия от общенационального языка. Диалекты итальянского языка можно разделить на три категории: северные, центральные и южные. Северные диалекты подразделяются на гало-итальянские, в которые входят ломбардский, пьемонтский, лигурский и эмильяно-романьольский и венетские. Среди центральных выделяют наречия Тосканы, Умбрии, Северного Лацио, области Марке. Южные диалекты, в свою очередь, состоят из сицилийских диалектов, а также наречий Абруццо и Молизе, Кампании, Апулии, Лукании, Калабрии и Саленто.

Однако среди всех итальянских диалектов неаполитанский диалект занимает особое место. Во-первых, в Италии неаполитанский диалект занимает второе место после общепринятого итальянского по количеству разговаривающих на нём людей, не считая эмигрантов [*La lingua Napoletana patrimonio dell'Unesco*]. Во-вторых, неаполитанский язык внесён ЮНЕСКО в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» [Rossi 2006], что может быть рассмотрено как признание неаполитанского диалекта языком. На основании вышеприведенных доводов в статье рассматривается именно неаполитанский диалект и, соответственно, стратегии его перевода, использующиеся при переводе фильмов и сериалов.

Несмотря на то, что многие европейские страны отказались от дублированного перевода в пользу субтитров, Италия по-прежнему отдаёт предпочтение дубляжу. Дубляж, пожалуй, самая распространённая стратегия адаптации языка в наше время, и в то же время самая спорная. Эта техника состоит в устранении оригинальных диалогов аудиовизуального продукта, чтобы заменить их диалогами, переведёнными на целевой язык, уделяя пристальное внимание артикуляционной и экспрессивной синхронизации между изображениями и предложениями [Petillo 2012: 53].

В России, однако, наравне с дублированным переводом широко распространён закадровый перевод, то есть на фон оригинальной озвучки фильма накладывается перевод на русский язык [Perego e Taylor 2012: 241]. Такая техника перевода очень распространена в работе с телевизионными продук-

тами, например, с документальными фильмами, телесериалами, а вот в кинопрокат иностранные фильмы выходят дублированными. В связи с такой особенностью российской теле- и киноиндустрии для анализа стратегий перевода диалектной лексики необходимо рассматривать и художественный фильм, и телевизионный сериал. В качестве материала для анализа были выбраны фильм Луки Миньери «Добро пожаловать на юг» (Benvenuti al Sud) и телесериал «Гоморра» (Gomorra).

Решение проводить анализ именно этого фильма обусловлено его особым характером. Фильм строится на столкновении культур Северной и Южной Италии и на стереотипах о Южной Италии. Режиссер Лука Миньери снял фильм «Добро пожаловать на юг» в 2010 году. В центре сюжета Альберто Коломбо, которого переводят работать директором почтового отделения из маленького северного городка неподалеку от Милана на юг Италии, в Кастельабате. По прибытии Альберто сталкивается с трудностями, вызванными не только другим менталитетом южан, но и диалектом, на котором они говорят. Таким образом, рассмотрим стратегии перевода некоторых сцен фильма.

Применение переводческих стратегий можно проанализировать на материале фрагмента, когда Альберто приходит переночевать в дом к Маттиа.

Таблица I. Разговор Альберто и Маттиа

Русский дублированный перевод	Оригинальная итальянская версия
Альберто: «это очень мило с вашей стороны приютить меня, но ей-богу...»	Alberto: "è gentile a ospitarmi così su due piedi...ma veramente..."
Маттия: «прошу, директо, заходите. Ддиректо! *непонятно*»	Mattia: "prego, diretto...venite. Ddiretto! Ogl'e shsharp[ə]"
Альберто: «что?»	Alberto: «come?»
Маттия: «ботинки! Мама на чистоте помеша. Ступи, осторо»	Mattia: «e' shsharp[ə]! Che la mamma è fissata nelle pulizie. Accorto ai gradì»

В оригинальной версии Маттиа поворачивается к Альберто, говоря: «Ogl'e shsharp [ə]», имея в виду, что необходимо снять обувь. На русском языке эта реплика представляется практически непонятной, его речь переведена путем усечения слов, то есть отбрасывания последних слогов, окончаний. Такой приём, конечно, не отражает в точности то отличие, которое существует между неаполитанским диалектом и общенациональным итальянским языком, однако затрудняет понимание речи персонажа для целевой русскоязычной

аудитории, что в целом отвечает поставленной перед переводчиками цели. Интересно отметить, что пояснение про маму Маттии делает на общепринятом итальянском без использования диалекта, но поскольку в некоторых эпизодах переводчики ради фонетической синхронности и синхронности между высказывания и паузами сильно ограничивают выбор стратегий, использование грамматически неверных выражений в частях, менее ограниченных синхронностью перевода, служит для компенсации недостатков средств выражения диалектной лексики. Кроме того, такой приём позволяет диалогистам внести свой вклад в комичность образа Маттии.

Не менее сложными для передачи на русский язык являются отличающиеся друг от друга формы вежливости, принятые на юге и на севере Италии. В разговоре с хозяйкой дома, мамой Маттии, Альберто использует общепринятое уважительное обращение, которое в итальянском языке соответствует форме третьего лица единственного числа: *она*. Однако когда-то во всей Италии, а сейчас только в некоторых южных регионах принято обращаться вежливо, используя форму второго лица множественного числа: *вы*.

Таблица 2. Разговор Альберто и мамы Маттии

Русский дублированный перевод	Оригинальная итальянская версия
Альберто: «доброе утро»	Alberto: «‘giorno!»
Маттия: «директо!»	Mattia: «direttore»
Мама: «до утра»	Mamma: «buongiorno!»
Альберто: «как поживаете?»	Alberto: «come sta?»
Мама: «еее?»	Mamma: «eee?»
Альберто: «как поживаете?»	Alberto: «dico lei, come sta?»
Мама: «как...?»	Mamma: «lei...?»
Альберто: «как самочувствие у вас?»	Alberto: «lei! Come si sente, lei?»
Мама: «с кем он говорит?»	Mamma: «mm...ma cun chi parl' chist[ə]?»
Маттия: «он говорит с тобо, ма» (к Альберто) «мама не привыкла, у нас редко называют на вы»	Mattia: «oh sta parland' co te, ma» (a Alberto) «perché mia mamma è abituata al voi, da queste parti non si usa il lei»
Альберто: «извините... извини»	Alberto: «scusi... scusate»

Руководствуясь тем фактом, что на русский язык именно это различие двух форм вежливости передать сложно, диалогисты переводят вежливые формы согласно нормам русского языка, но используют стратегии компенсации (мама: «до утра» вместо «доброго утра») и усечения (Маттиа «директо» вместо «директор», «с тобо» вместо «с тобой») в других местах, чтобы отразить существующие различия разговорной речи.

Однако не всегда переводчики стремятся к сохранению отличий и особенностей звучания диалекта при переводе аудиовизуальных продуктов даже там, где в оригинальной итальянской версии эти отличия заложены самим сценарием. Ярким примером отсутствия передачи диалектной лексики является закадровый перевод телесериала «Гоморра».

Итальянский сериал, выпущенный режиссёрами Франческа Коменчини, Клаудио Капеллини, Стефано Соллима в Италии в 2014 году по одноимённой книге Роберто Савиано снят невероятно реалистично и с точки зрения быта, и с точки зрения языка. Это история рассказана неаполитанским автором о вражде, о кровной мести, в центре которой находится семья Савастано. А так как в Неаполе жители говорят по-неаполитански, персонажи Гоморры тоже говорят на диалекте.

В первом сезоне сериала с первой серии становится понятно, что зрителя окунули в настоящую жизнь неаполитанской мафии. Если смотреть сериал на итальянском, но не быть знакомым с диалектом Неаполя, то понять героев непросто, а порой даже невозможно. Но учитывая тот факт, что персонажи всё время используют диалект в речи, передать такую манеру на русский язык, используя те же стратегии, которые мы проследили в дублированном переводе фильма «Добро пожаловать на юг» нельзя, поскольку повсеместноеискажение слов усложнит восприятие сериала для целевой аудитории. Таким образом, закадровый перевод выполнен с соблюдением всех норм грамотности русского языка.

Рассмотрим в качестве примера эпизод из первой серии первого сезона сериала «Гоморра», когда участники мафиозной группировки, Чиро и Аттильо, приходят в дом главы этого клана, дона Пьетро. Их встречает Имма, жена дона.

Мы отмечаем в тексте наличие интеръективной формы *ia*, происходящей от слова *iammë*, обычно используемого как выразительное подкрепление в дискурсе. Помимо этого можно отметить уже рассмотренное ранее на примере фильма «Добро пожаловать на юг» вежливое обращение с использованием форму второго лица множественного числа вместо общепринятой нормы третьего лица единственного числа (*non vi disturbate*).

Таблица 3. Разговор Аттильо, Чиро и Иммы

Оригинальная версия на неаполитанском диалекте	Итальянский классический	Русский закадровый перевод
Donna Imma: Buongiorno, prego, trasite	Buongiorno, prego, entrate!	Донна Имма: Здравствуйте, проходите, пожалуйста
Donna Imma: Vi faccio purta' nu bello cafè ?	Vi faccio per ora un bel caffè?	Имма: Кофе пока выпьете?
Attilio: No ,lasciate sta', non vi disturbate	No, lascia stare, non si disturba.	Аттильо: Не стоит беспокоиться!
Imma: No, ma quale disturbo, faccio fa', ià!	No, ma quale disturb, lo faccio!	Имма: Да какое беспокойство, сейчас приготовят!
Attilio: Grazie assai	Grazie mille!	Аттильо: Огромное спасибо
Imma: Carmela?	Carmella?	Имма: Кармела?
Carmela: Sì	Sì	Кармела: Да?
Imma: Fa' nu cafè!	Fa' un caffè	Имма: Свари кофе!

В сериале встречаются и другие типичные для неаполитанского диалекта приёмы, как, например, использование междометий. От классического «ах!» до использования «нет» и «да» в конце предложения, вплоть до упоминания таких имён как «Мадонна», направленных на выражение определённого раздражения:

Таблица 4. Примеры выражения экспрессии (т/с «Гоморра», сезон 1, серия 1)

Оригинальная версия на неаполитанском диалекте	Итальянский классический	Русский закадровый перевод
Maronnë e cummë puzzanë , sti vestità, eh! (Attilio, G1, 1)	Madonna, e come puttane si vestite, eh!	Мадонна, они одеты как путаны, эх!
Ognunë pënzassë 'e ccosë sòië, iammë ià (Attilio, G1, 1)	Ognuno pensa alle cose sue, iammë ia!	Каждый думает о своих делаах, даа!
Atti', era meglië cë Don Pietro cë parlavë cë Conte, no!? (Ciro, G1, 1)	Atti, sarebbe meglio se Don Pietro parlasse a Conte, no!?	Атти, лучше бы Дон Пьетро поговорил с Конте!
Don Pietro, simmë sicurë, sì!? (Malammore, G1, 1)	Don Pietro, siamo sicuri, sì?	Дон Пьетро, мы уверены, ведь так?

Нередки, как это характерно для всех итальянцев, тематические и фокусирующие явления. Посредством просодических и грамматических средств, а также изменения порядка слов подчёркиваются некоторые элементы предложения:

Таблица 5. Разговор Сальваторе Конте с мамой

Оригинальная версия на неаполитанском диалекте	Итальянский классический	Русский закадровый перевод
Salvato', 'a sigarèttë a tavola no, eh! (mamma di Salvatore Conte, G1, 1)-	Salvatore, non sederti con la sigarette a tavola!	Сальвато, с сигаретой за стол нельзя!
È fintë, ma' [...] (Salvatore Conte)	È finta, mamma!	Она не настоящая, ма...
Vèrë o fintë, sempre fumo fa. A Tavola, 'a sigarèttë no! (mamma)	Vera o finta, sempre fa il fumo! A tavola non sederti con la sigaretta!	Настоящая или нет, дым-то идёт! За столом сигарета запрещена!

С помощью инверсии мама Сальваторе Конте подчёркивает, что сигарета всё равно производит дым (*sempre fumo fa*), помимо этого мы видим характерные для разговорной речи усечённые конструкции и фразы (*A Tavola, 'a sigarèttë no!*), что вполне успешно передано диалогистами в русскоязычной версии сериала.

Таким образом, переводчик сталкивается с трудностями, упомянутыми в настоящей статье, в процессе перевода аудиовизуального продукта, будь то дублированный или закадровый перевод с итальянского на русский язык. Переводчик имеет несколько стратегий для передачи смысла: стратегия усечения окончаний, стратегия компенсации. Как было рассмотрено в статье, в случаях слишком широкого употребления диалектов переводчики отказываются от применения стратегий передачи в пользу соблюдения норм грамотности и с целью облегчения восприятия конечного продукта для целевой аудитории. Подводя итог, следует отметить, что оба эти вида киноперевода накладывают ограничения на использование стратегий передачи диалектной лексики, ведь их специфика заключается в том, что переводчик кино, работая со звукоизобразительными образами, должен соблюдать синхронность звуков, образов, пауз. Выбор стратегий перевода всегда обуславливается главной задачей – донесением до целевой аудитории общего смысла и ситуативного контекста.

Литература

1. *Горшкова, В.Е.* Перевод в кино / В.Е. Горшкова. – Иркутск: МИГЛУ, 2006. – 278 с.
2. *Кузьмичев С.А.* Перевод кинофильмов как отдельный вид перевода [Текст] / С.А. Кузьмичев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М.: 2012. – № 9 (642). – С. 140-149
3. *Matasov P.A.* Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Р.А. Матасов. – М.: 2009. – 23 с.
4. La lingua Napoletana patrimonio dell'Unesco. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.napoliflash24.it/lunesco-riconosce-la-lingua-napoletana-ma-oggi-sono-pochi-conoscerla-veramente/> (дата обращения: 05. 02. 2020)
5. *Perego, E. e C. Taylor.* Tradurre l'audiovisivo. Roma: Carocci Editore, 2012. – 277p.
6. *Petillo, M.* La traduzione audiovisiva nel terzo millennio. Milano: Franco Angeli, 2012. – 160 p.
7. *Rossi F.* Il linguaggio figurato. Roma: Aracne, 2006.
8. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization – UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (дата обращения: 05. 02. 2020)

*M.V. Прилепская
НИУ Высшая школа экономики
Москва, Россия*

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ КОДЫ В КНИГЕ СИЛЬВЕНА ТЕССОНА «В СИБИРСКИХ ЛЕСАХ» (НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ)

Аннотация. Рассматриваются особенности перевода названий российских реалий современными французскими авторами (на примере книги Sylvain Tesson “Dans les forêts de Sibérie”). Предпринята попытка определить, какие языковые коды использует писатель-путешественник для обозначения типично русских понятий и обозначений, как переводные конструкции образуют языковые приёмы для описания национально маркированных реалий жизни на берегу Байкала.

Ключевые слова: культурно-языковые коды, национально маркированные реалии, аксиологическое акцентирование, трёхмерная текстуальность, межъязыковое средство выразительности.

*Marina V. Prilepskaya
Higher School of Economics
Moscow, Russia*

CULTURAL AND LINGUISTIC CODES IN THE BOOK BY SYLVAIN TESSON “IN THE SIBERIAN FORESTS” (IN FRENCH)

Abstract. In the analysis of lexical uses, we observe both the use of articles peculiar to the French language in the use of geographical names, international civilizational designations and even in the phonetic transfer of Russian-language borrowings, and, in fact, semantic explanations of the real realities of life on the shore of lake Baikal in constructions translated into French.

Keywords: Cultural language codes, nationally labeled realities, axiological emphasis, three-dimensional textuality, interlanguage means of expression.

Выбор литературного чтения в преподавании иностранного языка, как известно, учитывает уровень владения языком у слушателей, направленность их действующей или будущей специализации. Как правило, безусловное предпочтение отдаётся аутентичной литературе: цель такого подхода – погружение в культуру страны изучаемого языка, с учётом неразрывной связанности понятия культуры в широком понимании с её языковой трансляцией носителями. Ниже представлены результаты чтения книги о российских реалиях известного французского писателя и путешественника

Сильвена Тессона «В сибирских лесах». Подобный выбор книги для чтения представляет собой особый интерес с точки зрения языковых наблюдений, направленных на понимание культурно-языковых кодов, используемых Тессоном для разъяснений на французском языке типично российских, национально маркированных реалий. Таким образом носители русского языка не только осваивают навыки аутентичного чтения на французском языке, но и становятся соавторами сравнительного языкового анализа используемой автором лексики, что позволяет понять и, возможно, в перспективе скорректировать возникшие неточности в иноязычной передаче смыслов понятий и обозначений.

В части использования русскоязычных историзмов (*le moujik, la izba*) в книге наблюдается их фонетический перенос в лексическое поле текста, более современные обозначения претерпевают грамматическую «обработку»: суффикс *-ск-* в словах (*хрущёвские/брежневские времена*), а также выражение притяжательности (*опыт Павлова*) приобретают французский суффикс *-ien*.

Таблица 1. Фонетический перенос обозначений из русского языка

баня	* <i>le banya</i>
браконьеры	<i>les braconniers</i>
водка	<i>la vodka</i>
дача	<i>la datcha</i>
донской атаман	<i>ataman du Don</i>
изба	<i>la izba</i>
КГБ	<i>le KGB</i>
кедровка	<i>kedrovaïa</i>
комиссариат	<i>commissariat</i>
мороз(-ность)	<i>moros (-ité)</i>
мужик	<i>un moujik</i>
опыт Павлова	<i>une expérience pavlovienne</i>
преданный слуга-толстовец	<i>un fidèle serviteur tolstovien</i>
Родина-мать	<i>mat rodina</i>
Россия времен Хрущёва и Брежнева	<i>la Russie brejnevienne et khrouchtchevienne</i>
русский пофигизм	<i>le pofiguisme russe</i>
самогон	<i>samagon (le cognac passé mal)</i>
самолёты Туполева	<i>les Toupolev</i>
собачий холод (чертовски холодно)	<i>il fait froid de zek</i>
сотник пугачёвского войска	<i>soltnik pougatchévien</i>
тайга	** <i>les taïgas/ la taïga</i>
шапка	<i>la chapka</i>

*Обращает на себя внимание использование автором обозначения *баня* в мужском роде, что, как известно, свойственно заимствованиям существительных из английского языка во французский.

***Les taïgas* переводим как *леса*, *la taïga* – как собственно *тайга*.

В цитировании русских имён собственных С. Тессон не прибегает к корневым переводам, когда имена могут изменять звучание (*Саня* – а не *Александр*, *Света* – а не *Клэр* и т.д.).

Таблица 2. Имена собственные

Андрей	Andreï
Сергей	Sergueï
Володя	Volodia
Иван	Ivan
Игорь	Igor
Ирина	Irina
Людмила	Ludmila
Миша	Micha
Наташа	Natacha/ Natasha
Саня	Sania
Света	Svieta
Юра	Youra

В географических обозначениях видим преобладание добуквенной (б) передачи русскоязычных топонимов во франкоязычную систему письма над фонетической (звукоподражательной) (ф). При этом сохраняется устойчивый лексико-грамматический перенос общепринятых переводных географий, в том числе названий на *-ия* через *-ie*, (что при упоминании названия *Бурятия* приводит к изменённому звучанию слова [*burjas*i**], тогда как *Якутия* сохраняется фонетически [*jakuti*i**]).

Таблица 3. Топонимы

Байкал	le Baïkal (б)
Братск	Bratck (б)
Бурятия	la Bouriatie
Дон	le Don (б)
Елохин (мыс)	Iélochin (ф)
Енисей	le Jenisseï (б)
Заворотное	Zavarotnoe (ф)
Иркутск	Irkoutsk (б)

Кавказ	le Caucase
Киев	Kiev (б)
Крым	la Crimée
Ленско-Байкальский бассейн	la réserve Baïkal – Lena (б)
Маньчжурия	la Mandchourie
Монголия	la Mongolie (б)
Москва	Moscou
долина реки Самарга	la vallée de la Samarga (б)
мыс Северный Кедровый	Cap des Cedres du Nord
Северобайкальск	Severobaïkalsk (б)
Сибирь	la Sibérie (б)
Большой Солонцовский (мыс)	Bolchoï Solontsovi (б)
Покойники	Pokoïniki (б)
Черкесия	Tcherkessie (б)
Якутия	la Yakoutie

В вышеприведенных примерах С. Тессон соблюдает русскоязычные культурно-языковые коды, по сути калькируя исходные названия.

Обращает на себя внимание обозначение на французском языке жилища, в которое поселяется Тессон для одинокого проживания на берегу Байкала, – *la cabane*. Французско-русский словарь переводит выбранное автором слово как «хижина» или «бунгало»: для автора *la cabane* – это культурно-языковой код, используемый наряду с обращениями к сюжету книги Д. Дефо «Робинзон Крузо» (*Danielle Defoe. «Robinson Crusoé»*). В русском языке это «сруб, домик, избушка, охотничья заимка». Однако путешественник не заимствует, например, аутентичное *сруб* (*sroub*), как это происходит со словом *la izba*. В своём проживании в домике автор видит синоним жизни отшельника (*la vie de cabane*), а обосновавшись в нём, называет его метафорично «мать-избушка»: это не «дом родной» как «отчий дом» во французском языке (*maison paternelle*), но место, защищающее от холода и согревающее душу подобно материнскому теплу. В то же время для данной метафоры использовано французское *mère*, а не русскоязычное заимствование, как в случае с *mat rodina*. Подобный культурно-кодовый подход встречаем также при переводе слов «валенки» как *bottes de feutre* – «фетровые сапоги» (но не *valenki*), лунка как *trou de glace* – прорубь, иногда *trou de glace pour une pêche* (но не *lounka*). Для удобства использования обозначений С. Тессон объединяет синонимичные, но различимые в нашем понимании значения слов обобщёнными понятиями, не углубляясь в русскоязычную семантику.

Таблица 4. Российские реалии в переводе на французский язык

атолл Суворов	l'île de Souvarov
береста, кора берёзы	l'écorce de bouleau
браконьеры	les braconniers
валенки	les bottes de feutre
Братская ГЭС	l'usine hydro-électrique de Bratsk
домик для временного проживания/сруб	la cabane
егерь	le garde-chasse
Ельцин у власти	l'assentement de Eltsine
жизнь в одиночестве	la vie de cabane
замять дело	jeter un voile sur l'affaire
картина Перова «Охотники на привале»	Perov «Les chasseurs à la halte»
колоть дрова (в минус 35°)	l'abat du bois par -35°
креститься	faire un signe de croix
лесной обходчик (инспектор)	un inspecteur forestier
мать-избушка	ma mère cabane
монголо-татарская орда	des hordes mongoles
отказники	refujniks
прорубь, лунка	le trou à glace
протопать 30 км (в минус 31°)	se taper trente kilomètres par -31°C
Родина-мать	mat rodina, la mère patrie
самогон	l'alcool couleur caramel
Серафим Саровский	Séraphin de Sarov
Советский Союз	l'Union soviétique
холодность/замороженность существования	la morosité de nos existences
царская семья последних Романовых	famille impériale des derniers Romanov
царь Николай II	tsar Nicolas II

Тессон как исследователь не претендует на изучение понятия «русская душа», упоминая редкие встречи с жителями соседних населённых пунктов или со случайными (подчас непрошеными) гостями своего домика – любителями охоты и рыбалки. Читателю остается догадываться по упоминаемому читательскому списку автора о малочисленных точках соприкосновения между ним, европейски образованным эрмитом (*hermite*)/ отшельником, и простыми людьми, постоянно проживающими на Байкале. Множественные ссылки на произведения мировой литературы в рассуждениях французского

путешественника и полное отсутствие таковых в передаваемой (цитируемой) речи его русскоязычных собеседников образует культурно-языковой код, через который читается недоумение Тессона по поводу принятого в этих местах образа жизни, в частности, неуважительного отношения русских людей к природе тайги (см., например, гл. «*12 février*»). В главе «*10 avril*» передан разговор попутно нагрянувших в домик хозяина рыбаков, который изобилует *de gros mots* (бранными словами). Устоявшееся словосочетание «загадочная русская душа» приобретает в книге аксиологическое акцентирование.

Таблица 5. Интернациональные слова (цивилизационные понятия)

антропоцентризм в пейзаже <i>(авторский неологизм)</i>	(nouvelle discipline :) anthropocentrisme du paysage
Будда	Bouddha
Белоснежка	Blanche-Neige
бизнесмен	les businessmen (tout businessmen qu'il soit...)
водка	la vodka
иглу	l'igloo
понятия Инь и Янь	le yin et le yang
Казанова	Casanova
карма	le carma
маркиз де Сад	le marquis de Sade
messии (спасители)	les Messies
путь в Дамаск	chemin des Dames
римлянин	le Romain
Робинзон Крузо Даниэля Дефо	le Crusoé de Défoe
спальня Van Гога в Арле	la chambre de Van Gogh à Arles
самолёты марки ТУ	les Toupolev
табурет	le tabouret
танка (из японского)	tanka
тюрбан	un turban
хакер, хакерство	le hacker, un hacking
хокку, хайку	haïkus
Чёрная Дева (Монсерратская)	Vierge noire
эльфы королевы	la reine des elfs
юрта	la yourte
ящик Пандоры	la boîte de Pandore

Наличие культурно-языковых кодов в книге С.Тессона позволяет расширить/раздвинуть границы обучающего чтения в сторону мотивированного самообучения, переносит обучение иностранному языку в плоскость реальных языковых употреблений. Так, слово «*une grève*», изучаемое в курсе страноведения Франции как «забастовка», в книге используется в значении «береговая линия», обобщённые понятия «*les oiseaux*» (птицы) и «*les poissons*» (рыбы) конкретизируются в описаниях сибирской фауны.

Понятие культурно-языковых кодов связано с пониманием трёхмерности в текстуальности в целом и переводных текстов в частности. Дословный линейный (построчный) перевод нуждается в смысловых уточнениях с учётом «вертикальной стяжки» текста, т.е. логики повествования, а также с опорой на контекст высказывания. Именно контекстное прочтение является результатом восприятия культурно-языковых кодов, с помощью которых автору удаётся не только заинтересовать французского читателя историей своего добровольного одиночества в суровых климатических и непростых бытовых условиях Сибири, но и вести диалог французско- и русскоязычной культур.

В заключение скажем, что авторский подход к описанию жизни в российской глубинке в книге Сильвена Тессона «В сибирских лесах»/ *Sylvain Tesson «Dans les forêts de Sibérie»* является культурологическим. Автор использует культурно-языковые коды, характеризуя российские реалии, исходя из французского цивилизационного восприятия. КЯК проявляют себя на фонетическом, лексическом, семантическом, текстуальном, дискурсивном уровне. Обнаруживаемые русскоязычными читателями на первый взгляд переводные неточности, как правило, не приводят к смысловым искажениям и могут рассматриваться как межязыковое средство выразительности.

Литература

1. Бурукина О.А. Метаотношения понятий «культурный код» и коннотация в «культурном переводе» // Международный журнал исследований культуры. – 2019, №2, – С. 16-30.
2. Василькова Е.В. Культурно-языковой код и будущее языка и человека. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-yazykovoy-kod-i-buduschee-yazyka-i-cheloveka/viewer>
3. Взгляд на славянскую аксиологию / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. Китanova, П. Женюх. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. – 268 с.
4. Гавриленко Н.Н. Переводческий анализ лингвистических особенностей французского специального дискурса. // Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2015, №1.

5. Зыкова А.В. Культурологический аспект в преподавании французского языка как второго иностранного в вузе. // Вестник университета. Издательство: Государственный университет управления (Москва).
6. Кафанова О.Б. Национально-культурные коды: дефиниции и границы // Филологическое образование: современные стратегии и практики: сб. науч.-метод. ст. Вып. 1. – СПб, 2011. – С.284-293.
7. Курылева Н.В. Ценностные аспекты гуманизации современного образовательного процесса в системе преподавания филологических дисциплин // Вестник Мининского университета. Издательство: ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» ISSN: 2307-1281.
8. Меркулова Н.Г. Менталитет – культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий. – Журнал «Регионология Regionology» – №2 2015. [Электронный ресурс] // URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1390>
9. Полевая О.В. Аналитические тенденции в развитии современного французского языка. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Издательство: Вятский государственный университет (Киров)
10. Полякова А.А. Ценностная рефлексия как механизм развития аксиологического потенциала личности студента в диалоге культур // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. Издательство: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Орёл) ISSN: 1997-9878.
11. Сороковых Г.В., Зыкова А.В. Расширение лингвокультурологического кругозора обучающихся на основе составления реалий в языке и культуре (на примере французского и русского языков). // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре иностранных языков им. В.Г. Гака. Сб. статей. Издательство «Спутник+», Москва, 2018.
12. Черкесова К.И. Проблемы социокодов культуры и трансляции информации в современной культурологии. – 2017. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsiokodov-kultury-i-translyatsii-informatsii-v-sovremennoy-kulturologii/viewer>

Н. В. Тимко
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
Москва, Россия

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ VS. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ НАХОДКИ ПРИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ В ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. В процессе лингвокультурной трансляции при переводе возникают ошибки, препятствующие адекватному восприятию исходного текста носителями переводящего языка. В статье на примере переводов романа Дж. Хеллера “Catch-22” рассматриваются переводческие ошибки vs. переводческие находки при лингвокультурной трансляции содержания оригинала.

Ключевые слова: лингвокультурная трансляция, переводческие ошибки, переводческие находки, адаптация текста при переводе.

Natalia V. Timko
MGIMO-University,
Odintsovo, Russia

TRANSLATION FAILURES VS TRANSLATION FINDINGS IN OVERCOMING LANGUAGE-CULTURAL BARRIER

Abstract. In the process of overcoming language-cultural barrier in translation there emerge errors which lead to inconsistency in the translated material and false perception of the source text by target readers. Joseph Heller's novel “Catch-22” translated into the Russian language is a fine example of many translation difficulties which lead to translation failures as well as to translation success.

Keywords: language-cultural barrier in translation, cultural references, translation errors, successful translation.

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся типы ошибок на примере переводов романа Джозефа Хеллера «Catch-22». Всего существует два перевода этого романа на русский язык: М. Виленского и В. Титова (издательство «Военгиз», 1968. Именно в этой версии в русский язык вошло выражение «уловка-22», являющееся идиомой) и А. Кистяковского (1988, название «Поправка-22»). В некоторых изданиях указан В. Мачулис, обработавший перевод М. Виленского и В. Титова. Это привело к ошибочной версии о существовании перевода В. Мачулиса.

Роман «Catch-22», написанный Хеллером в 1961 году, несомненно, интересное и значительное произведение. Это острые сатиры на продажность, грубость нравов, несправедливость и разврат, царившие в американской армии во время Второй мировой войны. Вся художественная панорама концентрируется вокруг образа капитана-бомбардира Йоссариана, который ненавидит насилие, не хочет умирать на этой «гнусной и грязной войне» и поэтому решает дезертировать из армии. Не так просто читателям разобраться в нагромождённых в книге несуразных событиях и парадоксальных суждениях, отделить элементы абсурдной фантастики от того, что вполне могло бы иметь место в действительности. Автор переходит от гротескно-комических сцен к трагическим или поэтичным описаниям и реминисценциям, причём трагический элемент неуклонно нарастает.

Очень часто из-за незнания переводчиками особенностей материальной и духовной культуры, представленной в оригинале, в переводах появляются лишенные смысла буквализмы и неоправданные транслитерации, которые воспринимаются читателями перевода как нечто совершенно непонятное.

В подлиннике между героями книги происходит следующий диалог:

“Casaba melons?”

“Are going for a song in Damascus”

“I have a weakness for casaba melons”

“Just lend me a plane from each squadron, and you will have all the casabas you can eat that you’ve money to pay for” [Heller: 257].

1. – ***A дыни из Касабы?***

– Почти задаром продаются в Дамаске.

– ***Дыни из Касабы*** – моя слабость.

– *Одолжите мне по самолёту из каждой эскадрильи, и у вас будет столько дынь из Касабы, сколько душе угодно, если ваша столовая раскошелится* [пер. М. Виленского, В. Титова: 276].

2. – ***A как насчет дынек?***

– Продаются за бесценок в Дамаске.

– Я люблю дыньки.

– Предоставьте мне по одному самолёту из каждой эскадрильи, и вы получите столько дынек, чтобы есть их в полное удовольствие, сколько сможете оплатить (пер. А. Кистяковского: 246).

Первые переводчики полагают, что «casaba» – название какого-то города, хотя в подлиннике «casaba» написано с маленькой буквы. На самом же деле «casaba» – название сорта дыни: «кассаба», или «зимняя дыня». Так как

русским читателям этот сорт дыни мало известен и в подлиннике не является смысловой доминантой, то во втором переводе совершенно обоснованно не указывается сорт дыни, а используется наименование целого вместо наименования части (генерализация). К тому же второй переводчик, несмотря на частичную элиминацию национально-культурной специфики данной реалии, всё же стремится найти в русском языке максимальное по своим признакам соответствие реалии исходного текста. Учитывая, что *кассаба* – маленькая дыня, А. Кистяковский находит вариант *дынька*.

В романе встречается множество названий различных видов еды. В процессе перевода адаптация таких реалий обычно происходит в направлении выбора русской реалии, которая в какой-то степени соответствовала бы реалии исходной культуры, то есть используется приближённый перевод.

There was shish-kabob for lunch, huge, savory hunks of spitted meat sizzling like the devil over charcoal [...] [Heller: 21].

1. Там готовили на завтрак *шиши-кебаб*. Огромные, дразнящие обоняние куски мяса жарились на вертелах [...] [пер. М. Виленского, В. Титова: 28].

2. На обед в тот день подавался *шашлык* – сочные куски мяса, аппетитно шипевшие над жаровней [...] [пер. А. Кистяковского: 25].

Для перевода названия «shish-kabob» переводчики М. Виленский и В. Титов используют транслитерацию, поэтому в переводе появляется никому не известное и малопонятное слово «шиши-кебаб». А. Кистяковский при передаче этой реалии выделяет её основной признак (куски мяса, зажаренные на вертеле), по которому становится возможным отыскать приблизительное соответствие в русской культуре. Таким соответствием оказывается всем нам хорошо известный «шашлык». Единственное отличие между одним и другим состоит в том, что в Америке куски мяса для шашлыка больше и жарятся они не на костре, а на специальной жаровне. Несмотря на то, что в первом переводе из контекста ясно, о чём идёт речь (это поясняется вторым предложением), на наш взгляд, использование транслитерации, ведущей к излишней «экзотизации» текста, всё же неуместно.

Приведём ещё несколько примеров из той же области.

Havermeyer popped another piece of peanut brittle into his mouth [Heller: 48]

1. Хэвермайер бросил в рот плитку прессованных орешков [пер. М. Виленского, В. Титова: 57].

2. Хавермайер слизнул с ладони последние крошки козинака [пер. А. Кистяковского: 50].

«Прессованные орешки» – не что иное, как козинак. Поэтому второй перевод данного предложения, несомненно, удачен.

Kugelhopf, rümpfnickel and Pfefferkuchen from Berlin [Heller: 261].

1. *Кугельхопф и пфефферкухен в Берлине* [пер. М. Виленского, В. Титова: 208].

2. *Ржаные кексы и пирожные с перцем из Берлина* [пер. А. Кистяковского: 249].

Данное предложение интересно с той точки зрения, что в тексте на английском языке встречаются реалии немецкой культуры с их названиями на немецком языке. Из текста можно лишь догадаться, что речь идёт о названии какого-то вида еды, но какого именно, не ясно. Перевод М. Виленского и В. Титова данных названий при помощи транслитерации на русский язык оправдан тем, что и носители ИЯ, и носители ПЯ воспринимают данные названия аналогично – как нечто типичное из немецкой еды, как немецкую кондитерскую экзотику. А. Кистяковский опять идёт по пути культурно-прагматической адаптации, поясняя эти названия для русского читателя. При этом допускается неточность: на самом деле речь в подлиннике идёт не о «пирожных с перцем», а о «печенье с пряностями». К тому же в данном переводе нарушается старое переводческое правило: то, что неясно в подлиннике, должно быть в равной мере неясно и в переводе, поэтому, на наш взгляд, более оправданной представляется переводческая стратегия, использованная в первом варианте.

Порою переводчики, столкнувшись в оригинале с неизвестным им явлением иноязычной культуры, не только «недоадаптируют» названия, но вообще дают неправильный, ничем не мотивированный перевод:

...teeth like large white marshmallows [Heller: 106].

1. ...с крупными, как лепестки большой ромашки, зубами [пер. М. Виленского, В. Титова: 125].

2. ...с зубами, как крупная белая пастila [пер. А. Кистяковского: 342].

Во всех приведённых выше примерах названия видов еды не играют особо существенной роли в общем контексте романа. А теперь рассмотрим пример, где такие названия являются доминантами содержания в высказывании.

The hot dog, the Brooklyn Dodgers, Mom's apple pie. That's what's everyone's fighting for [Heller: 9].

1. Горячие сосиски, «Бруклин Доджерс», мамин яблочный пирог – вот за что все сражаются [пер. М. Виленского, В. Титова: 16].

2. Дедовы капиталы... да свои домашние причиндалы – вот что все защищают! [пер. А. Кистяковского: 8].

В оригинальном тексте перечислено гораздо больше, чем обычные названия видов еды (яблочный пирог и хот-дог) и название бейсбольного клуба (Бруклин Доджерс). Все это – своеобразные символы американцев, которые в своём роде являются важнейшими выражениями национальной идентичности. Ведь даже укоренившееся в сознании сравнение *as American as an apple pie* означает не что иное, как указание на нечто абсолютно типичное и привычное для американцев.

В переводе чрезвычайно важно не опустить эту культурную информацию и передать авторскую интенцию. В данном случае единственной возможной стратегией, на наш взгляд, является перевод по функции (что и делает блестяще А. Кистяковский), а не по денотативному значению (в случае с переводом М. Виленского и В. Титова). Авторская ирония, вернее даже, сарказм, заключается в том, что все, по сути, защищают свои устоявшиеся привычки («дедовы капиталы» и «домашние причиндалы»), а не свою страну и народ, и здесь нет места настоящему патриотизму. Это подтверждается и контекстом: *That's what everyone is fighting for. But who's fighting for the decent folk? There's no patriotism, that's what it is. And no matriotism, either.*

В рамках данной статьи не представляется возможным подробно остановиться на других переводческих трудностях, связанных с передачей специальной терминологии (авиационной, общевоенной, медицинской, церковной), с переводом жаргонизмов, американских и итальянских реалий, с переводом говорящих имён собственных, аллюзий, речевых характеристик персонажей, названий цветов и их оттенков и так далее.

В связи с тем, что перевод рассматривается как воспроизведение (с функционально дифференциированной степенью необходимой полноты) содержания ИТ и как функционально обусловленная адаптация этого содержания и форм его выражения к новым лингвостническим условиям восприятия, все ошибки и недочёты в переводе объясняются двумя основными причинами: дефектами в трансляции исходного «культурного» содержания и недостатками в адаптации содержания и формы текста к коммуникативной компетенции адресатов перевода.

Литература

1. *Timko H. B.* Фактор «культура» в переводе. – Курск: Издательство КГУ, 2007. – 164 с.
2. *Хеллер Дж.* Уловка 22 / Перевод М. Виленского, В. Титова. – М.: Воениздат, 1967.
3. *Хеллер Дж.* Поправка 22 / Перевод А. Кистяковского. – М.: Прогресс, 1988.
4. *Heller J. Caqtch – 22.* – New York, 1970.

Н.С. Токмакова

Одинцовский филиал МГИМО МИД России

Одинцово, Россия

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ
В ТЕКСТАХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ И
ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ВЕДОМСТВ**

Аннотация. Статья содержит определение термина «метафора» и перечень видов данного тропа. На примере официальных документов и известных речей российских политических представителей (Крымская речь Президента РФ В.В. Путина 18.03.2014, выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на мюнхенской конференции 07.02.2015) рассмотрены роль метафоры в официальном, публицистическом стиле, а также способы перевода метафоры на английский язык.

Ключевые слова: метафора, публичное выступление, перевод метафоры.

Nadezhda S. Tokmakova

MGIMO-University,

Odintsovo, Russia

**PECULIARITIES OF USING AND TRANSLATING METAPHORS
IN THE SPEECHES BY HEADS OF STATE AND OFFICIAL
REPRESENTATIVES OF DIPLOMATIC DEPARTMENTS**

Abstract. This article contains a definition of the term “metaphor” and this speech figure types list. The role of metaphor in the official, journalistic style and also ways to translate the metaphor into English are considered on the example of official documents and well-known speeches of Russian political representatives (the Crimean speech of Russian President Vladimir Putin on 18.03.2014, the Speech of Russian Foreign minister Sergey Lavrov at the Munich conference on 07.02.2015).

Keywords: metaphor, public speech, translation of metaphor.

Изучение метафоры имеет давние традиции. Она привлекала крупнейших мыслителей различных исторических эпох, начиная с Аристотеля. Само слово «метафора» произошло от древнегреческого «перенос», «переносное значение». Метафора – это троп, фигура речи. В широком смысле это

всякое иносказание, образное выражение понятия; в обычном узком смысле – иносказание по сходству, замена одного выражения другим по сходству обозначаемых предметов.

«Для большинства людей метафора – это поэтическое и риторическое выразительное средство, принадлежащее скорее к необычному языку, чем к сфере повседневного обыденного общения. Более того, метафора обычно рассматривается исключительно как одно из проявлений естественного языка – то, что относится к сфере слов, но не к сфере мышления или действия. Именно поэтому большинство людей полагает, что они превосходно могут обойтись в жизни и без метафор. В противоположность этой расхожей точке зрения мы утверждаем, что *метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь* и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути...» [Lakoff, Johnson 1980].

Метафора присутствует практически во всех сферах человеческой деятельности. В данной же статье будет рассмотрена такая сфера как публичные выступления политиков и представителей дипломатии, поскольку метафора распространена во всех жанрах речи, предназначенных для воздействия на эмоции и воображение других людей. И логично предположить, что ораторское искусство и, наконец, публицистика широко используют метафору.

Метафора характерна для полемического, особенно политического дискурса. В нём она основывается на аналогиях: с войной и борьбой (*нанести удар, команда президента*), игрой (*сделать ход, выиграть партию, поставить на карту, блефовать*), спортом (*перетягивать канат, положить на обе лопатки*), охотой (*загонять в западню*), механизмом (*рычаги власти*), организмом (*ростки демократии*), театром (*играть главную роль, быть марионеткой, выйти на авансцену, под занавес действия*) и др.

Далее хотелось бы рассмотреть классификацию метафор, которая поможет пониманию явления метафоры в целом.

Существует определение дипломатии как науки. Дипломатия – это наука международных отношений и искусство ведения переговоров руководителями государств и правительства и специальными органами внешних сношений: министерствами иностранных дел, дипломатическими представительствами. Это средство осуществления внешней политики государства, представляющее собой совокупность невоенных практических мероприятий, приёмов и методов, применяемых с учётом конкретных условий и характера решаемых задач.

Таблица 1. Виды метафор

<i>Название метафоры</i>	<i>Описание метафоры</i>	<i>Пример</i>
Развёрнутая метафора	Метафора, последовательно осуществляемая на протяжении большого фрагмента сообщения или всего сообщения в целом	Книжный голод не проходит: продукты с книжного рынка всё чаще оказываются несвежими – их приходится выбрасывать, даже не попробовав
Реализованная метафора	Оперирование метафорическим выражением без учёта егоfigурального характера, то есть так, как если бы метафора имела прямое значение. Результат реализации метафоры часто бывает комическим	Я вышел из себя и вошёл в автобус
Простая метафора	Выражена одним образом, но не обязательно однословная	Золотистые свечи сосен
Стертая метафора	Часто употребляемое выражение (его переносное значение не улавливается)	Пришла зима, лёг снег, дождь
Резкая метафора	Сопоставление явно не сопоставимых понятий. Данный вид наиболее часто встречается в художественной литературе	Солнечная улыбка, начинка высказывания
Метафора-формула	Близка по виду к стёртой метафоре, но она настолько стереотипна, что употребить фразу в прямом значении уже проблематично	Колесо фортуны

Качество работы дипломата во многом зависит от его литературных талантов.

Дипломат в некоторых ситуациях должен уметь выразить свои мысли в краткой и чёткой форме (деловая обстановка), иногда в более красноречивых витиеватых и образных формах (в высшем обществе, например, с королевой, президентом и т.д.), бывают случаи, когда дипломату необходимо сначала выведать, «прощупать» тему разговора с собеседником, чтобы, не высказав своего мнения прямо, выяснить его отношение к интересующей дипломата теме разговора.

События, которые обязана освещать дипломатическая служба, происходят в настоящее время ежедневно. Многие вопросы, которые непосредственно касаются современной России, находятся под личным контролем министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова.

Именно одним из таких вопросов является ситуация на Украине, о которой шла речь на прошедшей в феврале 2015 года Мюнхенской конференции.

«В каждой ими же созданной сложной ситуации наши американские коллеги пытаются *перевести стрелки* на Россию», – утверждал министр, напомнив те недомолвки, которые использовал Вашингтон при обсуждении Договора о ракетах средней и меньшей дальности.

В итоге «стратегическое партнёрство России и Европейского союза *не выдержало испытания на прочность*». Европейский союз предпочёл конфронтационный путь. Все эти далеко *не «детские болезни» в отношениях* между Москвой и Западом в полной мере проявились в ходе кризиса на Украине.

«Важно, чтобы все осознали реальные масштабы рисков», – подчеркнул С.В. Лавров. По его оценке, «мир сегодня находится на крутом переломе, связанном со сменой исторических эпох». А *«родовые муки» нового мирового устройства* проявляются через возрастание конфликтности в международных отношениях.

Как можно заметить, С.В. Лавров в своей речи довольно часто использует метафору, чтобы подчеркнуть важность затронутого вопроса, а также для придания словам особого смысла, которого невозможно было бы достичь, не используя это средство художественной выразительности.

На примере так называемой «Крымской речи В.В. Путина» от 18.03.2014 проведён анализ способов перевода метафоры с русского языка на английский.

В теории перевода существует «закон сохранения метафоры», в соответствии с которым метафорический образ должен по мере возможности

сохраняться при переводе. Несоблюдение этого закона приводит к тому, что смысл фразы изменяется.

Я.И. Рецкер выделяет четыре способа передачи метафор [Рецкер 1974: 237]:

1) эквивалентные соответствия. Так, если метафорические системы исходного языка и языка перевода схожи, стоит прибегнуть к поиску подходящих соответствий.

2) вариативные соответствия используются в каждом конкретном случае при наличии нескольких, зафиксированных в словаре, способов передачи метафорического выражения.

3) трансформация. Трансформационный способ требует полной замены основы оригинальной метафоры.

4) калька. Восстановление полного аналога метафоры оригинала в переводе.

Утрата метафоры при переводе может привести к тому, что смысл будет передан не в полной мере, и переводчик должен найти какой-либо способ перевода для сохранения смысла.

«Российское государство, что же оно? Ну что, *Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду*». Президент этим высказыванием передаёт свое сожаление и бессилие России.

“What about Russia? It humbly accepted the situation”.

В данном примере применен описательный перевод. Кроме того, повторение схожих по семантике метафорических выражений и слов здесь выполняет функцию логического подчёркивания. В английском варианте однородные члены упраздняются до одного слова или выражения, что уменьшает коммуникативный эффект высказывания и делает его более нейтральным.

«Сами написали, *раструбили на весь мир, нагнули всех*, а теперь возмущаются. Чему? Ведь действия крымчан чётко вписываются в эту, собственно говоря, инструкцию». Выражение недоумения. Была использована отлагольная метафора «раструбили», которая несет отрицательную оценку. В данном случае это выражение понимается так: рассказать многим.

They wrote this, *disseminated* it all over the world, *had everyone agree* and now they are outraged. Over what? The actions of Crimean people completely fit in with these instructions, as it were.

Перевод опять же как бы «сглаживает» высказывание, добавляя ему нейтральную коннотацию, поскольку метафора *раструбили на весь мир* переведена глаголом *disseminated*, имеющем значение «распространять».

«Вопрос решили кулачно, междусобойчиком» В данном случае использован не глагол, а существительное «междусобойчик», но оно также носит негативную оценку. Нейтральное толкование слова – в узком кругу.

The decision was made behind the scenes. Прекрасный пример перевода с помощью метафоры английского языка – решить что-то за кулисами, неофициально.

Публичная речь имеет официальный характер, использование метафоры помогает лучше её воспринимать, при этом такое построение речи отражает собственное мнение говорящего. Происходит приближение к разговорному стилю речи. Одна из главных функций использования подобного приёма – это установление диалога с аудиторией и привлечение внимание к проблеме и субъекту речи.

Литература

1. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. – 237 с.
2. George Lakoff. Mark Johnson. Metaphors We Live By. Chicago, University of Chicago Press, 1980. – 4 с.
3. Телеканал Russia Today. [Электронный ресурс] // URL: <https://russian.rt.com/article> (дата обращения: 13.12.2019).
4. Интервью В.В. Путина немецкому телеканалу ARD [Электронный ресурс] // URL: <http://ukraina.ru/interview/> (дата обращения 14.12.2019).
5. Международные отношения. Основные виды и случаи применения дипломатических документов. [Электронный ресурс] // URL: <http://internation-diplomat.narod.ru/> (дата обращения 15.12.2019).
6. Российская газета. Мюнхенский разговор. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/> (дата обращения 15.12.2019).

В.И. Хайруллин
Башкирский государственный университет
Уфа, Россия

О БРУТАЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДА

Аннотация. В настоящей статье термин «брутальность» используется в значении «подчёркнутая грубость языка», а также её сознательное эксплицирование в литературных произведениях и в переводах этих произведений на русский язык. Одним из проявлений брутальности является ненормативная, или обсценная лексика. Политикой нашей страны до недавнего времени в отношении обсценной лексики был запрет на её печатное воспроизведение. События 1991 г. привели к значительным изменениям в культурной жизни: стало возможным переводить и публиковать книги, в частности, содержащие нецензурную лексику. В России данная лексика стала исследоваться лишь в 1990-е гг. Высказывается предположение, что текст перевода зависит от «переводческого произвола», т.е. от воли переводчика, который может сделать текст нейтральным или таким же, как исходный текст, или более брутальным, чем текст оригинала. Проведённое иллюстративное исследование показало относительно большую брутальность русскоязычного перевода.

Ключевые слова: перевод, исследование, брутальный, обсценный, лексика.

*Vladimir I. Khairoulline
Bashkir State University
Ufa, Russia*

TO THE QUESTION OF THE BRUTALITY OF TRANSLATION

Abstract. The paper employs the term *brutality* to mean an emphasized brutality of a language as well as its explication in literary writings and translations of the latter into Russian. One of the brutality instances is the use of obscene words. The policy of this country towards obscene words until recently was a ban to reproduce them in printed matter. The events of 1991 brought about dramatic changes in the cultural life of the country: it became allowed to translate and publish books that, in part, contained obscene words. The so-called taboo lexis came to be researched as late as in the 90s in Russia. It is admitted that the contents of the

translated text may be dependent on the translator's "license" to do whatever he/she wishes to do, that is, on his/her will. It is up to the translator to make a target text either neutral or as the source one, or even more brutal than the original. The author's investigation is illustrative with regard to the level of higher brutality of the Russian translation.

Keywords: translation, research, brutal, obscene, lexis.

В современный русский язык слово «брутальный» пришло из европейских языков, заимствовавших его из латыни, в котором *brutalis* означает «плотский, животный, вероломный», а *brutus* – «тяжёлый, грубый, тупой». В некоторых славянских языках есть слово «бруд», или «брут», что означает «грязь». В «Словаре иностранных слов» [Лёхин, Петров 1949] термин не зафиксирован, а в «Современном словаре иностранных слов» 2002 г. «брутальный» определяется как «грубый, тупой, прямолинейный» [<https://yandex.ru/turbo?text>].

В настоящей работе термин «брутальность» используется в значении «подчёркнутая грубоść языка», а также её сознательное эксплицирование в литературных произведениях и, что для нас особенно важно, в переводах этих произведений на русский язык. Одним из проявлений брутальности является ненормативная, или обсценная лексика, включающая вульгарные (бранные, табуированные) слова и словосочетания, выражающие спонтанную реакцию на неожиданную реальную ситуацию. Ядро табуированных выражений составляет обсценная триада гендерного типа. Число же производных от словообразовательных основ данного единства исследователями признаётся неисчислимым, поскольку они перманентно генерируются в живой речи [<https://ru.wikipedia.org>], что хорошо демонстрируется данными словарей, описывающими значения табуированных единиц, но вовсе не предназначенных в качестве руководства по их употреблению [Drummond, Perkins 1987: 8].

Официальной политикой России в отношении обсценной лексики на протяжении всей истории, за исключением непродолжительного периода начала XX в., а также в его 90-е гг. и в настоящее время, т.е. в первые десятилетия XXI в., был запрет на её печатное воспроизведение. Табуированные слова и выражения казались слишком вульгарными для их представления в печатном тексте, хотя некоторые из этих слов существуют в языке с древнейших времён, о чём свидетельствуют письменные памятники – берестяные грамоты XII-XIII вв. из Великого Новгорода и Старой Руссы [<https://ru.wikipedia.org>].

В России нецензурная лексика стала изучаться лишь в 1990-е гг.

В плане лексикографического описания табуированной лексики за пределами СССР и России наиболее плодотворными оказались 70-е гг. прошлого столетия, когда увидели свет *Dictionary of Russian Obscenities*, 1971 анонимного автора, *Short Dictionary of Russian Obscenities*, 1971, составленный Д.А. Драммондом и Дж. Перкинсом, и наиболее полный *Dictionary of Russian Obscenities*, 1979 тех же авторов.

Значительным событием с точки зрения лексикографической регистрации ненормативных выражений явилось солидное оксфордское издание 1972 г. русско-английского словаря М. Уилера [Wheeler 1972], в котором нашли отражение некоторые из табуированных терминов. В том же 1972 г. М. Галлер и Х. Маркесс выпустили уникальный словарь ГУЛАГа (*Soviet Prison Camp Speech* [www.goodreads.com]), включив в него также обсценную лексику лагерей. В 1973 г. А. Флегон опубликовал работу «За пределами русских словарей» [Флегон 1973], которая может оказать существенную помощь тем, кто профессионально занимается исследованием русской вульгарной лексики. Вместе с тем, многие словарные статьи имеют слишком общий или медицинский характер и могут быть найдены не только в данном издании, но и в универсальных или специальных словарях [Drummond, Perkins 1987: 5-6].

Дезинтегрирование СССР в 1991 г. привело к значительным изменениям как в политической, так и в культурной жизни. В частности, отмена цензурных ограничений позволила переводить и публиковать книги, перевод и публикация которых ранее представлялись недопустимыми по моральным соображениям [Komissarov 2001: 546]. В этой связи в отношении обсценной лексики невозможное также стало возможным – непечатные выражения стали печатными. Ненормативная лексика проникла в тексты произведений, в одни – открыто, в другие – значительно более щадяще. Так, в тексте современного российского романа объемом 69 печатных листов ранее непечатное слово (или его производные) встречается лишь четыре раза, например: «...для тебя это обычное фронтовое б...ство, а я первый раз полюбил» [Искандер 2019: 699].

Наибольший интерес для нас представляет то, насколько перевод английского текста на русский язык соответствует исходному варианту в отношении брутальности, грубости, насколько частотна передача исходных обсценных слов и выражений в русском языке.

Английский язык в своих произведениях уже давно толерантно относится к нецензурной лексике. Four-letter words (букв. «слова из четырех букв», т.е. «неприличные» слова) с 60-х гг. находят место на страницах произведений, причем зачастую они фигурируют не в качестве табуированных, а в качестве slang words/сленговых слов, т.е. слов, отличающихся коннотацией грубости.

Русский язык в этом отношении представляет собой иную картину. Лишь в последние десятилетия стало допустимым помещать нецензурную лексику в рамки литературного произведения. Поэтому особенно интересно проследить, насколько брутальность исходного текста транспонируется при переводе на русский язык, не сохранил ли русский язык прежнюю прудентность в отношении обсценной лексики или, напротив, позволяет ей беззастенчиво проникать в произведения, как бы навёрстывая то, что ранее было под запретом.

В первом приближении может показаться, что русский язык действительно проявляет осмотрительность при передаче обсценных выражений, что может быть проиллюстрировано примерами, в которых одно из наиболее распространённых «слов из четырёх букв» игнорируется в переводе, в результате чего последний выглядит вполне «печатно»: *Wrong, you f...ing ape!* [Bellow 1976: 82] – *Всего лишь не прав, образина?!* [Беллоу 2009: 89].

Однако более детальный анализ показывает, что непристойная лексика проникает в переводы произведений, причём это могут быть либо прямые соответствия, как в случае: *Tell him he's a dumb sh...t* [Bellow 1976: 82]. – *Передай на словах, что он г...о* [Беллоу 2009: 89], либо путём использования приёма компенсации, при котором обсценная единица исходного языка, утраченная при переводе, передается иной обсценной единицей в другом месте текста, нежели в оригинале: *You are too f...ing smart. I only asked for information. I'll find out* [Bellow 1976: 80]. – *Или какой выискался. Я просто так спросил. Без тебя, му...ка, узнаю* [Беллоу 2009: 88].

Для того чтобы определить, насколько брутальны стили произведения исходного и переводящего языков, нами было предпринято сопоставительное исследование. Материалом послужили сто страниц текста романа Ч. Буковски *Post Office* [Bukowski 2017] и перевод этих страниц на русский язык.

В результате на ста страницах английского текста мы насчитали 29 единиц обсценной лексики, тогда как на ста страницах переводного русского текста – 40 единиц, или на 11 единиц больше, а это много, поскольку цифры однозначно указывают на то, что перевод на русский язык более «брутален»: каждые 2,5 страницы отмечены единицей, относящейся к области грубого словаря.

Этот факт может быть объяснён, во-первых, большей общей брутальностью русской нецензурной лексики. Например, по данным словарей, крайне грубые русские ругательства на английский язык передаются нейтральными выражениями *you bastard; absolutely useless; very much; of course* [Drummond, Perkins 1987: 58, 82, 83] и др.

Во-вторых, многое в переводе зависит от «переводческого произвола», т.е. от настроения переводчика, от его воли – переводчик полагает, что он вправе редактировать текст перевода по своему усмотрению. Он может сделать текст нейтральным или таким же, как исходный текст, или более брутальным, чем текст оригинала, добавив в него по своему усмотрению обсценную лексику, например: *What the hell's wrong with those people?* [Bukowski 2017: 246] – *Что за х...я с людьми повсюду?* [Буковски 2017: 247]. Как оказалось, переводчик нередко выбирает третью опцию, а именно вектор брутальности.

Мы не ставим целью дать этическое определение факту воспроизведения обсценной лексики в печатном тексте. Мы занимаемся изучением проблематики теории перевода, области, которая носит не прескриптивный (предписывающий), а дескриптивный (описательный) характер, т.е. теория перевода не диктует условия или правила, в соответствии с которыми следует выполнять перевод, а описывает то, с чем мы встречаемся при анализе образцов перевода. В данном случае мы имеем дело с далеко не малочисленными примерами обсценной, ранее табуированной лексики, которая в настоящее время проникает на страницы произведений. Иными словами, она утрачивает характер непечатной, она становится печатной. Проведённое нами исследование показывает, что перевод произведения на русский язык может быть более брутальным по сравнению с текстом этого произведения на исходном языке за счёт использования большего числа единиц обсценной лексики.

Литература

1. Беллоу С. Подарок от Гумбольдта / Пер. с англ. Г.П. Злобина. – М.: ACT, ACT МОСКВА, 2009. – 478 с.
2. Буковски Ч. Почтамт / Пер. с англ. М.В. Немцова. – М.: Издательство «Э», 2017. – 432 с.
3. Искандер Ф. Сандро из Чегема. – М.: Эксмо, 2019. – 1104 с.
4. Лёхин И.В., Петров Ф.Н. Словарь иностранных слов. – М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1949. – 805 с.
5. Флегон А. За пределами русских словарей. – Лондон, 1973 [Электронный ресурс] // URL: <https://romanovs-end.ru/1993-flegon-za-predelami-russkih-slovarej> (дата обращения 07.11.2019).
6. Bellow S. Humboldt's Gift. – New York: Avon Books, 1976. – 471 p.
7. Bukowski Ch. Post Office. – М.: Издательство «Э», 2017. – 432 с.

8. *Drummond D.A., Perkins G.* Dictionary of Russian Obscenities. – Oakland: Scythian Books, 1987. – 94 p.
 9. *Komissarov V.N.* Russian Tradition // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. – London and New York: Routledge, 2001. – P. 541-549.
 10. Wheeler M. The Oxford Russian-English Dictionary. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 913 p.
-
11. [Электронный ресурс] // URL: <https://yandex.ru/turbo?text=Fjevoljucija-slova-brutalnyj&d=1> (дата обращения 25.10.2019).
 12. [Электронный ресурс] // URL: www.goodreads.com (дата обращения 07.11.2019).

Научное издание

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ПЕРЕВОД:
НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сборник научных трудов

В двух частях
Часть 1

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Технический редактор *Д.Д. Романенко*

Подписано в печать 05.10.2020. Формат 60×84 1/16·
Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 15,81. Тираж 100 экз. Заказ 19/10-1

Одинцовский филиал МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники
Одинцовского филиала МГИМО МИД России
143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3